

"Тринадцатый отдел, книга первая (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Олег Рогозин

Тринадцатый отдел.

Книга первая: Игра.

Глава 1. Части 0-1.

0.

...Верхушки сосен — черным кружевом на фоне светлеющего неба. В памяти все, как вчера — предрассветный влажный холод, шепот ветра в темной кроне просыпающегося леса, голоса птиц, успокаивающая тяжесть автомата в руках. И силуэт в белой рубашке, что появился, словно бы ниоткуда, на фоне темных вековых стволов.

— Уходи. Тебя не примут. Ты еще слишком живой. Ты весь во власти страхов и сомнений. Они не станут тебя учить. А я остаюсь.

И черты лица, резкие, словно высеченные из камня, искажены сейчас такой знакомой гримасой напускной суровости. Вот только в этот раз все без шуток, всерьез.

Знакомые, родные черты. Тонкая линия губ, раскосые глаза, брови вразлет. Руслан, Русский, позывной «Бродяга», звание — сержант, спецификация по Шестому Протоколу — оператор.

Руслан. Родной. Любимый...

— Уходи.

— И... что мне докладывать? — внезапно пересохшие губы едва шевелятся, выталкивая бессмысленные, ненужные слова.

— Какая разница? Говори все, как есть.

Ниточка рвется с тонким, едва различимым звоном. А может, и не было никакой ниточки, все-то ты выдумал, глупый наивный мальчишка...

Силуэт в белом исчезает бесшумно, словно растворившись в полумраке леса. И можно наконец-то упасть, зарыться лицом во влажный, густой ковер мха и отчаянно, по-звериному завывать, потому что больше ничего не будет, как прежде...

* * *

1.

Все началось с того, что Саша пошел бухать с геологами.

Ему бы подобная идея и в голову не пришла, но предложение исходило от Кати, а значит, судьба вечера была предрешена. Когда девушка, за которой ты с переменным успехом ухаживаешь уже месяц, в ответ на робкое предложение сходить в кино заявляет «Какое кино, пойдем лучше ко мне после пар», отказаться совершенно невозможно. Даже если за этим

воодушевляющим заявлением следует гораздо менее воодушевляющее «ко мне там ребята собираются, будет весело».

Что будет, мягко говоря, действительно не скучно, Саша понял еще в супермаркете, куда они забрели по пути «купить чего-нибудь к чаю». Пока он рассеянно изучал взглядом полки с печеньем, Катя уверенно направилась в винно-водочный отдел, чтобы через полминуты вернуться с двумя бутылками водки. Бутылки она опустила в сетку, которую Саша нес следом за ней, как и подобает истинному джентльмену, и потащила онемевшего спутника к морозилке.

— А... — поинтересовался было Саша, проследив взглядом за перемещением в сетку огромной пачки пельменей.

— Ну так закуска же, — пожала плечами его прекрасная леди и задумчиво оглядела окрестности.

— Чего-то мы забыли... а! Шоколадку!

Геологи были своего рода закрытой кастой. Проходя по утрам мимо их обители к дверям родного психфака, Саша иногда наблюдал весьма колоритных персонажей — заросших, в камуфляже и с рюкзаками, или просто помятых и похмельных. Геологи забивали воистину геологических масштабов болт на все конференции и прочие культурные мероприятия, зато стабильно брали первые места на спортивных соревнованиях. Летом их вывозили куда-то в горы, откуда они возвращались еще более дикими и неадекватными — вот и все, что Саша знал о геологах. Да и не интересовался он как-то другими факультетами — на первом курсе прочих забот хватало, не до активной общественной жизни, да и едва начавшийся второй курс халявы не обещал. Другое дело — Катя... она, кажется, была знакома уже со всем университетом. Яркая, бойкая, самоуверенная, прирожденный лидер — еще б лекции не прогуливала, была б не девушка, а воплощенный идеал, но Сашу подобные мелочи не волновали. Пропущенные лекции всегда можно попросить у соседа по парте, то есть, у него — лишний повод для общения, и то хлеб.

— Это Вит, Маркус, Аша, Лена, — представляла Катя своих друзей, царственным жестом указывая то на одного, то на другого, — Фарид, Соня, Берг...

Сашу так и подмывало спросить, почему же Лена просто «Лена», в такой-то компании, но он, конечно, промолчал. А через полчаса, присмотревшись к «Лене», убедился, что и это, скорее всего, не имя, а ник. Потому что Лена была парень, судя по всему. Хотя, пока «она» не раскрыла рот, глубоким баритоном что-то прокомментировав, догадаться было решительно невозможно.

Купленная водка, конечно, была не единственной живительной влагой этим вечером. Гости притащили с собой еще какие-то сомнительные жидкости в пластиковых бутылках без опознавательных знаков, наполнили разнокалиберные кружки, обнаруженные у Кати на кухне, и принялись оживленно обсуждать неких незнакомых Саше людей и связанные с ними события. Ему ничего не оставалось, как молча сидеть в углу, как можно медленнее поглощать содержимое кружки и от нечего делать рассматривать своих вынужденных собутыльников. Не так он представлял себе этот вечер, ну да что тут поделаешь? Было бы глупо надеяться, что столь общительная личность, как Катя, выделит целый вечер для него одного. У нее, небось, план вечеринок на месяц вперед расписан. Если, конечно, она вообще заморачивается составлением планов.

Геологи вроде не производили впечатления опасных психопатов, что обнадеживало. Так, в меру неформальные ребята. Ну, у кого-то пирсинг в губе, у кого-то нечесаный хайр до пояса — то ли готы, то ли альтернативщики, то ли всего понемногу. Саша, в общем-то, ничего против не имел, и содержимое плеера у него, скорее всего, совпало бы с таковым у половины присутствующих, просто так уж сложилось — в подобных компаниях он чувствовал себя чужим. Как и в практически любых компаниях. Компании, в свою очередь, предпочитали его молча игнорировать — собственно, что сейчас и происходило. Наверняка сочли молчаливого угловатого парня «ботаном», неудачливым Катиним ухажером, не заслуживающим пристального внимания. «Ботаном» Саша себя не считал — просто учился хорошо. А в остальном, в общем-то, выводы были верные, с чем тут спорить?

А разговоры в компании велись интересные. Настолько, что Саше поначалу показалось — то ли фильм какой-то обсуждается, то ли игра... Но чем дальше, тем больше он убеждался — они это всерьез.

— Она считает, что это ее персональный дух-проводник, в общем, — небрежно говорила тем временем симпатичная брюнетка Аша. — Я уж не знаю, может, там паразит какой присосался...

— Да ладно, паразит, — задумчиво сказал Фарид, смуглый высокий парень, который возился с принесенным с собой кальяном — в культурной программе, вроде, еще значилось воскуривание «злых трав и корней», как, хихикая, объявила ранее Катя. — Я вот недавно был на одной квартирке... ну там и атмосфера, вы б видели. Как будто даже стены тебя сожрать хотят.

— Ой, а у меня на кухне по ночам такие странные звуки бывают! — невпопад перебила его Катя. Саша едва узнавал свою однокурсницу — она весь вечер говорила неестественно-громко, подолгу хохотала над каждой шуткой, нелепо размахивала руками. «Она уже чего-то... накурилась? Или наглоталась?» — растерянно подумал он, глядя на раскрасневшуюся, словно от жара, девушку.

— И что за звуки? — переспросил еще кто-то из парней.

Катя пожала плечами, не отрывая взгляда от Фарида.

— Щелчки какие-то. Громкие. Как будто выключатель кто дергает. Только свет не загорается.

— Проверить бы, что тут у тебя... — парень вроде бы проникся ситуацией, даже кальян отложил.

— Это как? — Катя распахнула глаза широко-широко, точно пытаясь стать похожей на персонажа аниме.

— Ну, проведем...

— Спиритический сеанс, — внезапно закончила за него Яна, молчаливая девушка в длинном черном платье. Фарид покосился на нее удивленно, но ничего не ответил.

— Ага, и вызовем дух Пушкина? — неожиданно сам для себя скептически поинтересовался Саша. Он с нарастающим недоумением слушал разговор, пытаясь понять, не шутят ли собеседники, и в то же время сердце замирало от невесомого прикосновения тайны — он еще не встречал людей, которые столь легко рассуждали о подобной мистике. Он и сам был немного «в теме», в рюкзаке болтался одно время томик Кастанеды, где-то на книжных полках в родительском доме пылились «Астральные путешествия» Ледбитера, и прочее, и прочее... Но

одно дело — читать в одиночку, усмехаясь недоверчиво, пропуская прочитанное сквозь частое сито естественного скептицизма... и совсем другое — слушать, как компания твоих сверстников спокойно, даже обыденно обсуждает каких-то духов, астральных паразитов и прочую загадочную дребедень.

— Ну вот почему сразу Пушкина? — возмущенно хмыкнула Аша, не дав никому и слова вставить. — Вот что он такого гениального написал, что все его вспоминают, к месту и не к месту? Почему не Бродский, почему не Мандельштам, ну или хотя бы Лермонтов?

— У него прикольная... эта, — пробурчал заросший щетиной парень, представленный как Берг. — Во глубине сибирских руд... храните скорбное терпенье... прям про нас на практике в штольне.

Народ одобрительно захихикал.

— И письмо Татьяны, — прокурренным баритоном вставила «Лена». — Классический образчик мышления влюбленной дурочки. Века идут, а бабы не меняются.

— Да все равно! — брюнетку не так-то просто было сбить с темы. — Ну почему, как вызывать, так сразу Пушкина? И при чем здесь Пушкин?

— И при чем здесь спиритизм, — резюмировал Фарид. — Катя, там вроде пельмени варились?

— Ой, блиин! — схватившись за голову, хозяйка квартиры кинулась на кухню, за ней — драматически закатившая глаза «Лена».

— При чем здесь спиритизм... — задумчиво повторил смуглокожий парень и надолго завис, глядя в одну точку.

— Действительно, можно же, например, рамками квартиру проверить. Биолокацией, — Саша попытался развить интересовавшую его тему, пока разговор не скатился окончательно в диспут о литературе. Вот уж чего он не ожидал от геологов, на самом деле.

— О! А ты умеешь? — заинтересованно спросил Вит, чем-то напоминавший киношного вампира — только вампир не стал бы носить на шее и на пальцах столько серебра. Ну, если следовать народным поверьям, конечно.

Саша пожал плечами.

— Так, теоретически... книжку читал.

Из кухни вернулась Катя с пельменями, и разговор на некоторое время прервался. А потом водка в желудке-таки вступила в некую загадочную реакцию с горячим тестом, и Саша на некоторое время вообще перестал соображать, что происходит. Откуда-то появились свечи, заиграла странная музыка с выраженными восточными мотивами; кажется, Соня танцевала посреди комнаты, выгибаясь в причудливых, неестественных позах, а они все держались за руки, образуя широкий круг. Потом был громкий смех, звон разбитого стекла, отдельные картинки перед глазами — Катя танцует с Фаридом, нелепо и пошло виляя бедрами, кто-то распахивает окно — порыв холодного ветра гасит половину свечей, выдувает сладковатый дым из курильницы на столе, чьи-то недовольные голоса, а потом...

Саша проснулся, лежа на ковре в неудобной позе. Спина затекла, голову ломило. «Все признаки того, что вечеринка удалась», саркастически подумал он и поднялся на ноги — со

второй попытки.

Часы на мобильном утверждали нелепое — будто сейчас уже 11 часов, а значит, первые пары злостно и необратимо пропущены. Такого с ним еще не случалось. Впрочем, как говорится, все бывает впервые.

— Катя? — позвал он неуверенно, оглядывая комнату. Безжизненных тел по углам не наблюдалось — похоже, последним из таковых был он сам, а прочие давно проснулись и разбрелись. Неудивительно, они же геологи, они, небось, привычные — с пьянки да в штольню, или на этот, как его... раскоп? Разрез? В поле, в общем...

— Саш, я тут, — отозвалась хозяйка квартиры откуда-то со стороны кухни. Голос ее звучал растерянно, и, заглянув туда, Саша понял, почему.

Стены и пол кухни были покрыты равномерным слоем какой-то бурой комковатой слизи. Несмотря на отвратительный вид, субстанция ничем не пахла и ассоциаций никаких не вызывала. Ни малейших.

— Это... что? — с ужасом спросил Саша, оглядывая помещение.

— А я знаю? — Катя беспомощно развела руками. — Вообще ни на что не похоже. Не пельмени же это сбежали, а?

Предположение было настолько абсурдным, что Саша не смог подавить смешок. Покосившись на него, захихикала и девушка.

— Ладно, надо это отмывать, чем бы это ни было, — она решительно направилась в ванную и вскоре вернулась с ведром и шваброй.

— Ты мне поможешь?

Когда девушка, которая тебе — все еще, несмотря ни на что — нравится, говорит подобную фразу, отказаться решительно невозможно.

Глава 1. Часть 2.

02.

Сон был странным, тягучим и липким, с осязательно-медленным течением времени. Саша бежал по бесконечным лестницам и коридорам, точнее, пытался бежать — но ноги двигались медленно, нехотя, словно продираясь сквозь густую и вязкую среду. А сзади неотвратимо приближались серые размытые силуэты — не агрессивные, равнодушные. Просто шли за ним следом. Люди в серых костюмах... или не люди. Поднявшись утром, он нарочно долго умывался, словно пытался смыть с себя остатки сна.

Его соседки по парте снова не было на первых парах, но Саша больше не удивлялся этому факту — после случившейся позавчера импровизированной «вечеринки» с геологами он уже имел некоторое представление о Катином образе жизни. Не то чтобы ему особенно нравилось это знание, впрочем.

Девушка появилась только в середине дня, в начале большого перерыва, который студенты традиционно использовали для обеда в столовке. Саше сегодня, видимо, не суждено было

пообедать, потому что его едва ли не на выходе из аудитории поймала Катя и за рукав утащила на боковую лестницу — «поговорить».

— Саш, у меня в квартире пиздец какой-то, — жалобным тоном сообщила она.

— Что... опять кухню чем-то залили? — середину фразы, которая звучала как «твои двинутые приятели-геологи», Саша благоразумно опустил.

— Какое там! — Катя замотала головой. Растрепанные волосы в беспорядке рассыпались по плечам. — Там мебель двигается! Холодильник трясется! И звуки, какие-то голоса... я эту ночь вообще не спала...

«Пить надо меньше, и дрянь всякую курить и принимать» — пробормотал в Сашиной голове некий внутренний скептик. Вздохнув, он спросил, стараясь, чтоб голос звучал нейтрально, без осуждения:

— А ты со своими друзьями не консультировалась по этому поводу? Вроде они в этом... разбираются.

— А они не отвечают, никто, ни один трубку не берет! — с отчаянием выкрикнула Катя, а в следующую секунду Саша обнаружил ее рыдающей у него на груди. Открытие это было довольно приятным, так что следующая скептическая реплика так и осталась невысказанной, и он осторожно обнял девушку, успокаивая.

— Давай поедem вечером к тебе и попробуем разобраться, что там творится, хорошо? — он старался говорить уверенно, хотя вовсе не был твердо убежден в успехе предприятия. Хорошо, если все дело в девичьих нервах, расшатанных всякой психоделикой. А ну как и вправду завелась в квартире некая неведомая... долбаная фигня, если чуть смягчить расхожее интернет-выражение? А у него — ни малейшего опыта контактов со сверхъестественным. Нечего сказать, нашелся великий экзорцист, «Константин-повелитель тьмы»...

Но Катя смотрела на него с надеждой, а наглый восточный красавец Фарид был далеко и даже трубку не брал, а значит, этот раунд по умолчанию оставался за Сашей, и было бы чертовски глупо такой возможностью не воспользоваться.

Они все-таки досидели до конца пар — Саша настоял на этом — и отправились «воевать с нечистью». Саша иронически подумал, что было б неплохо запастись чем-нибудь вроде святой воды, ну, или ладана хотя бы... Проблема в том, что они оба были, в общем-то, неверующими, а подобные «прибамбасы», как он всегда был искренне убежден, помогают только тем, кто в них верит. Так что, в квартиру Кати они вошли, вооруженные исключительно собственной решимостью.

Тут действительно что-то было «не так». Совсем не так. В воздухе чувствовалась странное напряжение, Саша явственно ощутил это еще с порога.

— На кухне, — подсказала Катя, вцепившись в его руку, но сама почему-то туда не спешила проходить. — Там и раньше что-то было, а теперь...

— А что они вообще тут творили позавчера, твои геологи? — осторожно поинтересовался Саша.
— Я почти ничего не помню...

— Ну... я и сама не очень поняла, — призналась девушка, пожав плечами. — Фарик что-то говорил о том, что надо вступить в контакт с обитающей здесь сущностью... Ну, ему не

впервой, они этим постоянно занимаются. Ну вот, и Соня первая ее почувствовала, она вроде как медиум...

На кухне что-то негромко хлопнуло. Катя осеклась на полуслове и побледнела.

— Вот, ты слышал? Слышал?

Оттягивать неприятный момент было больше нельзя. Саша вздохнул и направился напрямик в обитель неведомой «сущности».

Он, конечно, испытывал некоторые опасения, но все же не до панической дрожи в коленках, поэтому, когда еще на пороге комнаты на него нахлынула волна неестественного ужаса, Саша отнес это ощущение скорее к сверхъестественным проявлениям, чем к собственному паникерству. Когда первая волна неведомого откуда взявшегося адреналина схлынула, он все-таки заставил себя шагнуть внутрь.

Кухня была пуста. То есть все было на своих местах, холодильник, печка... И в то же время он явственно ощущал, что в дальнем углу что-то есть. Что-то чуждое, неприятное.

Катя осторожно заглянула следом, и Саша отметил, что она с опаской косится в тот же угол. Он мысленно собрался и подошел ближе к подозрительному месту, до рези в глазах всматриваясь в обманчиво пустое пространство. Резь в глазах не была фигурой речи - под веки и впрямь будто песка насыпали. Моргнув, он на мгновение увидел сквозь пелену ресниц что-то полупрозрачное, аморфное, пульсирующее, медленно колыхающее водянистым телом, точно гигантская амеба...

Он пришел в себя уже в гостиной, где обнаружил себя панически вцепившимся в дверной косяк, а Катю — не менее панически вцепившейся в его плечо.

— Что? Что там?

— Там... что-то есть, — содержательно сообщил Саша. Нервно сглотнул и добавил: — В углу. Хрень какая-то. Вообще не знаю, что это.

— И что нам делать? — Катя не казалась сильно удивленной, хоть и была напугана — видимо, чего-то подобного она и ожидала.

— Изгонять, — Саша подавил смешок, представив себе, как они вваливаются в кухню, размахивая самодельным крестом с воплем «изыди!». — Или звонить Фариду и компании. Неведомая хрень — это же их профиль.

— Да ну их! — возмутилась Катя. — Хватит с меня, наигрались уже! Энергуи хреновы...

Саша хмыкнул, отмечая для себя и колоритное словечко, и польстившую его самолюбию формулировку «что НАМ делать».

Катя, оправившись от первого испуга, развила бурную деятельность. Откопала где-то пачку восковых свечей, потащила Сашу к какой-то соседке, долго шепталась с ней в прихожей и вернулась с пол-литровой бутылочкой воды.

— Святая! — торжественно объявила она, потрясая бутылкой. — Так и знала, что у баб Зины есть. Вдруг поможет?

— Ты хоть примерно представляешь, как это делается? — поинтересовался Саша, скептически рассматривая свечку. На ней черным маркером было накарябано нечто неразборчивое — похоже, эти свечи уже для чего-то использовали.

— А ты? — ответила девушка удивленно. — Ты так уверенно сказал, я подумала...

— Ясно. Скорее всего, ни фига у нас не получится, — вздохнул Саша.

— Ну давай попробуем, а? Хуже ведь не станет?

Хуже действительно не стало, хотя у Саши и имелись поначалу некие сомнения насчет этого.

Лучше, впрочем, тоже не становилось. Они стояли посреди кухни, разбрызгивая вокруг воду с затхлым болотным запахом — в иное время Саша непременно пошутил бы по поводу ее «святости» — размахивали горящими свечами, безжалостно заливая линолеум каплями воска, и чувствовали себя полными идиотами. А в углу по-прежнему что-то ощущалось, давило на психику с прежней интенсивностью.

— Может, надо молитву какую прочитать... — неуверенно предложила Катя.

— Да какую, нафиг, молитву? — Саша почувствовал, что начинается злиться, в первую очередь — на себя. Лезет непонятно во что, и ничего при этом сделать не может... Распустил хвост перед девушкой, приехал, называется, «разобраться».

Смутившись собственного выпада, он отвернулся и со злостью ткнул свечой в сторону злосчастного угла.

— Кыш! — сердито сказал он, не особенно задумываясь над тем, как глупо это выглядит или звучит. Он уже понял, что делать тут что-то совершенно бессмысленно.

И тут что-то сдвинулось. Их внезапно обдало неизвестно откуда взявшейся волной холодного воздуха — словно сквозняком. Саша то ли боковым зрением увидел, то ли кожей ощутил некое движение, активное шевеление в углу. Катя же ничего не заметила и продолжала чертить круги рукой со свечкой — ей это действие казалось почему-то наиболее эффективным.

— Кать, отойди-ка, — Саша с трудом справился с внезапно пересохшим горлом, чтобы хоть что-то произнести. Прикрыв глаза, он сквозь ресницы посмотрел в угол.

Нечто, обитавшее в углу, беспокойно бурлило, вытаскивая и вновь убирая длинные прозрачные щупальца, переваливаясь с боку на бок.

— Кыш! — со страхом и одновременно каким-то неведомым доселе азартом повторил парень и снова ткнул свечкой. — Брысь! Пошла отсюда... хреновина! Разлеглась тут!

И «хреновина» медленно, словно бы нехотя, «пошла». Точнее, поползла в направлении двери, волоча щупальца. Тут и Катя что-то ощутила, почему-то взвизгнула и одним стремительным движением запрыгнула на стол.

Через минуту в кухне стало ощутимо легче дышать. Рассудив, что тварь уже, наверное, в коридоре, Саша вышел следом. В полумраке коридора он ничего не увидел, но, на всякий случай, прошел вперед до самой двери, тыкая перед собой свечой и продолжая выкрикивать что-то агрессивное.

— Получилось! — Катя позади засмеялась, хлопнула в ладоши. — Ой, Сашк, тут прям как-то светлее стало разом! Ты почувствовал, да? У тебя получилось!

Горячие руки обхватили его сзади, отчего Саша едва не выронил свечу. Катя обнимала его, радостно смеясь.

— А говорил, не умеешь!

— Надо еще убедиться, что она не затаилась где-нибудь еще, — небрежно сказал Саша. Гордости, которую он сейчас испытывал, хватило бы на десяток черных и белых магов, и еще осталось бы на полтора супергероя.

Глава 1. Части 3-4.

03.

Прощание вышло даже более эмоциональным, чем можно было ожидать, и на площадку Саша вывалился преисполненным разного рода лирических надежд и радостных ожиданий. Чуть ли не вприпрыжку добежал до лифта, безуспешно сражаясь с желанием петь в голос, нажал кнопку вызова и только тут уловил уже знакомое давящее ощущение. Изгнанная тварь была где-то поблизости.

Холодея от дурных предчувствий, он выглянул на лестничную клетку. Пролетом ниже на площадке стояли двое людей — точнее, один стоял, прислонившись к стене и засунув руки в карманы, а другой сидел на корточках, делая какие-то пассы руками. Словно ощупывал или гладил нечто невидимое, и Саша даже догадывался, что.

— И кто ж тебя так шуганул резко, бедненькая, аж половину каналов оборвала, пока драпала, — ласково-насмешливым тоном говорил сидящий. Это был молодой парень самого обычного вида — в джинсах, футболке, с длинными темными волосами, небрежно стянутыми в хвост. Второго Саша вообще толком не мог разглядеть, пока тот не поднял голову, неожиданно встретившись с ним взглядом. Сашу словно кипятком ошпарило — по коже прокатилась волна неприятного покалывания. Он успел разглядеть только сверкнувшую холодным, стальным блеском оправу очков, серый костюм с галстуком, и жесткие, точно сканирующие его, глаза.

— А вот и наш юный экзорцист, — произнес второй, и тут Саша побежал. Понесся обратно, как сумасшедший — в другом конце площадки был выход на боковую лестницу. Сзади раздался топот ног, и тогда он развил максимальную скорость, вылетел на лестницу, прыжками через три ступеньки спустился и с ужасом понял, что на улицу эта лестница не ведет... она заканчивалась дверью, вероятно, ведущей в подвал. Тревожно загудел спускающийся лифт, и Саша бросился к двери, рванул ее на себя и оказался в грязном, захламленном темном помещении. Единственным источником света было запыленное окно, ведущее на улицу, и Саша, не долго думая, выбил окно подвернувшимся под руку предметом — им оказалась жестяная банка с засохшей краской — и выпрыгнул наружу.

Только влетев в уже отходящий от остановки автобус и судорожно вцепившись в поручень, он немного успокоился и попытался обдумать происходящее. Те двое на лестнице — далеко не простые люди... люди ли они вообще? Может, пришельцы какие-нибудь. У которых сбежал домашний питомец, например.

Мысль была отброшена как идиотская, но сомнения оставались. Люди в сером, почти как из недавнего сна... совпадение? Нафиг такие совпадения.

Может, они профессиональные... заклинатели сущностей какие-нибудь? Как там сказал этот тип, ну да... «а вот и наш экзорцист». Дурацкое слово, при чем здесь, на самом деле, экзорцизм — изгнание демонов? Тварь на Катиной кухне на демона не тянула, если честно...

Тут парня вновь накрыло запоздалой волной страха, аж в груди похолодело. До него только сейчас дошло — а как они могли узнать, что именно он изгнал тварь из квартиры? И чего хотели, зачем гнались за ним?

А что, если он уже «на крючке», если за ним следят?

А что, если этим ребятам узнать, где он живет — раз плюнуть?

Саша настороженно завертел головой, присматриваясь к окружающим. Никто из пассажиров автобуса у него особенных подозрений не вызвал, но он на всякий случай выскочил на следующей остановке и несколько раз пересаживался, путая след, и до самого дома нервно оглядывался — не следует ли за ним черная машина без опознавательных знаков или что-то в этом роде? Но все было спокойно.

Несколько раз за вечер он порывался позвонить Кате, но в итоге решил, что не хочет ее пугать своими бреднями на ночь глядя. Лучше всего будет обсудить происшествие завтра, в универе...

* * *

04.

...Город был затянут туманом, и старый висячий мост почти терялся за молочно-белой завесой, но Саша знал, что его там ждут, просто знал — и все. Он медленно шел к мосту, ощущая влажный шершавый асфальт подошвами босых ног, наслаждаясь этим ощущением, полной грудью вдыхая чуть горьковатый — с привкусом осенних костров — воздух. Странно знакомый и одновременно незнакомый женский голос пел в его голове, искусно вплетая в песню на несуществующем языке отдельные осмысленные слова:

— Во сне... не оступись... мост... иди...

Ветхие доски моста закачались под ногами, и Саша ухватился за перила, но не отступил — двинулся дальше по мосту.

Где-то внизу невидимая сейчас река шумно вздыхала, звенела о камни, ворчала, неустанно споря со скалистыми берегами. Стройная, неправдоподобно-тонкая фигура девушки в белом платье постепенно выплывала из тумана. Саша пытался рассмотреть лицо, но черты его ускользали от взгляда. Губы незнакомки не двигались, но песня продолжала звучать.

— Не пробудись над пропастью... Не пробудись...

Ладони девушки скользнули к его лицу, двигаясь странно, неестественно, точно жили отдельной жизнью — две белые птицы-руки накрыли его глаза сияющими крыльями, но Саша продолжал видеть сквозь них, точно они были тоже сотканы из вездесущего тумана.

— Я посмотрю, кто ты, просто посмотрю, не бойся, — тихо сказала призрачная незнакомка, и Саша понял, что пела не она — голос был иным, менее звучным, бесцветным.

— Не пробудись... — прошептал в ухо внезапно налетевший порыв ветра.

— Это сон? — спросил Саша, и, еще не договорив фразу, успел сам понять — да, сон.

Девушка тут же растаяла, а через мгновение начали таять и доски моста под ним, и Саша рухнул вниз, в неправдоподобно-густой туман...

Он проснулся с бешено колотящимся сердцем, и, по инерции еще размахивая конечностями в отчаянной попытке удержаться за перила моста, со всей дури грохнул рукой о прикроватную тумбочку.

— Б***ь! — резюмировал Саша, потирая ушибленную руку. Сколь бы ни был интеллигентен и эрудирован средний студент психфака, а базовые архетипы все-таки срабатывают быстрее. Обращение к первичному материнскому началу и все такое.

То, что с ним произошло, в эзотерической литературе называлось гордым термином «осознанные сновидения» и почиталось за определенного рода достижение. Понять во сне, что спишь — уже немало, следующий шаг — научиться задерживаться в этом состоянии, а не просыпаться тут же.

Правда, обычно авторы всех этих не упоминали, что в момент осознания реальность сна начинает рассыпаться на кусочки.

Одеваясь, Саша пытался вспомнить, где же он встречал нечто похожее. Сон начинает разрушаться, если просыпается видящий его... если он успел увидеть этот момент, значит ли это, что хозяин этого сна проснулся раньше? То есть... как будто его затянуло в чужой сон? Затянуло или затянули...

Когда в голову лезет подобная параноидальная чушь, самое время послушать что-нибудь обнадеживающе-материалистическое, чем Саша и занялся на протяжении первых двух пар — физиология нервной системы была именно тем, что требовалось. А после перерыва появилась Катя, и, не глядя на него, под села к одной из своих многочисленных подруг. Саша недоуменно косился на нее в течение еще одной пары, а на выходе из аудитории поймал за локоть.

— Ты чего?

Катя вырвалась, бросила на него испуганный и одновременно почему-то виноватый взгляд.

— Ниче. Нормально все. Просто давай не будем.

— Чего не будем? — Саша уже перестал что-либо понимать. Загадочная, мать ее, женская душа!

— Ничего не будем, — Катя огляделась по сторонам, убедилась, что все их однокурсники уже разбежались и, придвинувшись, быстро зашептала:

— Саш, ко мне приходили какие-то... о тебе спрашивали. Слушай, ты хороший парень, но я таких проблем не хочу. Спасибо, что успокоил меня тогда, у меня действительно нервы разыгрались, вот и мерещилось всякое. Не хочу больше с этим связываться.

— Что? Катя, я их видел вчера. У тебя на площадке двое... тусовались. Это они приходили?

Катя замотала головой, не давая ему договорить.

— Не хочу ничего слушать, не хочу, ты понял? Это все наркоманы эти чертовы с геофака, на

порог их больше не пушу. Чуть не свихнулась с ними.

— Приходили к тебе тоже наркоманы с геофака? — хмыкнул Саша. Он не совсем понимал, что происходит с девушкой, но на душе было горько.

— Нет... слушай, я им сказала, что ты мой однокурсник. Это ничего? Они же не бандиты?

— Да откуда я знаю, блин! — Саша раздраженно мотнул головой. — Они откуда-то знали, что я изгнал эту... ну, тварь...

— Не было никакой твари, — Катя решительно остановила его, уперевшись в грудь ладошкой.

— Фантазеры мы с тобой. Напридумывали чего-то... Знаешь, спасибо за все. Но не надо со мной садиться, ладно?

— Ладно, — растерянно сказал Саша в спину уходящей однокурснице.

Глава 1. Часть 5.

Стук в дверь был решительным и каким-то официальным, что ли. Друзья так не стучат. Друзья вообще не стучат, они звонят заранее на мобильник.

В глазке виднелась незнакомая рожа в фуражке. Почтальон, что ли? В полумраке коридора сложно было разглядеть.

— Кто там?

— Откройте, милиция!

Саша отшатнулся от глазка так, словно на него навели пистолет.

Милиция, значит. Так, спокойно, чего тут бояться законопослушному гражданину? За последние 18 лет он ничего явно противозаконного не совершал. Вот разве что окно в каком-то подвале вчера высадил. Это ведь не может быть связано со вчерашним происшествием, верно?

... если только это действительно милиция там, за дверью.

— Александр Грачев? — переспросил все тот же гнусавый невыразительный голос за дверью. — Участковый инспектор Ключко. Пожалуйста, откройте, мне нужно задать пару вопросов.

Почему-то смешная фамилия участкового в сочетании с вежливым тоном Сашу несколько успокоили. Подавив желание сбегать на кухню за ножом, для самозащиты — еще не хватало, чтоб его и правда приняли за преступника! — он открыл дверь.

За спиной рыхлого невысокого инспектора Ключко стоял вчерашний тип в сером костюме и внимательно смотрел на Сашу.

Задохнувшись от ужаса, парень рванул на себя дверь, пытаясь захлопнуть ее обратно, но инспектор с неожиданным проворством перехватил ее и, оттолкнув Сашу, зашел в квартиру.

— Ну зачем же так паниковать, Александр, — человек в сером зашел следом, укоризненно покачал головой, глядя на Сашу с легкой иронией во взгляде, и аккуратно прикрыл за собой дверь. — Вас никто не собирается убивать или, тем более, арестовывать. Давайте просто сядем

и мирно поговорим.

«На балконе решетка, окно — седьмой этаж, не вариант...» — лихорадочно размышлял тем временем Саша.

— В окно прыгать действительно не вариант, — улыбнулся тип в сером, глядя на Сашу едва ли не сочувственно. — Хотя у вас это и неплохо получается.

Он повернулся к милиционеру и кивнул.

— Инспектор, можете быть свободны. Благодарю за содействие.

Инспектор козырнул и развернулся к двери. Саша отметил, что тот смотрит на его неожиданного визитера с некоторым подобострастием.

— Мне подождать снаружи? — поинтересовался милиционер. Его собеседник лишь нетерпеливо дернул плечом.

— Не нужно. Господин Грачев не преступник, чтоб его сторожить.

— Если я не преступник, тогда зачем вы за мной гонялись? — недоверчиво выпалил Саша, когда они с гостем остались одни. Тот в ответ развел руками и неожиданно обезоруживающе улыбнулся.

— Моя ошибка, признаю. Не нужно было вас пугать. Но и мы тогда не знали, с кем имеем дело и с чего начинать диалог. Откуда нам с Тимофеем было знать, что вы не начнете швыряться фаерболами в ответ на предложение поговорить?

— Чем швыряться? — растерянно переспросил Саша. Мужчина в сером усмехнулся.

— Это я выразился образно, конечно. Я имею в виду, уровень вашей подготовки с первого взгляда неочевиден. Может, мы присядем где-нибудь? Разговор далеко не пятиминутный.

Саша пожал плечами и прошел в комнату — боком, не спуская глаз с гостя. Тот невозмутимо проследовал за ним, уселся на предложенный стул и потянулся к внутреннему карману пиджака. Саша невольно дернулся, заметив это движение.

— Да что ж вы все нервные такие, молодежь, — фыркнул тип в сером, доставая из кармана темно-красное удостоверение. — Пистолет здесь носят только в дешевых шпионских боевиках... Я забыл представиться — майор Рогозин, Главное разведывательное управление.

Саша тупо смотрел на большие синие буквы «ГРУ» в развернутом удостоверении и честно пытался согнать в кучу разбегающиеся мысли. Хотелось сделать дебильное-дебильное лицо и переспросить: «Чиво?» Но было подозрение, что это не поможет.

Он успел прочитать, что зовут его незваного гостя Игорь Семенович, и заметить дату рождения. «Сорок четыре года... выглядит моложе, кстати» — неизвестно зачем отметил парень. Пожал плечами, откинулся на спинку стула и уставился на визитера.

— И... что вам от меня нужно?

— Во-первых, хотелось бы знать, каким именно образом вы освободили квартиру своей однокурсницы от... некоей сущности. Во-вторых, как и зачем вы ее вообще в эту квартиру призвали.

— Я? Я ее не призывал! — возмутился Саша. Потом сообразил, посмотрел на собеседника подозрительно. — Вы что, хотите сказать, что ГРУ занимается... такими вещами?

— Тринадцатый отдел — только этим и занимается, — спокойно подтвердил майор. — Психофизическая и энергетическая безопасность страны и ее населения, в частности. Конечно, мы не выезжаем на каждую «нехорошую квартиру» в городе и не изгоняем полтергейстов. Но этот случай — особый.

— Почему? — недоуменно спросил Саша, но его собеседник покачал головой.

— Об этом, Саша, вы узнаете не раньше, чем начнете с нами сотрудничать. Для начала хотелось бы услышать ответы на мои вопросы.

Майор не повышал голоса, почти не менял своего доброжелательного тона, но Саша внезапно кожей почувствовал исходящую от этого человека опасность — как тогда, на лестнице. По спине побежали холодные мурашки, в горле пересохло.

— Я мог бы вас заставить, — глухо произнес Рогозин, и Саша почувствовал, что не может шевельнуться — тело словно окаменело, в ушах зазвенело. — Но не стану...

Миг — и все вернулось, как будто ничего и не происходило. Саша выдохнул обессилено, обмякая на стуле.

— Хотя бы потому, что у вас крайне высокий порог сопротивляемости, и реакция может быть непредсказуемой, — невозмутимо продолжил майор, и Саша заметил, что он тоже расслабился и слегка сменил позу. — Еще не хватало, чтоб вы снова в панике выпрыгнули в окно. Так что обойдемся без суггестивных техник.

— С Катей вы тоже... эти ваши техники... применяли? — пробормотал Саша. Ему вдруг очень захотелось пить, но встать и пойти на кухню — означало повернуться к гостю спиной, а этого он категорически не хотел, хоть и понимал, что это глупо — если б его хотели убить, давно убили бы.

Майор непонимающе нахмурился.

— С чего вы взяли? Вашу подругу просто расспросили, достаточно вежливо, я надеюсь...

— Она ничего не помнит. Точнее, не хочет помнить. Считает, что мы все выдумали, — выпалил Саша, сам не заметив, что в голове невольно прорезалась потаенная обида на Катю. — Она же тоже видела... ощущала... а теперь говорит, что это все воображение... и обсуждать отказывается... вы ей что, воспоминания стерли? Заблокировали веру в паранормальное, что ли? Я не понимаю, она же сама была в теме, истории всякие рассказывала, о сущностях рассуждала...

— Вот оно что, — Рогозин отвел взгляд, сцепил пальцы в замок, задумчиво оперся на них подбородком. — Нет, Саша, ничего подобного мы не делали. Вы, наверное, насмотрелись всех этих фильмов про страшные спецслужбы, «люди в черном» и прочее, да? У них, кажется, был такой приборчик — нажал на кнопку, и память стерлась...

Он перевел взгляд на Сашу, и тот кивнул, подтверждая, что помнит.

— Я всегда мечтал о приборе с обратным эффектом, — неожиданно доверительным тоном сказал майор. — Чтоб нажал на кнопку — и человек ничего не забудет, не позволит себе

забыть. Знаете, почему наша деятельность засекречена? Понятное дело, что никто не оповещает население о новейших разработках, но все военные технологии рано или поздно выходят на поверхность и находят применение в мирной жизни — ядерный распад, спутники, интернет... А мы все так же в тени — еще при НКВД были спецотряды экстрасенсов, целые научные институты — при Сталине, но до сих пор об этом никто всерьез не говорит. И все потому, что средний обыватель страшно боится всего нового, непонятного, неведомого. Ты его хоть носом в это ткни — отвернется и будет кричать, что это все игры воображения. По сути своей, большинство людей до сих пор не слишком отличается от средневековых упрямец, твердивших, что Земля плоская. Ладно, в космические путешествия и ядерные бомбы они еще способны поверить. Космос далеко... А вот какво этакому среднему обывателю смириться с мыслью, что есть силы, окружающие его, подвластные — теоретически — любому, его соседу, начальнику, ему самому? Что сосед может быть энергетическим вампиром, что на кухне может поселиться паразит из иного мира, что некто может прийти в его квартиру и подчинить своей воле? В отличие от ядерного взрыва, здесь не поможет самый надежный бетонный бункер... единственный выход — самому научиться контролировать окружающие потоки энергии, а это значит — развиваться, трансформировать себя, подниматься над собой... Вы не поверите, Саша, именно этого он, обыватель, боится больше всего. Боится настолько, что готов отрицать очевидное.

Саша молчал, пораженный этой тирадой. Майор явно увлекся, сам того не замечая, начал жестикулировать, глаза его засверкали.

— Сколько я видел таких вот Кать, — с горечью сказал он. — Которые смотрят тебе в глаза стеклянным взглядом и твердят, убеждая самих себя: «Ничего не было!» Что такое реальность, Саша? Это интерпретация, только и всего. Люди сами выбирают, что видеть, а чего не видеть. И предпочитают не видеть того, что разрушает их уютный маленький мирок. У них под носом можно творить что угодно — никто не заметит... Одно дело — рассуждать об этом, запугивая себя до сладкой дрожи страшными сказками... а стоит столкнуться с реальным феноменом — включается отрицание. Не нужны никакие «люди в черном» — они и сами прекрасно справляются...

Рогозин провел ладонью по лбу, улыбнулся виновато — мол, что-то понесло меня не туда.

— На самом деле, — продолжил он уже спокойнее, — природные способности есть у всех, но нужно обладать определенным складом характера, определенной смелостью, чтобы их не блокировать. Вот у вас, Саша, произошел, как мы это называем, пробой по визуальному каналу — вы увидели нечто, что обычно глазами не фиксируется. И то, что вы до сих пор не ударились в панику и не ушли в глухое отрицание, это очень хороший признак.

— Почему хороший? — осторожно поинтересовался Саша. Он немного расслабился, слушая излияния майора — теперь, когда тот не пытался давить на психику своими загадочными техниками, а, напротив, сам заговорил откровенно и прямо, он стал Саше почти симпатичен. Его манера разговаривать, этот строгий костюм и небрежность позы, заметно накачанные мускулы и в то же время очки и взгляд интеллигентного университетского преподавателя — все это создавало в чем-то неуловимо противоречивый, но впечатляющий образ. Возможно, так и должен выглядеть представитель спецслужб — Саше сравнивать было особенно не с чем, не с третьесортными же сериалами по НТВ про вечно бухих спецагентов, в помятых трусах убегающих от очередной бабы?

— Ну, во-первых, потому, что развитие собственных способностей — априори хорошо. Самая достойная цель для живого существа, по моему глубочайшему убеждению. А во-вторых, потому, что именно таких сотрудников мы ищем.

— Сотрудников? — Саша и рад был бы не отвечать на каждую реплику вопросом, точно попугай, но что поделать, если получаемая информация его то и дело шокировала.

Майор кивнул, с легкой улыбкой разглядывая его обалдевшее лицо.

— Я уже примерно представляю, что произошло в той квартире. Сначала вы эту сущность боялись, и ничего не получалось, а потом разозлились, и все как-то само получилось, верно?

— Да, но... я ее не вызывал, — почему-то Саше захотелось оправдаться. — Я ее только выгнал, Катя попросила... Она уже там была вроде, Катя жаловалась на какие-то звуки, а потом Фарид... ну, это один из геологов... ее друзей с геофака... Хотя они все вместе что-то творили, их пятеро было, или шестеро, сейчас...

Рогозин жестом остановил его.

— Я понял, понял. Это сейчас не главное. Главное — то, что вы безо всякой подготовки, без опыта — верно я понимаю? — на чистом энтузиазме, справились с этим существом.

— Ну... да, — Саша посмотрел на собеседника недоверчиво. — Вы хотите сказать, что у меня есть способности... экстрасенса? То есть, я понял, способности есть у всех, но... вы предлагаете?...

— Способности и умение их не отрицать, — уточнил майор. — Я предлагаю вам работать на Тринадцатый отдел. Пока что — в качестве консультанта. Такая работа не попадает под статью «Воинская обязанность», но, если все пойдет хорошо, насчет службы в армии беспокоиться не придется.

— И что я там буду делать... барабашек изгонять? — Саша нервно хихикнул. Он чувствовал, что близок к истерике, после всего этого нервного напряжения.

— И это тоже, если придется, — подтвердил Рогозин. Он внимательно смотрел на Сашу, ожидая ответа.

— Ну... а если я не соглашусь, что со мной будет? — Саша и сам понимал, что иногда перегибает палку, но любил расставлять все точки над «i», «ё» и прочими буквами, отягощенными диакритическими знаками.

Майор пожал плечами.

— Да ничего не будет. Будете жить себе, как жили. Можете даже пойти о нашей встрече рассказать кому угодно. Таких рассказов полна желтая пресса, ничего нового человечество не узнает. Только знаете, Саша, путь одиночки тернист и приводит иногда в такие дебри, что ни в сказке сказать, ни пером описать. А однажды признав перед собой правду о себе и окружающим мире, довольно сложно вновь вернуться к отрицанию. И что будет, если вы завтра придете к еще одной университетской подруге, а у нее на кухне такая же тварь сидит? Только в три раза больше, страшнее и разумнее. Не видеть ее — не получится, справиться — не получится, махнуть рукой — совесть заест... или нет? В общем, вам решать, я настаивать не вправе.

— Да я, в общем-то, согласен, — пробурчал Саша. Не то чтобы его напугали слова Рогозина, но... что-то в них было. Действительно, глупо отказываться от предлагаемых возможностей.

«Идиот, это же спецслужбы, это контракт на всю жизнь, оттуда только вперед ногами уходят»

— тут же панически завопил какой-то противный внутренний голос, почему-то сильно напоминавший голос Сашиной мамы. В голове замелькали дурацкие ассоциации — черные «Волги», люди с квадратной челюстью и в черных очках, Джеймс Бонд ново-голливудского разлива и еще почему-то Уилл Смит... а, ну да, «Люди в Черном», твое имя отныне Джей, для всех ты умер и бла-бла-бла...

— Тогда завтра после учебы за вами заедут, — сообщил майор и поднялся. — Завтра и обсудим все подробнее — этих ваших таинственных геологов и их методы... Последний вопрос, Саша — зеркальный щит вас кто-то учил ставить, или это тоже спонтанно?

— Какой щит? — в который уже раз за вечер Саша обалдело захлопал глазами.

— Понятно, — усмехнулся Rogozin. — Должен сказать, это было впечатляюще. Но вы хоть заметили тот момент, когда я пытался на вас воздействовать?

— Ну... да, но... вы же сами сказали... что не будете... — осторожно заметил Саша.

— Ну да. Как правило, после таких заявлений клиент расслабляется, и можно тут же применять более тонкие методы. Например, ненавязчиво подтолкнуть собеседника к большей откровенности. Но ваша недоверчивость сыграла с вами отличную шутку — сами того не зная, Саша, вы поставили мощный щит, отразивший мои сигналы, точно зеркалом. Я даже не сразу понял, с какой стати начал вам душу изливать, верите? — он развел руками, улыбаясь открыто и даже, кажется, смущенно.

— Вы хотите сказать, что... — Саша снова начал нервно хихикать — просто ничего не мог с собой поделать.

— Ну да, — подтвердил майор с усмешкой, — пытался вас допросить, а вместо этого начал откровенничать сам... Я и сейчас, если честно, продолжаю испытывать к вам необъяснимое доверие — полагаю, перестарался с силой воздействия. Так что я, пожалуй, пойду, пока не начал жаловаться вам на свое тяжелое детство — а то, с меня станется.

— А... ну да... — невпопад ответил Саша, растерянно улыбаясь. Что еще на это сказать, он понятия не имел.

— До завтра, господин Грачев. Закрывайте двери, мало ли какие подозрительные личности тут шляются, — донеслось из прихожей. Только тогда Саша наконец сообразил выйти из ступора и двинулся следом за ушедшим гостем.

— До свидания... — произнес он, выглянув в коридор, и растерянно заморгал — коридор был пуст, хотя удаляющихся шагов он не слышал. И как это понимать?

— Ниндзя хренов, — пробормотал он растерянно, захлопнув дверь. О том, что загадочный майор ему не привиделся в бреду, говорил только стоявший в воздухе тонкий аромат какого-то дорогого одеколona — кстати, эта деталь тоже немало добавляла противоречивости образу недавнего визитера. Этот запах скорее ассоциировался с каким-нибудь пафосным мафиози, чем с майором ГРУ...

— Вот же щ, твою мать, — сказал Саша, опускаясь на диван. — Вот же щ мать твою, а.

Почему-то ни одно более крепкое ругательство ему в голову так и не пришло, хотя он старался. Не иначе, все-таки какое-нибудь «промывание мозгов» сработало.

Глава 2. Часть 0.

14 июля 1986 г.

Секретно

Начальнику Оперативной группы Генерального штаба

(г.Новосибирск)

Докладная записка.

Согласно докладу начальника внутренней службы безопасности объекта хххх капитана В.Аносова (см. приложение 1), за периметром вверенного ему объекта наблюдается повышенная активность местного населения.

По поступающим агентурным данным, в близлежащих населенных пунктах (пос. Евсино, пос. А. и др.) нарастает агрессия местного населения по отношению к военным. Осведомленность жителей о местоположении объекта хххх вызывает опасения. Характерными являются заявления местных о наличии в непосредственной близости от объекта культово-обрядовых памятников («священный камень») и о возможной «каре» со стороны местных «шаманов».

Прошу разрешить отправку спецотряда «Ящер» на объект хххх для предотвращения возможных психофизических атак со стороны населения.

Командующий 67 отдельной бригадой специального назначения ГРУ

Подполковник Л. Агафонов

Резолюция: просьбу отклонить, агентурные данные проверить. Начальник Оперативной группы Генерального штаба генерал-майор Д.Пантелеев.

25 июля 1986 г.

Секретно

Командующему войсками Сибирского военного округа

Копия:

Начальнику Оперативной группы Генерального штаба

(г.Новосибирск)

Докладная записка.

Согласно докладу начальника внутренней службы безопасности объекта хххх капитана В.Аносова (см. приложение 1), на вверенном ему объекте наблюдаются необъяснимые явления психического характера (повышенная тревожность среди персонала и личного состава, галлюцинации). Настоятельно прошу разрешить отправку спецотряда «Ящер» на объект хххх для прекращения и предотвращения возможных психофизических атак со стороны населения.

Командующий 67 отдельной бригадой специального назначения ГРУ

Подполковник Л. Агафонов

Резолюция: просьбу отклонить, на объект направить медицинскую бригаду под командованием Г.Редуна для проверки состояния персонала. Персоналу и личному составу категорически запретить употребление в пищу местных грибов. Начальник Оперативной группы Генерального штаба генерал-майор Д.Пантелеев.

5 августа 1986 г.

Совершенно секретно

Срочно

Командующему войсками Сибирского военного округа

Потеряна связь с объектом хххх. Статус объекта неясен. Прошу объявить тревогу по коду ххх.

Начальник Оперативной группы Генерального штаба генерал-майор Д.Пантелеев.

8 августа 1986 г.

Совершенно секретно

Срочно

Начальнику Генерального штаба Вооружённых Сил СССР

В связи со сложившейся ситуацией, начальник Оперативной группы Генерального штаба генерал-майор Д.Пантелеев смещен с должности. Должностные обязанности исполняет заместитель К.Веретенников.

Командующий войсками Сибирского военного округа генерал-полковник Н. В. Калинин.

10 августа 1986 г.

Совершенно секретно

Срочно

Начальнику Генерального штаба Вооружённых Сил СССР

Связь с объектом хххх не восстановлена. На штурм направлены все отряды 67 отдельной бригады СпН ГРУ.

(...)

В ходе расследования предшествующих событий было выяснено, что командующий 67 бригадой подполковник Л. Агафонов 4 августа самовольно направил на объект двух бойцов отряда «Ящер», сержанта Р. Коростелева и рядового И. Рогозина с неофициальным заданием «разобраться, что там за бардак» (записано со слов подполковника). Л.Агафонов временно отстранен от должности до выяснения обстоятельств.

Командующий войсками Сибирского военного округа генерал-полковник Н. В. Калинин.

... Неровная поверхность скалы неприятно врезается в тело, но нужно прижаться как можно ближе, слиться с камнем, зафиксировать три конечности и только тогда четвертой — рукой — потянуть осторожно с ремня бинокль, чтобы вскинуть его к глазам. То, что мелькнуло в небе, может быть птицей, а может и не быть. Здесь, на склоне холма, они — как на ладони, если смотреть сверху. Камуфляж спасает в лесу, но камни — темнее, на них неправдоподобно-яркие пятна лишайников — в средней полосе такого не увидишь, здесь же, в суровой Сибири, лишайники и мох, кажется, стремятся компенсировать почти полное отсутствие цветов...

В бок чувствительно тыкается какая-то коряга — Руслану внизу надоело ждать.

— Ну?

— Башня на месте.

За кромкой леса действительно виднеется узкий шпиль башни-антенны. Его, впрочем, просто так не заметишь — на первый взгляд, только воздух дрожит над верхушками сосен, и только если долго присматриваться, точно зная, что должен увидеть, можно разглядеть изящную стальную конструкцию. Башня на месте, антенна выдвинута, а это значит, объект работает в штатном режиме.

— Ладно, слезай, — Руслан нетерпеливо дергает его за ногу, стремясь утащить товарища обратно под надежное прикрытие леса.

Они прокладывают путь между деревьями — где-то рядом вьется тропинка, но по ней идти рискованно. Тропинка протоптана местными, а местные сейчас попадают под определение «вероятного противника». Пусть задание и неофициальное — тем безупречнее следует его отработать.

— Чувствуешь что-нибудь? — спрашивает Игорь, догоняя напарника на относительно ровном участке склона.

Тот пожимает плечами, ловко перепрыгивает корягу — он не остановился ни на секунду за долгий переход, дышит ровно, движется размеренно и в то же время бесшумно. Игорь и сам уже не желторотый новичок — два года в десанте, полгода в спецназе — но рядом с Русланом до сих пор чувствует себя шумным и неуклюжим.

— Нет. Но я же не сенс и не предсказатель. Попробуй ты.

— Так я всю дорогу пытаюсь... Я ведь тоже не сенс.

Бойцов отряда «Ящер» отбирают по разным критериям и тренируют по разным программам — в зависимости от способностей. И если бы это было официальное задание, их группа была бы укомплектована хотя бы одним сенсом, то есть — «чувствующим». Но Агафон отправил тех, кого знал лично и кому доверял... точнее, он отправил Руслана, попросив взять с собой того, кому сам Руслан доверяет на сто процентов. Таким образом в сибирских лесах оказались двое бойцов со спецификацией «оператор» и минимальными способностями к сверхчувственному восприятию.

— Прозрения у любого могут случиться, — рассудительно замечает Руслан. — А ты тренируйся, полезно.

Мысленно вызвать в сознании образ объекта... Игорь видел его один раз — на учениях, и несколько раз — на фото. Белое здание, длинные бараки вдоль него, куполообразное основание

антенны. Представить, что опасность окрашена ярко-алым... на мысленной «картинке» не появляется красных пятен. Игорь старается, но в итоге только начинает видеть красное мерцание по краям поля зрения, и чуть не падает, споткнувшись.

Руслан мгновенно разворачивается, подставляет руку, ловит его еще в начале движения. Нечеловеческая реакция.

— Спасибо, — Игорь улыбается благодарно, легко гладит товарища по предплечью, прежде чем отпустить руку. В ответной ухмылке Руслана сквозит что-то порочное. Игорь напрягается, но все же не успевает предугадать подсечку и, выругавшись, падает на землю.

— Не расслабляйся, рядовой, — Руслан радостно ржет, нависая над ним. — Это тут, в Сибири, глушь, а на Кавказе только споткнулся — а сзади джигит. Вах, какой жопа! Таких в горах днем с огнем нэ найти!

Он тянется ущипнуть Игоря, но тот перехватывает его руку, резким рывком укладывает его на землю рядом. Тянется к щеке, гладит осторожно, несмело. Руслан фыркает, точно породистый конь, целует его быстро, порывисто, жарко, и тут же вскакивает на ноги.

— Кончай валяться, дело не терпит. Обжиматься потом будем. В кустах у Агафона под кабинетом. То-то он порадуетя!

— Аха, с кинокамерой прибежит, — ворчит в ответ Игорь, поднимаясь.

... знакомые очертания стен Объекта смутно белеют за деревьями. Колючая проволока — ерунда, долго ли умеючи, но есть еще самые совершенные системы слежения. А в задание входит, помимо наблюдения, попытка проникновения на объект. Если поймают — подполковник, конечно, возьмет ответственность на себя, даже бумагу задним числом состряпает — проверка для службы безопасности, мол. Но попадаться не хочется — они, все-таки спецназ али кто? Хочется утереть нос заносчивому Аносову, начальнику местных спецов... Нос-Аносов, ха. Игорь тихо фыркает в кулак, не в силах подавить смешок. Отличный каламбур вышел, теперь его реализовать бы.

— По крайней мере, местных тут не наблюдается, — резюмирует Руслан, оглядываясь. — А то, судя по паническим докладам, они тут табунами ходили. С бубнами. Камлали, ага.

Игорь молчит, пытаясь в сотый раз сконцентрироваться на мысленном плане Объекта. Где же опасность, где?

С мозгом легко «договориться», объясняли им на тренинге. Убеди его, что любую информации об опасности, полученную по сверхчувственным каналам, нужно представлять в виде красных точек — будут тебе красные точки. Хочешь звездочки, или звон в ушах, или жжение в левой пятке — пожалуйста, кому как удобнее...

В поле зрения внезапно попало что-то красное, и Игорь дернулся, не сразу сообразив, что это не мысленная «отметка» на схеме — это действительно красная тряпочка. Ленточка. Привязана к кусту.

Руслан уже заметил, куда смотрит его напарник, подошел осторожно, поддел ленточку прикладом.

— Местные, — прокомментировал он. — Это они развешивают. Подарки духам или что-то такое. Но здесь-то зачем, интересно?

— Может, у них тут... святилище?

— Капище, — поправляет зачем-то Руслан. И показывает куда-то в кусты. — Гляди-ка.

На небольшой полянке, на первый взгляд укрытой кустарником, возвышается большой камень с плоской верхушкой, а на нем — пирамидка из более мелких камешков, явно рукотворная. К верхнему камню привязаны еще несколько лент, вроде той, что на кусте.

— Вот ведь черти, — комментирует Руслан, но в его голосе нет осуждения, скорее — восхищение.

— Это, небось, их священные камни, про которые народ в поселке талдычит. Я такое в горах видел, на перевале Орой. Но тут-то что? Тут вроде цивилизация, в поселке даже телевидение есть, какие тут шаманы?

Игорь молчит, не зная, что сказать. Красные ленты на камне кажутся ему нестерпимо-яркими, словно подсвеченными изнутри.

Осмотрев осторожно поляну, они пробираются ближе к Объекту. Игорь не сразу понимает, что настораживает его — странная, неестественная тишина. Нет шума ветра, и птицы молчат.

— Тут всегда так, не помнишь разве? — Руслан одной фразой разгоняет напряжение. Действительно, когда они здесь были на учениях, было то же самое. Особенности работы Объекта.

— Ну что, действуем по схеме «двое местных на прогулке»? — улыбаясь, спрашивает Руслан. — Сейчас еще для достоверности пойдем по кустам оранжевые ленточки развешивать...

Точнее, спрашивает-то он для проформы — все равно он главный, ему решать. И, не дожидаясь ответа, скидывает рюкзак, начинает стягивать куртку. В рюкзаке «цивильная» одежда — так они сойдут за местных, хотя бы для камер слежения. Игорь и сам начинает стягивать камуфляж, но замирает, невольно залюбовавшись бронзовым от загара торсом напарника — даже забывает переспросить, почему это ленточки оранжевые, когда они ярко-красные.

И от природы смуглый, Руслан еще и умудрился загореть под суровым сибирским солнцем, с середины весны разгуливая по базе полуголым — и с топором на плече, для пущего колориту. Сколько раз Игорь видел эти рельефные мускулы, да что там — гладил и целовал их, не далее, как этой ночью — и все равно не может устоять.

Руслан, конечно, все замечает, ухмыляется, обнажая ослепительно-белые зубы, нарочно медленно расстегивает брюки, бросая коварные взгляды на товарища — и где только таких движений насмотрелся, в кино американском, что ли?

— Самоконтроль, рядовой, — говорит он, когда Игорь, почти забывшись, шагает к нему. — Чему тебя только учили?

Много чему учили. В том числе и убивать голыми руками. Это умение Игорю применять еще не приходилось. А иногда так хочется, особенно когда такая притягательная полуголая сволочь стоит и ухмыляется.

А, плевать. Мысленно махнув рукой, он делает еще один шаг, перехватывает запястья сержанта, целует его — сначала грубо и жадно, потом, почувствовав ответные движения, нежно.

— Ты е*анулся, блин, — бормочет Руслан, но его рука уже скользит по спине хозяйским жестом опускаясь ниже. — Тут двести метров до объекта...

— Тут лес. Овраг. Не видно же, — спорит Игорь, жадно оглаживая его руки, плечи, грудь. Он чувствует, что его товарищ уже возбужден ничуть не меньше, чем он сам.

С коротким, почти звериным рыком Руслан разворачивает его к себе спиной, прижимает к ближайшему дереву. Мол, раз сам напросился, дискуссию «кто сегодня сверху» считаем бессмысленной. Игорь не возражает, сам помогает расстегнуть ремень, стягивает вниз штаны, вжимается щекой в дерево, чуть прогнувшись назад. Сказал бы ему кто-нибудь два года назад, год назад, что с ним будет, как это будет — кинулся бы морду бить, и почти наверняка бы преуспел. Но в жизни случается всякое, эту мудрость из старых книжек он уже успел постичь самостоятельно. С ним вот случился Руслан — внезапно, как снег на голову в середине экваториальной пустыни, как ураган, как цунами. Такому невозможно противиться — можно только учиться выживать в эпицентре. Знал ли он до этого, что такое любовь, любил ли он? Все стерла беснующаяся волна. Добро пожаловать в спецназ, рядовой. Твоя спецификация — оператор, ты можешь управлять потоками энергии. А это сержант Коростелев, от одного его вида ты скоро будешь терять остатки мозгов. Сказал бы кто ему... Руслан входит в него осторожно — у него-то с самоконтролем все в порядке. Наклоняется, целует в основание шеи — такая у него привычка, почти ритуал. Накрывает его ладони своими, прижимает их к шершавой коре. Под пальцами расплзается вязкая капля кедровой смолы. Вековое дерево едва слышно поскрипывает в такт их движениям, Игорь кусает губы, сдерживая стоны. Остро пахнет смолой и хвоей, тело содрогается от зарождающегося глубоко внутри удовольствия.

Бескрайняя сибирская тайга обнимает двоих парней зелеными мягкими лапами, и почему-то пронзительно, как прозрение, ощущается, что им едва за двадцать, и жадно, безумно хочется жить.

Глава 2. Часть 1.

1.

Пока черная тонированная «тойота» везла его к месту назначения, Саша успел продумать с десяток вариантов, как себя вести и чего ожидать, но по прибытии все почему-то моментально выветрилось из головы. «Контора», в которую его пригласили, располагалась в одном из безликих офисных зданий в центре. Холл первого этажа пестрел вывесками каких-то юридических фирм, и если б не чересчур навороченная система на входе — там даже сканер был, как в аэропорту — невозможно было бы и предположить, что здесь работают не только адвокаты и риэлторы.

Молчаливый неприметный водитель куда-то исчез, а Саше уже приветливо махал рукой смутно знакомый парень возле будки вахтера-охранника. Кажется, это он был в подъезде Кати, ласково разговаривая с изгнанной с кухни «тварью», точно с домашней зверушкой. Саша напустил на себя максимально уверенный и независимый вид — ну, насколько ему это удавалось — и подошел к нему.

— Привет, я Тим, — представился парень, протягивая руку. — Тимофей вообще-то, но это длинновато и скучно, а жизнь так коротка, правда?

Он широко улыбнулся, не особенно ожидая ответа на свою шутку. Саша коротко представился, настороженно разглядывая нового-старого знакомого. Сейчас, в освещенном холле, этот дружелюбно настроенный парень совсем не выглядел угрожающе. Тип как тип, чуть постарше

Саши, в клетчатой рубашке поверх майки с какой-то надписью, в джинсах, темные волосы собраны в хвост — классический студент-программист. Он и тогда, в общем-то, страшно не выглядел... просто вся ситуация была пугающей, и еще этот странный тип, майор, как там его...

— К Игорю Семеновичу, на собеседование, — словно прочитав его мысли, произнес Тим, показывая охраннику какую-то карточку. Тот кивнул и нажал кнопку, разблокируя турникет. Впрочем, сканер Саше все равно пройти пришлось, хорошо хоть, мелочь из кармана выгребать не заставили.

— У нас тут три уровня системы безопасности, — пояснил Тим, пока они ехали в лифте — недолго, всего до третьего этажа. — Первый уровень на виду, а третий и я никогда не видел... Хотя, это потом. А то я тут болтаю с тобой, а потом выяснится, что у тебя допуска нет, и придется твой труп спускать в мусоропровод, а он, во-первых, засорится, а во-вторых, у нас его и нет, и что тогда делать?

Саша подозрительно покосился на радостно ржущего парня. Все-таки, как-то не так он представлял себе сотрудников спецслужб.

Помещение, в котором они оказались в итоге, тоже не слишком-то напоминало военный штаб, скорее уж — офис какой-нибудь фирмы. Несколько столов с компьютерами, полноватая светловолосая девушка увлеченно раскладывает пасьянс за одним из них. Парень слегка кавказской внешности, но с интеллигентным лицом, копается в каком-то коде на экране, рядом с ним стоит банка колы. Саша растерянно огляделся, заметил еще и кактус на окне, стеллажи с бумагами на стенах — ну точно, офис. «Может, все это розыгрыш?» — оторопело подумал он. «Ну какие тут спецслужбы, какое ГРУ?»

Девушка оторвалась от пасьянса, выдернула уз уха наушник плеера.

— Привет, ты же Саша? Рада видеть... наяву.

— Угу. — Саша уже не знал, как и реагировать. Тем временем Тимофей постучал в дверь смежной комнаты, громко крикнув: — Игорь Семеныч, мясо прибыло!

— Я Оля, — девушка неторопливо повернулась, откинула на спину тяжелую длинную косу. — А это Алик, за компом, его пока отвлекать нельзя. А ты меня не узнаешь?

Дверь смежного кабинета распахнулась, и оттуда неожиданно вырвался порыв ледяного ветра. Бумаги на столе Оли взмыли в воздух, и неспешно спланировали на пол. Саша рефлекторно отступил на шаг, сердце замерло и гулко стукнуло в ушах, промелькнула паническая мысль о каких-то порталах и почему-то еще драконах.

— Игорь Семеныч, ну закрывайте вы окно! — возмущенно завопила Оля, ловя разлетающиеся листы. — Такой сквозняк, у меня тут секретные документы сейчас по всему городу разлетятся!

— Так секретные документы на столе хранить не надо. Их после прочтения полагается сжечь, а лучше — съесть. С майонезом и горчицей, — сообщил появившийся в дверях кабинета Рогозин. — Саша, проходите.

— А он меня не помнит, — довольным тоном сказала девушка, провожая взглядом двинувшегося в сторону кабинета Сашу. — А вы говорили, грубая работа.

— Оля, солнце мое, когда ты научишься приводить свой облик в сновидениях в соответствие с

реальностью, только тогда можно будет говорить о какой-то статистике, — с улыбкой ответил майор. — Когда ты ко мне первый раз во сне пришла, я вообще потом неделю спать боялся.

С этими словами он захлопнул дверь вслед за вошедшим Сашей, так что ответную реплику девушки тот уже не услышал. Но ситуацию осознал, и от этого осознания противный липкий страх подкатил к горлу.

Девушка из его сна. Там, где туман, и мост, и песня...

«Не пробудись над пропастью... не пробудись...»

«Я просто посмотрю, кто ты...»

— Должны же мы были проверить, что за неожиданный фактор вмешался в нашу операцию, — спокойно объяснил Игорь. — И нет, я не читаю мысли, у тебя все на лбу написано, как и у любого в твоём возрасте, так что расслабься. Садись, кстати. Ничего, что я на «ты»? В журнале «Psychology&Business» за 2009 год пишут, что установление доверительных отношений с сотрудниками повышает эффективность работы, а я привык прислушиваться к советам экспертов.

Всю эту тираду он произнес спокойным и нейтральным тоном, пока закрывал окно, но Сашу не оставляло ощущение, что где-то над ним прикалываются.

— Так это правда возможно? Прийти в чужой сон? — спросил он, глядя в упор на усаживающегося напротив Rogozina. Тот поднял голову и встретился с ним взглядом, и Саша через секунду же отвел взгляд, не выдержав... сам не зная чего. Майор был из тех людей, с которыми тяжело находиться наедине — Саша давно замечал, что есть такие люди, которых как будто окружает мощное силовое поле. От них исходит некая подавляющая, уверенная сила; когда такой человек входит в комнату, все невольно поворачиваются к нему, даже если он ничего не говорит и не делает. В сомнительной литературе, которой Саша в своё время начитался изрядно, это связывали с развитым биополем. Может, так оно и было на самом деле — парень уже не знал, чему и верить.

Он отвел глаза и стал рассматривать широкий письменный стол. Монитор, фоторамка, какие-то бумаги... наверное, не те, что после прочтения полагается сжечь. Всё в почти идеальном порядке. Да и вообще, кабинет производил более благоприятное впечатление, чем предыдущий «офис». И хозяин кабинета, в своём строгом костюме, все же чуть больше напоминал работника спецслужб, нежели остальные сотрудники.

— Для некоторых — вполне, — серьёзно ответил Rogozin. — Наша Оля — можно сказать, профессиональная... сновидица. Для неё сны ничуть не менее реальны, чем бодрствование. Технически, она не приходила в твой сон, а затащила вас обоих в некое общее пространство, можно сказать — в общий сон на двоих. По сути, это обмен информацией, с небольшой затратой энергии. А какие вы при этом картинки видите — дело десятое... Но то, что Оля сильно меняет во снах свой облик — признак слабого самоконтроля. Во сне, видишь ли, контроль разума ослабевает, и на поверхность вылезают всякие там комплексы, страхи, потаенные желания... Тебе она, небось, явилась в виде какой-нибудь костлявой фотомодели?

— Да нет, но... она была... стройнее, — помявшись, сформулировал Саша. Игорь кивнул.

— Ну вот, подсознательно хотела понравиться незнакомому юноше — и приукрасила реальность... А на меня вот она однажды разозлилась, — он бегло улыбнулся, словно вспомнив что-то смешное. — Пришлось и мне срочно осваивать азы осознанных сновидений. Полезный

был опыт... Но с тобой я сегодня хотел поговорить о другом.

Он раскрыл лежавшую на столе папку, и Саша с удивлением обнаружил там что-то вроде досье на себя. Фотографии и куча текста — вроде как стандартная анкета, но очень подробная, и такой он точно нигде не заполнял.

— Ну да, как говорят в этих ваших интернетах, кровавая гэбня следит за всеми, — прокомментировал Rogozin, заметив его взгляд. — Зато в этом один из больших плюсов работы на спецслужбы — не надо возиться, составляя резюме. Даже копию паспорта с тебя не потребую — все уже готово. Вот, держи.

На стол легла пластиковая карточка, вроде той, что Тим демонстрировал охраннику — только на этой были Сашины фамилия и инициалы, и фотография — точь-в-точь как на студенческом. А еще из надписей следовало, что Саша теперь является «экспертом-консультантом» ГРУ.

— Пропуск, — пояснил майор. — Будешь на проходной показывать. Или еще где... где понадобится. Но без толку им не размахивай, себе же проблем наживешь.

В следующие полчаса Саше пришлось подписать кучу бумаг, одна другой серьезней. Rogozin при этом обстоятельно разъяснял про политику информационной безопасности — что нельзя рассказывать никому, а что нельзя совсем-совсем никому, а что вообще совсем нельзя. Саша и без того особенно болтать не собирался, впрочем.

Под конец процесса в кабинете появился Тим с каким-то специальным устройством, считывающим отпечатки пальцев, и Саше пришлось оставить еще и такую «подпись».

— Мож вам кофе организовать, а, Игорь Семеныч? — сочувственно спросил Тимофей, глядя при этом, впрочем, не на начальника, а на несколько замученного инструктажем Сашу.

— Ну если ты готов пять минут побыть моей секретаршей, Тима, так я только «за», — охотно отозвался майор.

— Ага! Сейчас, только мини-юбку и колготки найду, — бодро ответил парень и выскочил, ухмыляясь.

Саша удивленно покосился ему вслед. Сложновато было привыкнуть к местному чувству юмора.

— Понимаю, — сказал Игорь, увидев выражение его лица. — Мы должны ходить в темных очках, делать пафосные лица и произносить пламенные речи о долге и чести. А мы тут дурака валяем. Еще и маскируемся под офис какой-то шарашкиной конторы, так?

— Ну вообще-то... да, — помявшись, признался Саша. — Необычно как-то все. И людей мало... это что, все сотрудики?

— Ну, во-первых, далеко не все, — откинувшись в кресле, начал объяснять Rogozin. — Аналитики на другом этаже. Силовики вообще... в другом месте. А зачем нам в кучу собираться — чтоб легче было накрыть одним ударом? Потом, большая часть сотрудикиков — внештатные эксперты, привлекаются по мере надобности... Во-вторых... нам по роду деятельности не положено вывеску на двери размещать. Маскируемся, да. В аббревиатуре «гэ-эр-у» какая буква главная? Р — разведывательное. Вот и маскируемся. Ну и в-третьих... всё-таки, у нас тут не Москва. А в регионах всегда так, меньше пафоса, больше толку... И последнее, совсем уж не для протокола... задвигают нас, Саша. Тринадцатый отдел многим

среди нынешней, так сказать, правящей верхушки, кажется бессмысленной тратой средств. Как это ни парадоксально, при советской власти со всем ее оголтелым материализмом, было проще работать, чем в нынешнем псевдоправославном государстве с его псевдодуховностью. Они же слепые, все эти идиоты, дорвавшиеся до власти, ничего не видят... А мы — те, кто видит — вынуждены работать иногда вопреки их директивам. Просто потому, что закрыть глаза уже не получится... Это война, где неоткуда ждать подкрепления. Как и всегда бывает в жизни, впрочем.

— Это что сейчас такое было? — обалделым голосом спросил Тимофей от дверей. Он вошел в кабинет с подносом, но задержался у входа, слушая.

— Это? Это была пафосная речь, как заказывали, — невозмутимо ответил майор. — Тима, кофе я вижу, ну а где же мини-юбка?

...За окном стемнело, но Саша даже не сразу заметил это — разговор наконец-то подобрался к самым волнующим темам.

— ... ни богов, ни демонов, ни ангелов, — говорил Игорь, задумчиво вертя в руках уже пустую кофейную чашку. — По крайней мере, я не сталкивался за двадцать с лишним лет работы. Есть потоки энергии, и существа, которые ими управляют. Не только люди — ты сам видел пример. Но, могу тебя успокоить — в основном это существа, значительно уступающие человеку в разумности. Вроде зверей, только существующих немного... на другом плане. Ну, все это за один вечер не объяснишь.

— Люди же обладают двумя важными способностями: умением получать информацию по сверхчувственным каналам, и умением перераспределять потоки энергии. Тех, у кого сильнее первая способность, традиционно называют сенсами, сенситивами, в народе — экстрасенсами. Тех, кто лучше управляется с потоками, называют операторами. Ты — в потенциале отличный оператор. Если будешь развивать свои способности, конечно. А я постараюсь, чтобы ты их развил. На днях оформим тебе допуск к документам, тогда все сам узнаешь подробнее. А пока, включайся в работу... Раз уж ты влип в эту историю с геологами, помоги ребятам с ней разобраться. Постарайся вспомнить, что и как они творили, ты же был там. Соберите информацию об этой квартире — доступ к базам данных есть у Алика, пусть тебе покажет, покопаешься. Ну и завтра езжайте с Тимом к этой... как же ее зовут, Соне?

— А что... почему Соня? — непонимающе переспросил Саша. Игорь нахмурился.

— Точно, ты же не в курсе... Мы начали проверять этих геологов, и сразу же наткнулись на сообщение о том, что одна девушка из этой компании — в больнице. Собственно, это Соня и есть. У тебя есть отличная возможность поговорить с ней, не возбуждая подозрений — спросишь у своей подруги Кати, как там Соня и в какой она больнице, потом съездишь, все выглядит достаточно естественно...

— Катя со мной не разговаривает, — мрачно ответил Саша. Невероятно, но только сейчас он вспомнил о ее существовании, хотя, по всем законам жанра, должен был страдать еще как минимум месяц, и ведь всерьез думал, что долго еще будет склеивать осколки разбитого сердца, но — тут как раз к нему в квартиру приперся Рогозин со своим предложением, и все как-то так завертелось...

— Это мы ее напугали? — поинтересовался Игорь. — Или это загадочные кульбиты женской психики, логическому анализу неподвластные?

— И то и другое, наверное, — пожал плечами Саша, вновь погружаясь в печальные

размышления о своем разбитом сердце. И зачем только вспомнил...

— Тогда прошу прощения, — майор разве руками. — Она, видимо, приняла нас за бандитов... Ну, может, купишь ей цветов, пригласишь в кафе и доступно объяснишь, что никак не связан с криминалом?

— Цветы и кафе за неделю до стипендии? Тогда точно решит, что связан, — скептически хмыкнул Саша.

— Тоже мне проблема, — Игорь пожал плечами, доставая из стола какой-то бланк. — Оформим как служебные расходы... Скажешь ей, что на работу устроился. Тем более, что это правда. Зарплата, конечно, меньше, чем за стойкой Макдональдса, ну так и график свободный.

— А что... еще и зарплата будет? — Саша искренне удивился. Он как-то упустил сей аспект за долгими разговорами о неразглашении информации.

— Ну и молодежь пошла! — наигранно восхитился Rogozin. — Возвышенная, благородная... и совершенно к жизни неприспособленная. Ничего, не комплексуй, я сам такой же был...

Выйдя наконец из кабинета, Саша обнаружил, что парни уже разошлись по домам, а вот Оля все сидела за компьютером... ну, вроде, не пасьянс уже раскладывала — на экране мелькали какие-то графики. А из колонок звучала песня, от которой у парня по спине побежали ледяные мурашки.

«Не пробудись над пропастью...» — выводил мелодичный женский голос под какие-то мрачные электронные семплы.

— Нравится песня? — не отрываясь от экрана, спросила Оля.

— Не очень, — признался Саша. — Жуткая какая-то.

— Так и должно быть, — коротко ответила девушка и больше не проронила ни слова.

Глава 2. Часть 2.

Первый день оперативной работы оказался отмечен для Саши знаковым событием — он снова, второй раз в жизни, проспал начало занятий. Ситуация осложнялась тем, что по средам первой парой была не какая-нибудь безобидная лекция, а семинар, который пропускать никак не стоило.

«Вот так вот поведешься со всякими геологами, энергуюями и спецслужбами — скатишься в троечники», — мрачно думал парень, утрамбовываясь в забитую до отказа маршрутку.

Разумеется, он проспал — ведь до самого утра Саша ворочался в постели, не в состоянии уснуть. Новые ошеломляющие знания никак не желали укладываться в голову, порождая все новые и новые вопросы. Хотя они с Rogozinym проговорили несколько часов кряду, Саша всю ночь мысленно продолжал спорить с новым начальником, придумывал какие-то вопросы, уточнения... слишком многое еще хотелось обсудить. Мир перевернулся вверх тормашками, бредни из «желтых газет» оказывались реальностью, а учебники новейшей истории — тщательно продуманной дезинформацией...

«Я не могу обещать тебе пафосного обряда инициации, торжественного выхода в Сумрак, и

прочего в том же духе», — с усмешкой говорил ему вчера майор, ненавязчиво демонстрируя знакомство с современной массовой культурой. «И универсальной истины дать не могу. Просто слушай, смотри, анализируй, учись отличать предчувствия от мнительности, интуицию от паранойи. Все, что взбрет тебе в голову, может оказаться пугающей истиной, а может быть начинающимся бредом шизофреника. Будь предельно внимателен к миру и людям. Когда начинать? Прямо сейчас.»

И он слушал, смотрел, тщательно подмечая все странные ощущения. Парни на задних партах хотят спать — над ними воздух словно сгустился, стал вязким и тягучим. Преподаватель, напротив, свеж и бодр — вокруг него атмосфера точно искрит, и едва заметно пахнет озоном. Или это у него духи такие?

Саша словно заново открывал для себя окружающий мир. Потоки энергии... если верить его теперешнему начальству, они пронизывают все живое и неживое. Чувствовать их, управлять ими — вот к чему стоит стремиться. Но для этого ты сам должен быть подходящим инструментом — с раскрытым сознанием, здоровым телом и духом. Про здоровье тела Rogozin упоминал особо, скептически покосившись на хилые Сашины бицепсы и пообещав добыть ему халявный абонемент в спортзал — сотрудникам, мол, положено.

Катя расспросам про Соню не особенно удивилась — уж она-то, с ее количеством знакомых, понимала, как быстро порой распространяются новости и слухи. Она по-прежнему сторонилась парня, но, кажется, шансы изменить ситуацию у него были — по крайней мере, заранее подготовленную «легенду» про «тех странных людей на лестнице» она выслушала вполне благосклонно. Мол, переодетые менты, ловили какого-то мошенника, Саша попал под описание по фотороботу, потому к нему и прицепились.

Тимофей появился чуть позже назначенного времени — Саша уже успел занервничать, ожидая его на остановке после занятий.

— Так, куда едем? — бодро спросил он и кивнул, услышав адрес.

— А вы сами разве не успели выяснить? — с сомнением спросил Саша. Тим, ничуть не смутившись, пожал плечами.

— Ну да. Ну а вдруг у тебя другая информация? Окей. В целях конспирации, едем на автобусе. Цветы-апельсины покупаем?

— Я не знаю, можно ли ей... — Саша задумался. А и правда, можно ли апельсины человеку с диагнозом «нервное истощение»?

— Ну нельзя, так соседку по палате угостит, — пожал плечами Тим. Он, похоже, вообще не привык в жизни думать дольше двух секунд. Тем более, над какими-то морально-этическими проблемами.

В палату их сначала не пустили — пожилая врачиха со строгим взором «тормознула» парней, едва они поднялись на пятый этаж, где располагалось неврологическое отделение.

— Сегодня не приемный день, вы табличку не видели, что ли? — голос у нее был какой-то тусклый и бесцветный, монотонный.

— Мы к Ветлицкой, во вторую палату, — неожиданно так же монотонно ответил Тим. — Мы родственники.

Дама скрестила руки на груди, глядя на них с недоверием.

— Это брат ее, только из армии вернулся, ничего не знал, — таким же спокойным, невыразительным голосом продолжил Тимофей, махнув в сторону Саши. — Вы нас на минуточку только пустите, а потом мы уйдем. Совсем уйдем, через пять минут, как вы нас пустите, так и уйдем. Беспокоиться и не придется, ни к чему беспокоиться, вы устали, смена длинная, я понимаю, у меня мама тоже врач, заведует отделением, очень устает, вам отдыхать надо, вот вы нас пустите, и отдохнете...

Саша удивленно смотрел то на парня, то на пожилую даму, которая, слушая этот поток слов, почему-то не выказывала ни малейших признаков раздражения или несогласия, а, напротив, едва заметно кивала в такт словам.

— Ну идите, — как-то обреченно выдохнула она наконец и направилась куда-то в сторону лифтов. Тим едва заметно улыбнулся и дернул Сашу за рукав, выводя из ступора.

— Пойдем, видишь, разрешили.

— Это что такое было? — Саша уставился на него круглыми от удивления глазами. — Гипноз?

— Хреноз! — фыркнул Тим в ответ. Он с интересом вертел головой, рассматривая многочисленные пальмы в кадках, расставленные возле окон в коридоре. — А неплохая больница, чистая, и пальмы вон... А было это, если интересно, самое обычное НЛП. Нейролингвистическое программирование, неужто не слышал?

— Слышал... я думал, это что-то такое... чтобы баб клеить, — с сомнением сказал Саша. Небрежный тон собеседника невольно настраивал и его на «простецкий» лад. В другое время и в другом месте он, пожалуй, сказал бы «девушек».

Тимофей, похоже, собирался заржать в голос, но сделал-таки скидку на то, что они в больнице, и ограничился сдавленным хихиканьем.

— Ну, если б мне, не дай бог, нравились такие бабы... я б ее уже непременно «склеил», будь уверен. Главное — настроиться на человека: тон голоса, поза... незаметно копируешь его — и он уже подсознательно больше тебе доверяет. Ритм нужный поймать... ну, это со временем автоматически приходит. Потом, нужно ключевые слова кинуть, привязки. «Мама» — это универсальный ключ, со всеми работает. «Отдохнуть» — это у нее крупными буквами на лбу написано, видно же, человек не высыпается. Ну и внушаешь ритмично, через определенные промежутки: вы нас пустите... вы нас пустите... Понял?

Они уже стояли у двери нужной палаты. Саша, чуть подумав, кивнул.

— Интересно. Вот этому я бы поучился.

— Научись, не парься, — Тим хлопнул его по плечу и открыл дверь.

Пациенток в палате было трое. Соня лежала на койке у окна, безучастно глядя в потолок. Саша не то чтобы сразу ее узнал — скорее, вычислил методом исключения. За время, прошедшее с их первой и последней встречи, девушка похудела и осунулась, вид у нее был истощенный.

— Она? — вполголоса спросил Тим, проследив направление его взгляда. — М-да... мрачно.

Они подошли к Соне, под пристальным взглядом ее соседки — третья девушка спала, едва слышно вздыхая во сне.

Саша растерянно посмотрел на букет в своей руке, чувствуя его ненужность. Он вообще неловко чувствовал себя в окружении больных... как будто он был в чем-то виноват, например, в том, что он здоров, а они — здесь... Возможно, поэтому он страшно не любил всяческие больницы и поликлиники.

— Соня? — негромко окликнул девушку Тим, которого, похоже, и тут ничего не смущало. — Эй, привет! Ты нас помнишь? Мы с психфака!

«Замечательно, теперь он к психфаку примазался, и на что он рассчитывает, что Соня не помнит, с кем знакома, а с кем нет?» — скептически подумал Саша. А мгновением позже понял, что это уже неважно. Девушка не реагировала, хотя была в сознании, смотрела вверх вполне осмысленно и периодически моргала.

— Не разговаривает она, — сообщила им соседка Сони по палате, пристально их рассматривая. — Ни слова еще не сказала. Третий день лежит, а толку-то.

— Вот ужас-то, а? Такая молодая! — тут же подхватил разговор Тим. — И непонятно, что с ней, да? Врачи-то небось одни непонятные слова бормочут над ней, да не делают ничего...

Саша заметил, что он снова моментально подстроился под тон собеседницы.

— Почему ж непонятные, — женщина будто бы обиделась. — Все понятно. Невроз, стресс, истощение...

Тимофей ввязался в долгие расспросы, видимо, пытаясь вытянуть из женщины всю информацию о диагнозе врачей, даже на кровать к ней присел. Саша положил букет на тумбочку, засунул руки в карманы, чувствуя себя лишним здесь. Неподвижная фигура на кровати пугала его.

— Соня... — тихо сказал он, сам не зная, на что надеясь. — Что там было, у Кати? Что Фарид сделал? Это ты из-за них... так?

Девушка вздрогнула, услышав знакомые имена, и разомкнула губы.

— Фарик... он придет? Он поможет?

— Оп-па! — Тимофей тут же оказался рядом, пристально глядя на Соню из-за его плеча.

— Я... не знаю, я с ним не общаюсь, — Саша несколько растерялся.

Соня вновь перевела взгляд в потолок. Она хотела сказать что-то еще, но тут же вздохнула прерывисто, прикусила губу — ее словно бы что-то остановило.

Саша вдруг увидел какое-то мельтешение перед глазами на фоне яркого прямоугольника окна. Что-то неуловимое, будто облако мелкой мошкеры или, может, сигаретный дым... Он прищурился, всматриваясь внимательнее — совсем как на кухне у Кати. И увидел... от лба девушки тянулась куда-то в окно длинная толстая трубка, что-то вроде гофрированного шланга. Штуковина была прозрачной, но Саша увидел ее в какое-то мгновение так четко, что даже испугался. Стоило ему сдвинуться с места, впрочем, как видение исчезло. Он осторожно, по дуге обошел кровать, стараясь не входить в ту область, где торчала трубка, и выглянул в

окно, пытаюсь определить, куда она ведет, но на фоне пестрой стены больницы ничего не увидел.

— Что там? — спросил Тим. Саша не ответил — не хотелось обсуждать увиденное при посторонних. Он вернулся на прежнее место, вновь присмотрелся — и снова увидел странную конструкцию. И тут же содрогнулся от отвращения — трубка была... живой? Теперь Саша явственно увидел, что она шевелится... пульсирует, чем-то напоминая тварь с Катиной кухни. По ребристой поверхности «шланга» ритмично пробегали вздутия, словно... словно по ней что-то качали, выкачивали насосом. И вела эта трубка, или даже щупальце — за окно, на улицу, без сомнений.

— Я... выйду, — пробормотал Саша и кинулся наружу. В дверях он услышал торопливую фразу Тима «Сонь, повернись-ка, я тебя сфоткаю на память», и чуть не споткнулся — что за абсурд? Но думать было некогда — парня охватил азарт. На улице находился кто-то или что-то, тянувший из девушки... что, энергию? Жизнь? Может быть, та самая тварь, с которой он уже встречался...

Он пронесся по коридору, щелкнул по кнопке лифта — лифт ехал мучительно долго, пришлось по лестнице... И, уже выбегая из больницы, Саша почти лицом к лицу столкнулся с Фаридом.

- Привет, — несколько растерянно произнес тот, видимо, пытаюсь, вспомнить, откуда он знает этого странного парня, который сейчас уставился на него с отвисшей челюстью.

- А... да, привет, — пробормотал Саша. Он, не веря своим глазам, разглядывал геолога. Неужели все так просто решается? И энергию из девушки выкачивает ее собственный друг? Но это отвратительное «щупальце»...

- Эй, чувак, я тебя помню, ты Саша, — радостно сказал кто-то сбоку. Саша повернулся и увидел всю остальную компанию... или не всю, но, в общем, лица были знакомые. Геологи обосновались на лавочке во дворе больницы, и сейчас кто-то — ах да, точно, Лена-трансвестит или кто она там — радостно махал ему рукой.

- И ты к Соньке? День ведь неприятный, слышал?

- Ага, — не стал отпираться Саша. — Я не знал.

Он медленно отходил в сторону от дверей, освобождая себе путь к отступлению. Фарид следил за ним взглядом, будто о чем-то подозревая, и Саша чувствовал себя словно под дулом пистолета. И никаких «щупалец» сейчас он не видел.

Из дверей появился Тим и, не глядя на Сашу, быстрым шагом пошел к выходу с территории. «Он что, оставит меня с этими?» — внутреннее возмутился Саша, но потом сообразил что, вероятно, Тим просто не хочет лишний раз «палиться» перед его знакомыми. Да и ему вообще-то не следовало бы так беззастенчиво пялиться сейчас на Фариду, вызывая подозрения.

— Ладно, мне пора, бываете, — пробормотал он и двинулся следом за напарником, чувствуя спиной, что попал под перекрестье тяжелых взглядов.

Тим ждал его за воротами, небрежно поигрывая ключами в руке.

- Ну, — спросил он, снисходительно глядя на Сашу, — и что за озарение на тебя снизошло?

- Это те самые геологи, — Саша невольно снизил голос и оглянулся, но они уже были

достаточно далеко.

- Это я вроде понял. Чего выбегал-то? Поздороваться?

Парень только глянул на него косо — издевается, что ли?

— Я что-то заметил... на Соне. Какое-то... щупальце. Или трубка. Вела за окно. Решил проверить...

Кажется, Тим только теперь действительно заинтересовался.

— Щупальце? На что похоже? Рассказывай?

Саша, как мог, описал увиденное. Тимофей кивнул и надолго задумался.

— Это все весьма странно, — резюмировал он наконец и решительно развернулся. — Пойдем-ка, найдем подходящий наблюдательный пост.

До Саши далеко не сразу дошло, что он имеет в виду. Только поднявшись вслед за Тимом по пожарной лестнице соседнего с больницей здания (это был какой-то административный корпус, и Саша все время нервно оглядывался, опасаясь, что кто-то их заметит), он был вынужден признать — лучшего места для наблюдений и не найти. Весь больничный двор был виден, как на ладони. Вот только за кем наблюдать? Геологов во дворе не было.

— Так, просчет первый, — веселым голосом сообщил ему Тим. — Мы заходили где? С северной стороны здания, с проспекта, где главный вход. Окна выходят куда?

— На... противоположную? — убитым голосом сказал Саша. Только сейчас он понял, что пейзаж, который он наблюдал из окна палаты, и вид на главный вход — мягко говоря, разные вещи.

— Ну да. Впрочем, вампиру совсем не обязательно даже находиться в зоне видимости жертвы, так что, это не принципиально.

— Ага. Значит, теперь у нас еще и вампиры, — от таких новостей Саша почувствовал себя мягко говоря, неудобно, и моментально перешел на язвительный тон, чтобы сей факт скрыть.

— Вампиры, — спокойно кивнул Тим. — Энергетические, конечно, не те, что с клыками и обширной румынской генеалогией. Это их фишка — щупальца всякие, присоски. Но приятели твои на вампиров не похожи, по первому впечатлению. Я их, конечно, не разглядывал... Но — не похожи. Опытный оператор, конечно, тоже может повампирить, если очень припечет. Но, в таком случае, очень серьезные ребята эти твои геологи.

Он присел на ребристую поверхность крыши, расслабленно опустил руки, выпрямил спину и закрыл глаза. Саша потоптался вокруг, не зная, что делать, и, в конце концов, тоже опустился рядом. День выдался неожиданно теплым для октября, и крыша за день даже нагрелась — по крайней мере, он ощутил ладонью тепло. Точнее, даже волны тепла... Да, определенно, участок под его рукой становился то теплее, то холоднее, словно в твердом покрытии могли существовать течения с разной температурой, как в воде. И волны тепла исходили... от Тима?

Саша осторожно переместил ладонь в сторону. Похоже на то. Он приподнялся, прополз немного на четвереньках, ощупывая крышу вокруг сидящего парня.

— Чего ты там ползаешь? — не открывая глаз, поинтересовался Тим.

— Извини... отвлекаю?

Тим пожал плечами и открыл наконец глаза.

— Да я уже закончил, в общем-то. Нет тут вампиров. Я сеть раскинул... ну, потом объясню. В общем, я бы их почувствовал. Они как ледышки колючие на ощупь... блин, звучит, как бред, знаю, но ты сам потом поймешь. У них каналы энергетические перекрыты, от природы подпитываться не могут, вот и жрут человеческую энергию, как самую легкоусвояемую, такая фигня. Тут, конечно, слабеньких, неосознанно вампирящих парочка есть — какая ж больница без любителей за счет чужих проблем подзарядиться? Но таких вот, сильных, осознанных, что могут длинный канал к жертве провести — нету. И канала, кстати, нету.

— И это значит...

— И это значит, что мы звоним шефу, — и с этими словами Тим торжественно вытащил из кармана мобильник.

Коротко отчитавшись о происходящем, Тим некоторое время молча слушал, а потом буркнул «ага, счас» и передал трубку Саше.

— Расскажи мне, что ты видел, — с ходу начал выяснять Rogozin. — Щупальце? На что похоже?

— На... шланг, что ли. Такой... членистый, — путано попытался объяснить Саша.

— Глазами видел? — уточнил майор. Саша аж запнулся.

— Э... в смысле? Ну да, глазами. А... как-то еще можно?

— Это плохо, — вздохнул Rogozin. — Ладно, с этим придется разбираться срочно. Завтра с тобой поедем... ну, сам увидишь, куда. Так значит, есть подозрения, что это кто-то из компании геологов девочку вампирит?

— Ну да. Фарид...

— Фарид... Интересно. Кто он по национальности?

— Понятия не имею, — Саша задумался, вспоминая, что говорила о своем приятеле Катя. — Этот... перс, что ли?

— Еще чего не хватало... как же я не люблю всю эту их ближневосточную магию, с зороастризмом пополам, — искренне вздохнул Игорь. — Ладно. Давай трубку Тиму.

Саша передал трубку, но отходить не стал, и, невольно прислушавшись, смог разобрать далекий голос Rogozina: «Оставайтесь там, последите, может, канал восстановится, проследи, но сами к ним не лезьте. Я пришлю кого-нибудь из ребят Аркаши, вас сменят. И, пожалуйста, не давай парню активировать визуал! Не хватало мне еще одного...»

Тут Тим отошел на пару шагов, и слышимость резко упала. Саша отвернулся и стал рассматривать пустынный больничный двор. Прищурил глаза и попытался вновь увидеть загадочный «канал», или щупальце, как он упорно называл про себя увиденную структуру. Так, окна второй палаты, пятый этаж... эти, что ли?

— Эй, — Тим уже закончил разговор и теперь неслышно подошел, ткнув его в бок. — Смотреть глазами не надо. Попробуй почувствовать всем телом. Точнее, тем, что за его границами. Понял?

— Не то чтобы... это в смысле, астральное, ментальное тела и вся фигня?

— Во-во. И вся фигня. Теорию пусть тебе шеф объясняет, у него хорошо получается. А будешь так пыряться, знаешь, что будет? — Тим доверительно наклонился к его уху и снизил голос до нарочито-театрального шепота.

— Что? — также шепотом спросил Саша. Сердце противно замерло, ожидая неприятных известий. Он сегодня достаточно видел Тима в деле, собранным и серьезным, чтобы, как минимум, прислушиваться к его словам.

— Глаза повылазят! — радостно сообщил ему Тимофей и звонко, с чувством расхохотался.

Глава 2. Часть 3.

3.

— Предполагается, что каждый символ может быть интерпретирован, исходя из контекста и семантик следующих кругов: а) биологического б) культурологического в) психоаналитического г) интерперсонального...

Саша механически строчил конспект, подпирая голову рукой, и с тоской вспоминал те времена, когда ему еще удавалось ложиться спать вовремя, и лекция по психоанализу в 8 утра еще не казалась ему жесточайшим изобретением средневековых иезуитов.

— Известно, что миф и сновидение связаны онтологически...

Вроде и тема интересная, и предмет, однако же вникать почему-то нет ни сил, ни желания. Почти полночи Саша просидел за компьютером, копаясь в закрытой базе данных ГРУ и МВД, к которой ему наконец-то оформили доступ — не полный, конечно, многие разделы и ссылки не открывались, выдавая на экран угрожающий красный прямоугольник с надписью «доступ запрещен». Но и открытых разделов хватало, чтобы увлечь читающего надолго. Собственно, доступ ему выдали вместе с конкретной задачей — собрать данные о квартире Кати, проанализировать историю дома, при необходимости — и соседних, да хоть всего квартала, если это даст подсказку, откуда взялась загадочная «сущность». Интересовали его начальство, в первую очередь, происшествия, в документах МВД помеченные грифом «13 О» — о существовании этой категории знали только высшие чины, рядовым же работникам милиции было известно только то, что некоторые дела внезапно оказываются закрыты по приказу «свыше». Впрочем, в нынешних насквозь коррумпированных госструктурах подобными явлениями мало кого удивишь — наверняка непосвященные думали, что в таких случаях кому-то «дали на лапу», или чьи-то родственные связи помогли. Тогда как на самом деле, при наличии в деле признаков «психоэнергетических явлений», дело передавалось в другие инстанции, которые этими самыми явлениями и занимались. Убийства в закрытых изнутри комнатах, самовозгорания людей, случаи полтергейста, явления призраков и прочие сомнительные дела, что в старом американском сериале без колебаний бы передали импозантному агенту Малдеру и его рыжей напарнице, подозрительно напоминающей порнозвезду. И во всем этом со смешанными чувствами восторга, страха и недоверия копался рядовой студент психфака — пока под утро глаза не стали слипаться сами собой.

— В сновидениях, фантазиях и творчестве обычно следует обращать внимание на осевые, то есть, повторяющиеся, сюжеты и символы...

Сновидения. Снов Саша не видел уже некоторое время — мозг и без них был загружен яркими впечатлениями. А еще он, кажется, подсознательно опасался, что опять окажется в чужом сне — хоть и с трудом верил, что такое возможно. Девушка Оля с ее удивительными способностями пугала его больше, чем хоть десяток майоров ГРУ с пистолетами наперевес. Rogozin, кажется, становился ему более или менее понятен. Сильная личность, но силой своей не злоупотребляет. «Игорь Семеныч у нас со своими тараканами, но хороший» — доверительно сообщил ему Тим, и Саша уже был склонен с ним согласиться. Такой без спросу в чужой сон не полезет. А вот Оля...

— В традиционных культурах считается, что актуальный мир является ложным, а истинным миром является фантазия и сновидение...

Черт бы побрал этого лектора, с его бреднями... Саша почувствовал неприятный холодок в груди. Подобные мысли его пугали. Вот откуда ему знать, например, прямо сейчас — не спит ли он? Разве ему никогда не снилось, что он сидит на лекции? На мгновение его охватила паника, даже голова закружилась. Пришлось глубоко вдохнуть и выдохнуть, вызвав недоуменный взгляд соседа по парте.

Кажется, где-то, в какой-то книге, что-то было про способы определить, спишь ты или нет...

— Трудно провести жесткую грань между качественными расстройствами сознания и альтерирующими его состояниями...

Вот-вот. Начнешь об этом задумываться — так и свихнуться недолго. Саша вдруг вспомнил речь Rogozina при их первом знакомстве, о том, как старательно люди закрывают глаза на паранормальные явления. И малодушно подумал, что, возможно, не отказался бы все забыть и продолжать жить в мире, где есть стройные теории Фрейда и Юнга, и нет никаких профессиональных сновидцев, энергетических вампиров и прочего...

В сумке завибрировал телефон, вызывая дилепловскую мелодию «Child in time». Саша принялся судорожно копаться в вещах, ища проклятую штуковину. Забыл включить беззвучный режим, вот что недосып с людьми делает.

Звонок пришлось сбросить, но, взглянув на экран, Саша забеспокоился. Вызов был от Rogozina. Какого, спрашивается? Договаривались же на два часа дня...

Он отложил телефон и попытался вновь сосредоточиться на лекции. Не выбегать же с занятия, чтобы позвонить — далеко не всякий преподаватель такое приветствует. Подождет до перерыва. Но экран тут же вновь засветился, оповещая о прибытии смски.

«Выходи срочно жду у главного входа»

Есть такая особенность у представителей старшего поколения — они нередко пишут смски лаконично и без знаков препинания, как телеграммы. Хорошо хоть «тчк» и «зпт» не вставляют. Сашу всегда забавляло получать такие сообщения от мамы. Вот и Rogozin туда же...

И как, интересно, он должен выскочить с вещами за двадцать минут до конца пары?

Саша раздумывал минуты полторы, а потом все-таки отпросился у преподавателя, придумав на ходу, что получил срочный звонок от родителей, «семейные обстоятельства» и все такое. Уж

как-нибудь состряпают ему объяснительную от «родителей», если понадобится. Авось на такое компетенции сотрудников спецотдела ГРУ хватит.

Игорь ждал его у машины, нервно постукивая кончиками пальцев по капоту. Машина была самая обычная, неприметная, безо всяких излишеств типа тонированных стекол.

— Планы меняются, — хмуро сказал он, кивнув вместо приветствия. — Едем в больницу к Соне. Тебе полезно будет посмотреть. Это надолго, так что, если важные занятия, можешь и не ехать...

«Раньше не мог сказать, интересно?» — язвительно подумал Саша, но вслух сказал:

— Я уже отпросился, так что едем. А что случилось?

Не отвечая, Игорь открыл ему дверцу машины и сел за руль.

— Глупость человеческая, — отрывисто сказал он, уже выруливая с территории университета. — Вот что там случилось. Не переживай, к тебе это не относится.

Вынув из кармана недешевый с виду планшетный компьютер в кожаном чехле, он большим пальцем щелкнул по экрану, включая, и протянул его Саше.

— Сначала прочитай, и скажи мне, похоже ли это на кого-нибудь из твоих геологов по описанию. Или на Катю, например. Или еще кого-то из вашего круга общения.

«Признаки энергетического вампира» — прочитал Саша на экране и вопросительно посмотрел на Игоря.

— Составлено на основании очень подробной исповеди одной дамы-вампира, — коротко сообщил тот, не отрывая взгляда от дороги.

«Зависимость от циклических процессов в природе (нарастание силы с ростом Луны) — признак элементарного вампира. Болезненная чувствительность к эмоциям, своим и чужим — характерны для вампира-агрессора.» — выхватил взгляд из текста. Хмыкнув скептически, Саша стал читать по порядку.

«1. Зависимость от чужой энергии. 2. Раздражительность, слабость, сонливость, которая «чудесным образом» проходит в компании людей. 3. Острое реагирование на внешние раздражители, неприятные ситуации (все принимается «близко к сердцу»). 4. Эгоистичность. 5. Иногда — невосприимчивость к искусству. 6. Иногда — нарушения в обмене веществ. 7. Иногда — нарушения в работе мозга.»

— Невеселая у них жизнь, — прокомментировал парень, оторвавшись от чтения. Рогозин никак не отреагировал. Вид у него был по-прежнему хмурый и раздраженный, но Саша заметил, что ритм дыхания его шефа до странного спокойный и размеренный. Он сам не так давно говорил Саше, как важно подмечать подобные мелкие детали — они многое могут сказать о человеке или ситуации. Вот и сейчас — было видно, что, хотя майор чем-то крайне недоволен, и демонстрирует свое плохое настроение, глубоко внутри он спокоен и собран. Руки уверенно лежат на руле, спина расслаблена, рельефные мускулы чуть сильнее проступают сквозь тонкую белую ткань рубашки, когда он едва заметно расправляет плечи на вдохе...

— Что? — спросил Игорь и вдруг улыбнулся — слегка, уголками губ. — Я не вампир, честно.

Смутившись, Саша поспешно отвел взгляд.

— Непохоже, — ответил он внезапно охрипшим голосом, и, смутившись еще сильнее, тщательно откашлялся. — На геологов не похоже. Хотя, я не в курсе, что у них там с нарушениями в работе мозга... Но в искусстве они, вроде, разбираются. Пушкина знают, хотя бы...

— Ладно. Ты дальше читай.

Рогозин ловко вырулил на проспект, и машина влилась в медленно движущийся поток транспорта.

— Ну откуда в это время пробки, вот маразм, — пробормотал Игорь. Саша вернулся к чтению.

«При наличии энергии: 1. Повышенная активность. 2. Высокие регенеративные способности. 3. Психофизическая устойчивость. 4. Устойчивость к заболеваниям. 5. Позитивные отклонения активности мозга (энцефалограмма см. приложение 5).

Вне зависимости от наличия энергии: 1. Легко перестраивают сознание, лабильность эмоций (быстрый переход от одних эмоций к другим). 2. Высокий уровень ментальной защиты.»

— А серебро они могут носить? — спросил Саша, вдруг вспомнив Вита — парень чем-то напомнил ему киношного вампира.

— А почему нет? — удивленно переспросил Рогозин. — И чеснок едят. И кровь не пьют. Хотя, в особо клинических случаях пробуют, но без особого толка. Просто у них перекрыты каналы, по которым обычные люди получают энергию. Это, по сути, болезнь, но, видишь ли, энергетическая оболочка довольно подвижна и может перестраиваться, вот и приспособливается, компенсируя недоразвитость одних потоков — усилением других. Поэтому они и отрачивают себе всякие «щупальца». То, о чем ты говорил, очень похоже на вампира за работой. Но это не Фарид, так что, думаем дальше.

— А почему это не Фарид? — Саша покосился на планшет, перелистнул страницу на экране.

— Потому что он со вчерашнего вечера сидит у нас... в надежном месте, — невозмутимо ответил Игорь.

Саша удивленно уставился на него.

— Вы его... арестовали? За что?

— Мы его... пригласили для неофициальной беседы, — ответил майор, поворачивая руль. — Там видео, в той же папке. Посмотри, если дочитал.

Саша бегло пролистал файл — дальше шла совсем уже какая-то ахинея, которая точно не могла ему помочь в идентификации вампира: «Астральное тело вампира состоит из трех компонентов: энергоскелет, энергоцентр и энергощит. Типы энергоцентров: сфера, звезда, сетевидный, кристаллический...»

«Можно подумать, я у людей энергетические центры вижу, да еще и форму их рассматриваю, ага» — вздохнул мысленно Саша и открыл предложенное видео. На экране было незнакомое помещение с одним столом и парой стульев. За столом сидели Фарид и Рогозин, у стены стоял незнакомый мужчина средних лет, в камуфляже, с жестким коротким ежиком светлых волос.

Видео было коротким и явно вырезанным откуда-то фрагментом, потому что начиналось с середины фразы.

— ... не знаю, — говорил Фарид. — Я из нее силу не тянул. Зачем мне собственного медиума гробить? Я ее, наоборот, подпитывал как мог. В ней как черная дыра образовалась, сила в никуда уходила. Я понятия не имею, что это, сам испугался.

Парень явно волновался, поэтому говорил с усиленным акцентом.

— Зачем вы эту тварь поднимали? — резко спросил Игорь на видео.

— Интересно было, — Фарид развел руками, и Саша с облегчением заметил, что он был не в наручниках. Все-таки, воображение уже невольно рисовало ему мрачный карцер и геолога, прикованного к стене цепями. Кто их знает, какие у них методы, у этих спецслужб...

— А может, ты амулет хотел зарядить? — не отставал майор. — Амулет, в который загнали сущность, сильнее любого вручную заряженного, верно?

Геолог молчал, опустив голову.

— Но амулет был хреновый, — все так же жестко продолжил Rogozin. — И наутро от него остались одни ошметки на кухне. А тварь, подпитавшаяся и вашими силами, и силой амулета, окончательно сожрала девочку. Вырвала ей энергетический центр... знаешь, что это такое?

«Даже я это только что узнал» — подумал Саша, вспоминая главу про вампиров... видимо, не только у вампиров была подобная «структура ауры»?

— Я что, какой-то закон нарушил? — с вызовом спросил Фарид, подняв взгляд на майора. — Где такой закон написан, что амулеты нельзя?

Он психовал, и, кажется, даже русский язык от волнения подзабыл.

— Нет таких законов, — спокойно ответил Игорь. — Только мы — над законом. Вы, ребята, любите рассуждать о том, что для посвященных нет законов и ограничений, кто сильнее, тот и прав? Тогда я спрошу тебя на праве сильного — ты в Игре?

Он так произнес это слово, выделив интонацией, что не оставалось сомнений — речь идет о чем-то конкретном. И Фарид, судя по реакции, прекрасно понимал, о чем. Он дернулся, едва не вскочив на ноги. Мужчина у стены плавной, бесшумной тенью скользнул к нему и надавил на плечо тяжелой рукой.

— Не рыпайся, — глухо сказал он.

Видео закончилось. Саша повернулся к шефу, старательно пытаясь стереть с лица выражение крайнего обалдения.

— Что еще за Игра?

— Это сейчас не так важно, — поморщившись, ответил майор. — Что произошло, ты понял? Про амулет, и сущность...

— Понял. Значит, Фарид не виноват... То есть, если так посмотреть, то виноват, но... он не вампир. И Соню пытался спасти.

Игорь кивнул. Саша огляделся — они уже подъезжали к больнице.

— Так значит, Соню... ранила эта тварь? Вырвала, как вы сказали, энергетический центр? Значит, вампиры ни при чем?

— Скорее всего, тот канал, или «щупальце», что ты видел — был от Фариды. Ты видел передачу энергии, но не смог определить, в какую сторону она идет. Ничего страшного, это приходит с опытом. А вот Тим мог бы сразу догадаться посмотреть, пока связь еще не прервалась.

— Он... в то время занят был, свидетелей опрашивал, — попытался защитить товарища Саша. Рогозин тем временем подъехал к воротам и предъявил удостоверение охраннику. Саша ощутил мимолетную и неуместную гордость, увидев выражение лица охранника, когда тот читал удостоверение.

— А почему мы тогда продолжаем прорабатывать версию с вампирами? — спросил он, когда машина миновала ворота.

— А потому, — мрачно сказал майор и припарковался прямо у входа. — Сейчас увидишь.

Вопреки ожиданиям Саши, в здание они не пошли, а двинулись вглубь двора, странно пустынного — по утрам тут совсем никого нет, что ли? Только обогнув здание, Саша вдруг понял, что это неспроста. Во дворе стояла милицейская машина, толпились люди в форме и врачи... а посреди лужайки лежало что-то белое, смятое, точно простыня... а под ней...

Саша споткнулся на ровном месте, когда понял, что под простыней — тело.

— Пойдем, пойдем, — пробормотал Рогозин и мягко подтолкнул парня вперед. Рука его задержалась на Сашином плече, и тот почувствовал странное спокойствие и отрешенность, сосредоточившись на ощущении теплой ладони на плече — почему-то тепло ощущалось даже сквозь плотную джинсовую куртку. «Воздействует он на меня, что ли?» — удивленно подумал Саша, но тут ощущение исчезло — майор шагнул вперед, приветствуя кого-то. Это оказался тот самый мужчина в камуфляже, что был на видео. В жизни вид у него был еще более суровый. Возле тонких губ пролегали угрюмые складки, однако взгляд был неожиданно прямым и открытым.

— Облажались мои дебилы, Игорь, — мрачно сказал он. — Моя вина.

Рогозин только отмахнулся.

— Рассказывай тоже. Тебя тут вообще не было, или забыл уже про вчерашний допрос?

— Все равно моя вина, — упрямо ответил его собеседник. — Не воспитать мне новых «Ящеров»... гадюки они бесхвостые, вот кто.

— Ты ко мне позови этих «гадюк», — тихо сказал Игорь. Вроде спокойно сказал, но Саше вдруг показалось, что на двор легла незримая, холодная тень, и стало почему-то страшно. Он невольно шагнул ближе к Игорю.

— Да, Аркадий, познакомься, это Саша, наш новый эксперт, — представил их Рогозин. Аркадий коротко кивнул, просканировав его взглядом, и ушел.

— Это... Соня там? — спросил Саша, глядя на тело. Он уже видел, что силуэт женский и худощавый — несложно было догадаться.

Игорь кивнул. Он тоже неотрывно смотрел на труп, засунув руки в карманы. Наверное, что-то «прощупывал» энергетически. Саша подумал, что можно бы тоже сконцентрироваться, присмотреться к трупу — вдруг обнаружит что-то? Но не стал. Почему-то ему казалось, что смотреть таким образом на мертвое тело будет страшной ошибкой, хотя почему — он объяснить не мог. Он только подошел к нему ближе, огляделся по сторонам, поднял взгляд на окна палат... Похоже, девушка выпала из окна, судя по положению тела. Или — выпрыгнула.

К Рогозину тем временем подошли двое парней, одетых как-то неброско, в повседневную одежду, но выправка их и движения не оставляли места для сомнений — это были военные. Видно было, что им не по себе, но парни взяли себя в руки, вытянулись по стойке «смирно» и что-то уверенно проорали — наверное, представились по форме, Саша не разобрал. Он счел невежливым прямо подходить и слушать разговор, поэтому прошелся по широкой дуге, постепенно приближаясь к ним.

— ...восстановился, — докладывал один из них. — Мы решили установить источник сигнала и с этой целью спустились на первый этаж...

— Оба? — спросил Игорь. Парни совсем сникли, но тот, кто докладывал, все же ответил.

— Оба...

— Ты же не сенс, Стеценко, — тихо, но веско сказал майор. — Ты хочешь сказать, что тоже ощутил канал?

— Он мощный был, — парень виновато глянул на него исподлобья.

— Что вам положено было делать по инструкции?

— Сообщить остальным... Но он же был совсем рядом, смысла не было! Ушел бы... то есть, мы думали, что ушел бы...

— Нам показалось... — вступил в разговор второй.

— Показалось им! — рявкнул неожиданно Рогозин. Саша вздрогнул и искренне порадовался, что шеф сейчас смотрит не на него. Под его взглядом, кажется, даже трава дымилась. Парень вдруг вспомнил, как испугался, впервые увидев майора на лестнице в подъезде. Умеет же человек производить впечатление, а. Увидь он его впервые таким, как сейчас — вообще бы заикой остался, наверное.

— Продолжайте доклад, — теперь Игорь снова говорил тихо, но от этого было ничуть не легче.

— Мы спустились на первый этаж, — продолжил мямлить несчастный Стеценко. — Там никого не было... ну, то есть, вампира не было, только обычный персонал... Тогда мы сообщили о наблюдениях и...

— И снова нарушили инструкцию, — продолжил за него Рогозин.

Саша не понимал, что происходит. Вроде вокруг был погожий осенний день, солнце поднималось, яркое и еще по-южному теплое... Это он видел — глазами. И в то же время, все прочие чувства кричали ему, что во дворе темно и холодно, а вокруг беснуется ветер, практически ураган. Хотя ветви деревьев едва шевелились.

— Яша раскинул сеть, смотрел окрестности, — монотонно бубнил парень. — Мы вышли во

двор... И тут увидели, что объект наблюдения... выпала из окна.

— Вы увидели, как она выпала, или увидели ее лежащей?

Тут парень окончательно потерялся, но подключился второй.

— Она лежала, — тихо сказал он, не поднимая глаз. А канал уходил в землю, и потом пропал. Не сразу. И теперь канал был точно нисходящий. Ее кто-то выпил. Но сетью я никого не почувствовал.

— Свободны, — махнул рукой Игорь и повернулся к стоявшей неподалеку Оле — Саша и не заметил, когда она подошла.

— Что такое, нашла что-нибудь?

Парни удалились чуть ли не бегом. Несуществующие холод и ветер тоже постепенно уходили, уступая место нормальному октябрьскому утру.

— Ничего особенного, — пожала плечами Оля. — Просто хотела сказать, что пока ваше биополе весь двор занимает, работать невозможно.

— Извини, что помешал, — серьезно ответил Rogozin. — Это была воспитательная работа, сама понимаешь, надеюсь.

— Ну да, страху нагнать надо было, — немного насмешливо сказала сновидица. — В общем, ничего я тут не вижу, не слышу и не чую. Канал у них в землю уходил, вы слышали? Как такое может быть?

— Не знаю. Может, мифические ходячие мертвецы? — майор усмехнулся, не особенно весело, впрочем. — Лежат под землей, тянут энергию из живых...

Оля поморщилась, выражением лица явственно продемонстрировав, что она думает о такой версии.

— А тут подвал есть? — спросил Саша. Известие о том, что хотя бы ходячие мертвецы оказались мифом, а не очередной рабочей версией, его несколько взбодрило.

Шеф посмотрел на него с одобрением.

— А вот и последний разумный человек в этом дурдоме, — сказал он, слегка улыбнувшись Саше. — Действительно, Оля, проверьте с Сашей подвал.

— Пошли, — девушка приглашающе махнула рукой.

Подвал был заперт, но ключи им выдали беспрекословно. Персонал, кажется, был крайне перепуган всем происходящим, и активно помогал следствию — боялись обвинений в халатности, что ли?

Спускаясь по длинной темной лестнице, Саша решил, что сейчас самое время поговорить о том, что беспокоило его в последнее время.

— Слушай, Оль... — нерешительно начал он. — А вот... как ты меня нашла тогда, во сне?

Сновидица остановилась и внимательно глянула на него. В подвальном полумраке ее лицо

казалось почти зловещим. Если бы не нелепая вязаная шапочка, натянутая на уши, можно было бы и испугаться. Кажется, Оля почти всегда одевалась не по погоде тепло.

— Мне чисто теоретически интересно, — торопливо пояснил Саша. — Я все равно ничего такого не умею...

— Ну, я сходила в тот подъезд, где наши на тебя наткнулись, — девушка отвернулась и стала спускаться дальше. — Запомнила его — обстановку, детали. Потом пришла туда во сне, специально. Поискала твой след... Во сне, когда приходишь в реальное место, много чего видно. Следы людей.... Ну, у меня они как нити. Светящиеся нити, разноцветные, красивые такие, висят в воздухе где-то на полметра от земли. Следы наших я знаю, а твой — незнакомый был, но яркий. Ты испугался, это выброс энергии всегда. Прошла по следу... нашла тебя спящего.

— То есть, таким образом можно вычислить, где я живу? Ты ко мне домой пришла? — уточнил Саша. Оля покачала головой.

— Неа... След вел в твой сон. Выходишь из подъезда, а там нить в небо уходит. А в небе лес. Перевернутый, — Оля улыбнулась. — Я туда полетела, и тебя нашла. А вот если б ты не спал, то да, могла бы найти твой дом, или универ — смотря где бы ты сам сидел.

— Понятно... и... много вас таких? Ну, кто... умеет... — Саша запутался в формулировках, но девушка его поняла.

— Сновидцев настоящих немного. У нас в городе — меньше десятка. У нас в отделе — только я. Игорь Семенович может кое-что... если очень понадобится. Ну а если ты про умение следы искать, так это и наяву многие могут.

«Час от часу не легче...» — мрачно подумал Саша.

В подвале было чисто, но довольно сыро. Саша даже замерз, а вот Оля как будто специально для этой вылазки и одевалась. Они честно обошли все помещения, но Оля ничего не уловила, а Саша тем более. Но один ценный вывод они все-таки сделали.

— Подвал не выходит во двор, — выпалил Саша, едва они выбрались обратно и встретились с Игорем. — Под двором должно быть что-то еще. Канализация, может...

— Саш, ну зачем ты это говоришь, шеф же нас сейчас туда и пошлет, — проворчала Оля, отряхиваясь.

— Не переживай. По канализации пусть Аркашины ребята ползают, — ответил Игорь. Он рассматривал какие-то фотографии, который подавал ему стоящий рядом Тим. — Вот, посмотрите-ка!

Оля взяла у него из рук карточку, а Саша заглянул ей через плечо.

На фото была Соня, лежащая в постели, а на груди у нее расплывалось бесформенное черное пятно. Саша понял, что кадр был сделан во время их первого визита в больницу... вот только черных пятен он там никаких не видел.

— Это специальная камера какая-то? — спросил он. Тим довольно ухмыльнулся.

— Ага, камера со специальной приставкой. А приставка эта — я!

4.

Машина петляла по тесным улочкам исторического центра города, где наспех отреставрированные за городской счет здания соседствовали с сомнительного вида хибарами, а потемневшую от времени лепнину украшали яркие пятна современных вывесок. Саша понятия не имел, куда его везут теперь, да и не особенно над этим заморачивался. В машине Игоря было уютно, тепло и едва уловимо пахло чем-то свежим и хвойным — похоже, одним из упомянутых «заскоков» майора было помешательство на хвойных ароматизаторах. У него и в кабинете вечно дымились благовония — то кедр, то сосна, Саша уже заметил. Он и не возражал, в общем-то. Здесь, в уютном пассажирском кресле, все эти трупы под белой простыней, вампиры, подземелья, казались бредовым утренним сном, и это ощущение его вполне устраивало.

— Что-то не сходится, — рассуждал тем временем хозяин машины, уверенно поворачивая в очередной подозрительный переулочек. — Жертва вампира должна ощущать упадок сил, а тут — девушка поднимается, подходит к окну, открывает его, прыгает... слишком много действий. Для ее плачевного состояния — уж точно. Как будто ее сначала подпитали энергией, дали импульс, и команду, подавившую волю... а уж потом выпили до конца всю силу в момент умирания. Но тогда это не вампир, тут действовал оператор, причем — по подготовке не уступающий нашим бойцам, а по силе, может, и превосходящий. И это очень плохо. Это значит, что я не ошибся насчет Игры.

— Так что это за... — но Саше не дали договорить.

— Послезавтра, на совещании, — резко бросил майор и тут же, несколько смягчив тон, добавил: — Но прежде чем посвятить тебя в это, я надеюсь услышать твои версии происходящего. Вполне может статься, что мы слишком увлеклись своей «охотой на ведьм» и упускаем что-то важное.

Саша кивнул, скептически подумав про себя, что Rogozin зря надеется. В голове у него была такая невообразимая каша из фактов и событий, что в одиночку явно не расхлебать.

-Нам сейчас только и остается, что на совещаниях сидеть, да ни в чем не повинных иностранных студентов под замком держать... Потому что больше зацепок нет. Ничего, пройдет этот долбаный октябрь... Пока что, — продолжил Игорь, — тебе нужно уяснить одну важную вещь. Помнишь, я говорил тебе, чтоб ты не смотрел глазами? Точнее, смотрел не глазами. Это не загадка в духе дзенских коанов, это техника безопасности.

— И Тим говорил, — Саша кивнул, припоминая разговор. — Но я пока что только зрением и вижу всякие... эффекты. Щупальца эти, и то, что на кухне...

— Это хорошо, что ты научился их видеть, — сказал Rogozin. — Однако, теперь тебе нужно как можно скорее разучиться.

Машина теперь ползла совсем медленно. Саша выглянул в окно и отпрянул от неожиданности: на него смотрели чьи-то цепкие, внимательные глаза. Порядком раздолбанные тротуары узкого переулочка были заполнены людьми. В основном, это были старухи неопрятного вида, перед которыми на грязных тряпицах лежали россыпи какой-то разноцветной мелочевки. От их тряпья и «товаров» в глазах рябило. Старухи провожали машину подозрительными взглядами, но с места не двигались.

— Барахолка, — пояснил Игорь, точно нечто само собой разумеющееся. — В первой половине дня они тут всегда стоят, до самых холодов. Неужели ни разу не забредал?

Саша покачал головой. Ему эта пестрая толпа показалась чуть ли не пришельцами из другого измерения — настолько они были неуместны здесь и сейчас, в сочетании с разговорами о вампирах и тонким запахом кедра.

— А зря, тут иногда такие амулеты попадаются — аж в руки брать страшно, — прокомментировал Игорь. — Так вот. С помощью зрения человек получает до восьмидесяти процентов информации о мире. И когда по зрительному каналу начинает поступать дополнительная информация, да еще и противоречащая привычному описанию мира, канал перегружается, и начинает вырубаться либо зрение, либо мозг. Знаешь, какая самая главная в нашей работе опасность? И какое самое распространенное профессиональное заболевание?

Вопрос был явно риторическим, так что Саша ограничился вопросительным взглядом.

— Крыша у нас едет, — сказал майор и бегло улыбнулся. — Это самое главное и самое сложное — не по астралам шататься, не с тварями да вампирами сражаться, а в психушку после этого не угодить.

Саша молча кивнул. Как ни странно, это заявление Rogozina было вполне созвучно его мыслям. Он и сам не далее как утром испытывал смутные опасения по этому поводу.

— Мне повезло — у меня только зрение пострадало, — невозмутимо сказал Игорь. — Отсюда и очки.

Саша покосился на него — сейчас-то майор был не в очках.

— Ну, или линзы, — продолжил тот. — Сейчас потихоньку выправляется, я работаю над этим. А когда-то пришлось из-за этого срочно переqualificироваться из оперативника в штабную крысу. И ведь физически-то все было в полном порядке, вот что обидно. А дело вот в чем — на самом деле, информация поступает не через наши обычные органы чувств. Стройной теории сверхчувственного восприятия до сих пор нет, но пока мы ориентируемся на допущение о том, что есть некие... полевые структуры. Говоря проще, биополе. Многослойное. У человека есть тело физическое, потом астральное, ментальное, атмическое, бодхическое... без шпаргалки в них все время путаюсь, если честно. В общем, восприятие интересующих нас феноменов происходит где-то не на физическом уровне. А когда оно транслируется на физический, вот тут и начинаются «глюки»... На самом деле, перенаправить эту информацию можно на любой канал — не только зрительный. И, как показывает опыт, лучше как раз не на зрительный... Когда меня обучали, этого еще не знали. Открытие, можно сказать, оплачено жизнями не одного спятившего на работе сенса. Видишь «картинки» — кажется, все просто и понятно... а потом эти картинки начинают на пустом месте генерироваться. Слишком много их становится. Они закрывают реальный мир, понимаешь?

Саша заметил, что майор несколько разнервничался — даже дыхание сбилось. Как будто вспомнил что-то неприятное. Машину он уже припарковал во дворе высотного здания, не очень-то походившего на жилое. Но выходить пока не спешил — видимо, хотел сначала закончить разговор.

— Тебе нужно учиться воспринимать информацию иначе. Кожей, слухом, как угодно. Хотя слух — тоже довольно опасно. Проще сновидцам — во сне зрение не перегружается. Но у них свои заморочки... легко перепутать сон и реальность. Некоторые с балкона шагают, думая, что спят... а левитировать-то наяву сложнее.

— Я понимаю, — искренне сказал Саша. — Я только не очень представляю, как это — по другим каналам... ощущать.

— Синестезия, слышал такое слово? — Игорь наконец выбрался из машины, и Саша последовал за ним. — Люди слышат цвета, видят звуки и обоняют абстрактные идеи... Под ЛСД такое — норма, но мы обойдемся без «кислоты», я тебе не Дон Хуан, а государственный служащий, нам кактусы всякие по имиджу не положены...

Он набрал код на домофоне, и через полминуты кодовый замок запищал, пропуская их в подъезд. Странно, но никто не удосужился поинтересоваться по домофону, кого же черти принесли, ну или что там положено ворчать в трубку обитателям таких вот сырых и мрачных домов? Саша с удивлением рассматривал стены подъезда, едва ли не мхом покрытые, и необычайно высокие потолки.

— Тут везде потолки высокие, дома старые, купеческие еще, переделывались под коммуналки когда-то, — объяснил Rogozin, взбираясь по лестнице. — Так вот, чувствовать можно как угодно... достаточно стандартный набор — ощущение тепла-холода, сам так работаю. Тепло — живой объект, холод — неживой, но опасный...

Если принимать систему «тепло-холодно», то в этом подъезде, судя по температуре воздуха, обитал некто неживой и опасный. И крайне нечистоплотный, язвительно подумал Саша, принимаясь.

Они прошли по длинному коридору, повернули, поднялись еще по какой-то лестнице. Где-то залаяла собака, судя по голосу — мелкая и противная, из породы комнатных игрушечных спутников блондинок.

— Ты скажи мне, ты как к сексуальным меньшинствам относишься? — неожиданно спросил Игорь, останавливаясь перед одной из дверей.

Саша от неожиданности споткнулся и чуть не прикусил язык. Ничего себе смена темы, называется.

— Ну... толерантно, — пробормотал он, растерявшись. Как-то не задумывался он на эту тему в своей жизни. Других хватало. Ну, ходят себе на гей-парады, и пусть...

— Это хорошо. Ну, ты не обращай внимания, если что, — бодрым тоном сказал майор, и постучал. Дверь почти сразу распахнулась, прежде, чем Саша успел переспросить «Если ЧТО?».

— Топаете, как слоны, возмутительно — сварливо сказал высокий мужской голос.

— Если мы будем красться бесшумно, как кошки, то у тебя случится инфаркт, и мне придется писать объяснительную начальству, а я этого не вынесу, — жизнерадостно сообщил Rogozin и махнул Саше, приглашая того зайти.

Хозяину квартиры было, наверное, лет шестьдесят. Обширные залысины со стороны лба еще не поглотили остатки седых волос, но внушительности эти жалкие клочки ему отнюдь не добавляли. На нем был монументальный бархатный халат в огромных бордовых розах, и, словно довершая абсурдный образ — стоптанные тапочки.

— Мон шер ами, сколь отратно вновь принимать тебя в моей скромной обители, — томно сказал сей субъект Игорю и повернулся к Саше. — О, что за прелестное дитя?

— Феликс, ты уже глаза залил с утра, я смотрю? — с улыбкой спросил майор. Его происходящее явно веселило. — Это Саша. Наш новый эксперт. Руками не трогать, сахаром не кормить и все такое.

— Так уж прям и не трогать, — неожиданно-ехидно сказал Феликс и подмигнул Саше. Тот на всякий случай сделал шаг назад, к двери, и опасно покосился на Рогозина. Майор уже вовсю давился смехом, глядя на его лицо.

— Не пугай ребенка, а, — попросил он, доставая из внутреннего кармана пиджака какие-то бумаги. — Давай, врубай аппаратуру, время не ждет.

— Прошу в мой будуар, — Феликс величественно развернулся и двинулся куда-то вглубь просторной комнаты. Саша растерянно посмотрел на шефа, но тот только махнул рукой, мол, иди уже. И Саша потопал вслед за эксцентричным хозяином, бегло оглядевшись по сторонам. Комната была заставлена обувью, причем — новой и преимущественно мужской. Преобладали почему-то байкерские «казаки» и сапоги с обитыми металлом носами.

— Обувь я шью, — не оборачиваясь, сказал Феликс, и открыл дверь в смежную комнату. — Что беспримерно выгодней, чем протирать на кафедре штаны на ягодицах. О! Чудно, чудно...

Вторая комната напоминала мастерскую — похоже, здесь действительно шили обувь. Но вот прибор, удивительным образом выезжавший на подставке из шкафа, к производству обуви отношения явно не имел. Судя по сетчатому каркасу, повторяющему форму человеческой головы, это был... энцефалограф?

— Садись, — Феликс пододвинул крутящееся кресло и жестом пригласил Сашу в него присесть. Смазав многочисленные датчики резко пахнущим гелем, он проворно нацепил их на Сашину голову. «Потом волосы хрен отмоешь» — мрачно подумал парень. Энцефалограмму ему делать приходилось — у них даже одна лабораторная была, где нужно было расшифровывать данные ЭЭГ.

— Расслабься, — мужчина включил компьютер, подсоединенный к датчикам, быстро запустил какую-то программу. — Дядя Феликс больно не сделает... тем более, смазка у меня есть...

Саша понимал, что речь идет о геле для электродов, но все-таки вздрогнул. В дверном проеме появился Рогозин, прислонился плечом к косяку, по-прежнему глядя на происходящее с легкой улыбкой, и Саше сразу полегчало.

— Что, так и будешь тут торчать, как строгая мать-настоятельница? — ехидно осведомился Феликс. — Правильно, сторожи мальчика, мальчик хороший, как бы не увели...

— Хорош языком молоть, — сказал майор, скользя взглядом по запутанному клубку проводов.

Компьютер загудел, защелкал, фиксируя работу Сашиного мозга. Парень честно попытался расслабиться, но бредовая обстановка не очень-то к этому располагала, да и странный тип в своем безвкусном халате неуловимо раздражал...

— Игорек, твой мальчик просто один сплошной нерв, — картинно всплеснул руками Феликс. — Я так работать не могу, зачем мне его альфа-ритм? Альфа-ритмов я насмотрелся предостаточно, они уже несколько не волнуют мое черствое сердце, поверь.

Майор подошел к Саше и положил руки на плечи, сдвинув назад воротник куртки. Сквозь тонкую ткань футболки чувствовалось тепло его рук, почти жар.

— Успокойся, — мягко сказал он, и в голове его неизвестно откуда прорезались низкие, бархатистые обертона. — Тебе здесь ничто не угрожает.

Тонкий аромат его парфюма, с едва уловимой «древесной» ноткой действовал успокаивающе... и когда это он успел стать привычным, вяло удивился Саша. Ладони Игоря скользнули чуть ниже, то ли массируя, то ли просто поглаживая верх спины. Как ни странно, Саша действительно расслабился. Он бы вообще задремал — сказывался-таки ночной недосып — если б не проклятый Феликс, чья ухмылка где-то на границе периферийного зрения заставляла инстинктивно ожидать опасности.

— А говорил, руками не трогать, — насмешливо сказал этот тип, кутаясь в свой халат.

— Я начальник, мне можно, — легкомысленным тоном сказал Игорь, и убрал руки. Саша поймал себя на ощущении, что без них сразу стало холоднее и как-то пусто. Нет, все правильно, живые объекты излучают тепло... система «тепло-холод» или как там...

Феликс нажал какую-то кнопку, и из принтера, замаскированного, как оказалось, тоже под некий станок, поползла бумажная лента распечатки.

— А теперь постарайся ни о чем не думать, — тихо сказал майор. — Совсем ни о чем, выкинь из головы все мысли, образы, ассоциации...

— Остановка внутреннего диалога, я понял, так бы и сказали, — Саша невольно блеснул эрудицией: все-таки, не зря Кастанеду в рюкзаке таскал.

— Вот оно, поколение «детей-индиго»! — с показным восхищением всплеснул руками Феликс.

Саша еще некоторое время выполнял простейшие задания — открыть глаза, закрыть глаза, подумать о чем-то конкретном, и прочее в том же духе. А потом долго оттирал салфеткой следы проклятого геля с волос, в то время как Феликс и Игорь бурно спорили над распечаткой.

— А я говорю, универсал! — настаивал хозяин квартиры и, по совместительству, подпольной лаборатории. — Посмотри на дельта-зубец!

— Да, но асимметрия...

— Да я без всякой асимметрии тебе скажу, я же его пощупал, пока мерил!

«Когда это, интересно, ты успел, старый хрен?» — мысленно возмутился Саша, но тут же понял, что Феликс говорил о чем-то нематериальном. Хотя все равно, ощущение возникло неприятное. Представилось, как Феликс протягивает к нему пульсирующее полупрозрачное «щупальце» и трогает... фу.

— Ладно, — сдался наконец Игорь. — Заполняй протокол.

Феликс взял протянутую бумагу и бегло что-то в ней застрочил.

— Чакры я ему почистил, — не отрываясь от своего занятия, сказал он. — Каналы у него и так работают, здоровый юноша, бери и работай... В общем, поздравляю, молодой человек, — теперь он развернулся к Саше. — Ваша спецификация по Шестому протоколу — универсал, добро пожаловать в наш маленький, но дружный дурдом.

Это было сказано неожиданно серьезным тоном, без томного подвывания и подкатывания глаз.

И Саша с удивлением понял, что вполне представляет себе Феликса в военной форме и соответствующей обстановке.

— Ну вот и ладно, — Игорь протянул парню руку, и тот не сразу сообразил, что ему предлагают опереться, чтоб встать. Поднявшись и потянувшись, он прислушался к ощущениям в теле. Чакры — это хорошо, конечно... но он пока никаких особенных изменений не чувствовал. Разве что, спать меньше хотелось.

Феликс проводил их до дверей, на прощание сказав Rogozinu что-то, на этот раз — по-немецки, отчего тот рассмеялся, и ответил «Иди ты в баню».

— Забавный тип, правда? — сказал он, усаживаясь в машину. Саша честно постарался не отображать лицом всю гамму чувств, что вызвал у него Феликс, но, кажется, не преуспел.

— Мы с ним в Мюнхене однажды... отжигали, — усмехнулся майор, выезжая со двора. — Если в двух словах, и не нарушая подписку о неразглашении, то — нам нужно было проникнуть в одну контору, прикинувшись приличными немецкими фрау... И если Феликсу это вполне удалось, то я... мда. Можешь себе представить?

Саша покосился на бицепсы Игоря, который снова скинул пиджак и сидел в легкой рубашке, и был вынужден признать, что нет, не представляет. Правда, большое невыспавшееся воображение, напрягшись, все-таки подсуло ему картинку, где майор был в чем-то черном и кружевном, и очень минималистичном — вряд ли такое носят приличные фрау. Скорее, те, которых на ю-тубе показывают. «Изыди, бред» — мысленно возопил Саша и уставился в окно, надеясь, что не успел заметно покраснеть.

— А что такое универсал? — спросил он, отвлекаясь от дурацких мыслей.

— Это значит, в потенциале у тебя равные шансы стать и оператором, и сенсом, — нехотя ответил Rogozin. — Но я считаю, по складу характера и прочего... тебя стоит развивать как оператора. Впрочем, по ходу посмотрим. Ну что, тебя домой подбросить?

— Да не надо, я не домой, я... к товарищам за лекциями заеду, — зачем-то соврал Саша. Неловко было просить майора подвозить его аж до дома. — У метро высадите, если можно...

— Лады. — Игорь не стал спорить. Выруливая из путаницы переулков на широкий проспект, он протянул Саше лист бумаги, слегка пожелтевший от времени, и флешку. — Это отчет о сновидении, заполнишь завтра утром. Так положено — после инициации. Бюрократия...

Лист был расчерчен какой-то сложной таблицей. Саша фыркнул, проглядывая его. Отчет о сновидении? А инвентаризация волшебных палочек у них раз в квартал проходит, интересно? И плановая профилактика метелок и ступ...

— Инициации? — он не сразу понял, что его зацепило в речи майора.

— Бюрократия, — повторил тот. — Просто так называется момент определения твоей спецификации. На самом деле, я тебе говорил уже. С одной стороны, как говорится, кто рожден — тот уже посвящен. С другой, весь наш путь — одна сплошная инициация. Короче, не забивай голову. Лучше попробуй забивать ее тем, что на флешке. Она, кстати, одноразовая, при втором втыкании в комп отформатируется, так что лучше сразу читай.

— Ладно, — после всего произошедшего самоуничтожающаяся флешка удивила Сашу меньше всего.

— До свидания, — махнул он рукой, вылезая из машины на остановке.

— Саша, — Rogozin придержал дверь. — Ты, может, не почувствовал, но у тебя сейчас активирована вся энергетика. Могут быть всякие странные эффекты. Если что-то увидишь, услышишь, если плохо станет, или, там, черти из стен полезут — звони мне, хорошо? В любое время, не стесняйся.

— Ладно... — Саша пожал плечами, не зная, что и ответить.

Черти у него из стен полезут, ну-ну. Ладно, главное, чтоб не Феликс в халате. Или, упаси боги, без оного.

Глава 2. Части 5-6.

5.

Нет, черти из стен не полезли, хотя Саша, кажется, не сильно бы и удивился.

Он и не заметил, как за окном стемнело — завис над ноутбуком в неудобной позе, изучая содержимое флешки. Когда наконец распрямылся, спину нещадно ломило — пришлось потянуться, помахать руками, разгоняя напряжение в мышцах. Словно опасаясь чего-то, парень быстро выдернул флешку из разъема, спрятал в карман. Зажег свет, отправился на кухню, ткнул машинально в кнопку включения электрического чайника, да так и застыл, вперившись невидящим взглядом в окно.

Конечно, наверняка Rogozin не собирался его пугать. Ему нужен свежий взгляд на ситуацию, и он выдает своему новоиспеченному «эксперту» только ту информацию, что имеет отношение к делу. Например, о способах влияния на людей. Возможно, Соню убили каким-то из способов, описанных в методичке, которая оказалась на флешке единственным текстовым документом.

Вероятно, майор, как человек, повидавший многое, просто переоценил его выдержку. И стойкость психики. Потому что Саша не мог это спокойно читать и анализировать. После увиденного сегодня, после всего, что он узнал за последние несколько дней... Хрупкий, неестественно изломанный женский силуэт под белой простыней то и дело вставал перед внутренним взором. Тогда, на месте происшествия, все вели себя довольно обыденно — даже Оле, казалось, не привыкать иметь дело с трупами — и Саша невольно и сам отстранился от происходящего, тем более, что вокруг хватало новых лиц и информации. Теперь же, в полумраке пустой квартиры, отложенные до поры до времени переживания вновь обрели яркость.

Кажется, он впервые видел труп вблизи — если не считать похорон бабушки. Но это было так давно...

«Установив связь с объектом, синхронизируйте ритм его сердцебиения с каким-нибудь простым движением — например, сжиманием кулака. А теперь плавно увеличивайте частоту...»

Холодным, канцелярским языком в методичке описывались способы устроить человеку сердечный приступ. Или, например — ввести его в транс, заложить в подсознание некую команду. Выведать информацию во сне или наяву. В описании методик встречались незнакомые слова и понятия — Саша подозревал, что в этом своеобразном «учебном пособии» были и другие главы, но ему скинули только эту.

При первом контакте с человеком предписывалось моментально составить максимально полное о нем впечатление. Не путем логического анализа — нет, ни в коем случае. Это должен быть некий целостный образ — то, как он выглядит, как движется, взаимодействует с окружением, как пахнет, как дышит, какое вызывает интуитивное ощущение — настораживает, или кажется смутно знакомым, или сливается с окружением, стараясь стать незаметным, и многое, многое другое. Тот, кто умеет мгновенно составлять такой вот целостный образ, не нуждается ни в каких куколках вуду и обрезках ногтей. Стоит только вызвать в памяти этот образ, привести себя в нужное состояние духа, и подать команду...

В мистической литературе ему встречалось понятие «снять слепок ауры», и здесь, похоже, речь шла о том же. Только без пафосных красотостей — коротко, сухо, прагматично. Для служебного пользования. Сколько, интересно, сейчас таких вот агентов по всему миру сжимают руку в кулак, разгоняя чье-то сердцебиение до предела выносливости?

Закипевший чайник звонко щелкнул. Саша ненадолго очнулся от раздумий, вытащил чашку, вытряхнул из пачки горку рассыпного чая, залил кипятком.

Каждый из тех, с кем он сегодня виделся, вполне может быть оператором, способным в любой момент убить его. Или подавить его волю. Тимофей, сам Игорь, Аркадий — глава «силовиков», даже противный Феликс... Оля? Может быть, хотя тут с головой хватит и того факта, что девушка способна вторгнуться в его сон, в самую сокровенную сферу жизни каждого человека...

А компания геологов, в конце концов? Ладно, Фарид, показавшийся ему лидером — под замком, но откуда они знают, на что способны остальные?

Рука с кружкой дрогнула, и кипяток ошпарил ладонь. Выругавшись, Саша поставил кружку, и кинулся в ванную — подставить обожженную руку под струю холодной воды.

«Реакции объекта замедляются, нарушается координация движений...»

В груди противно похолодело. А ведь похоже!

Медленно, стараясь дышать ровно и спокойно, Саша сходил на кухню за чашкой и вернулся в комнату. Совпадение? Или его уже «ведут», незаметно подталкивая к гибели? Может, в его подсознании уже бродит разрушительная программа, и под балконом завтра окажется еще одно тело, накрытое белой простыней?

— Отвалите от меня! — прошипел парень сквозь зубы, почему-то покосившись в сторону балкона. — Отвалите!

Лампочка над головой у него глухо тренькнула и, после мгновенной яркой вспышки, погасла. Одновременно погас и свет на кухне.

Саша никогда не считал себя особенно пугливым, но тут он вскрикнул от неожиданности, и, инстинктивно стремясь к источнику света, кинулся на кухню. Там сквозь окно светил янтарно-желтый фонарь, давая хоть какое-то освещение.

— Так, — сказал он вслух, пытаясь себя успокоить. — Пробки. Скачок напряжения. Ничего особенного.

Мобильник был в кармане куртки, куртка — в прихожей, до прихожей — три метра по коридору. Саша преодолел их, стискивая зубы и готовый ко всему.

— Слушаю, — голос у Рогозина был усталый, но вроде бы не сонный. Да и, в конце концов, он сам сказал — звонить в любое время?

— Здравствуйте, — Саша в пару прыжков добрался обратно на кухню, залез с ногами на хлипкий стул, спиной к окну, подозрительно вглядываясь в темноту кухни. — Тут у меня... хрень происходит. Кажется, лампочки сгорели. Или пробки. И на меня кто-то воздействует. Кажется, пытается убить. Хотя я не уверен, но мне...

Он чуть не сказал «страшно», но все-таки вовремя остановил торопливый поток слов. Еще чего не хватало.

— Без паники, — все-таки, голос Игоря, спокойный и собранный, его успокаивал. — Сейчас узнаем.

В трубке ненадолго воцарилась тишина, и Саша крепче прижал ее к уху, невольно стремясь уловить хотя бы тень дыхания собеседника, чтобы удостовериться, что он еще здесь.

— Нет на тебе ничего, успокойся, — сообщил майор через минуту. — А с рукой что?

— А... обжег, — пробормотал Саша. Облегчение нахлынула внезапно, он аж задохнулся и обмяк, и к горлу подступили неожиданные слезы. — Рука дрогнула, тут... пробки... я просто читал ваши документы, и... как-то все это... слишком.

— Ну ничего, ничего, бывает, — Игорь, кажется, почувствовал его состояние, и тон его стал мягким и успокаивающим. — Что-то я действительно тебя слишком загрузил. Сменить всю картину мира за три дня — не так-то просто... Ты как там, справишься? Может, мне приехать?

Саша чуть было не ответил «да». Но представил себе Игоря, как он сидит тут, благоухая дорогим одеколоном, весь такой уверенный в себе... и напротив — зарёванный хлюпик на стуле, посреди грязной кухни, под перегоревшей лампочкой... тьфу. Стало стыдно и неловко. Шеф и так весь день с ним возился, еще не хватало поздним вечером его из дома выдергивать. Да и что ему тут делать? Тоже мне, служба психологической поддержки для юных экстрасенсов...

— Не надо, — Саша понял, что хлопает носом, и торопливо вытер влагу с лица. — Я просто... как-то близко к сердцу все это принял. Ну, знаете... что никто не в безопасности, даже в собственном доме. Даже во сне. В любой момент, кто-то может влезть тебе в голову, и...

— Вот оно что, — Игорь вздохнул. — В этом я тебя отлично понимаю, поверь. Сам когда-то так же трясся. Но, знаешь что? На каждого из нас может свалиться кирпич на улице. Самолет может упасть, машина в аварию попасть. По статистике, от этого гибнет гораздо больше, чем от «черной магии» так называемой. Правда, я проверял. Но ты же не боишься выходить на улицу и ездить в транспорте?

— До сих пор вроде не боялся, — Саша слабо улыбнулся. Он чувствовал, будто от телефонной трубки по щеке разливается приятное тепло. Потом и по спине скользнула волна теплого воздуха, будто легкий ветерок. Точнее, это был даже не воздух... просто ощущение. Ничем не объяснимое ощущение, словно кто-то большой и сильный держит его в объятиях, и гладит медленно и ласково по спине, по волосам.

«А ведь на расстоянии можно не только сердечный приступ спровоцировать» — подумал он вдруг и почувствовал, как запылала щека, то ли от смущения, то ли просто температура резко скакнула от всех этих переживаний.

— Вот и не бойся, — уверенно сказал Игорь. — И потом, ты же далеко не беспомощен. У всех людей от природы хоть какая-то защита, а есть. А у тебя она выше среднего, уж поверь мне. Помнишь, как я приходил тебя «обрабатывать»?

Саша фыркнул. Ну да, он тогда здорово испугался, и, как выяснилось, сам того не знаю, сумел закрыться от воздействий со стороны майора.

— Ага, — сказал он, невольно улыбнувшись.

— Ну вот. Я сегодня, кстати, наблюдал, как ты от Феликса закрываешься, забавно со стороны посмотреть. Знаешь, что тебя спасает? Ты людям не доверяешь, все время ждешь какого-то подвоха. И поэтому замечаешь непроизвольно всякие вербальные и невербальные техники. Тем более, ты о них уже и знаешь кое-что. Тут главное — в паранойю совсем не скатиться.

— Ну почему же... вот вам я доверяю, — это вырвалось у Саши как-то непроизвольно, он даже не успел задуматься, что говорит. — То есть... теперь.

— Это... хорошо, — майор усмехнулся. — Иначе нам сложно было бы работать. Ты же теперь в некотором роде мой ученик. И это, между прочим, означает, что я за тобой присматриваю, так что перестать шарахаться от каждой тени.

Вот это было действительно неожиданно, и Саша даже не нашелся, что ответить. Приятно было такое слышать, чего уж там. И в то же время как-то неловко.

— А... а лампочки? — спросил он, вдруг вспомнив, что его так напугало.

— А лампочки ты, небось, сам и сжег, — ехидно ответил Rogozin. — Так что счет за них конторе предъявить никак не получится, придется самому менять.

— Как это — сам?

— А что происходило перед тем, как они перегорели? Ты испугался, разозлился?

— И то, и другое, — признался Саша, припоминая.

— Ну вот. Приборы нередко не выдерживают напряжения... психической энергии, или чем мы там оперируем.

— А можно мне... — Саша задумался, пытаясь сформулировать мысль поточнее. — Ну, какие-нибудь техники выучить... чтобы самому защищаться от всяких... возможных атак? То есть, я, конечно, благодарен... что вы присматриваете и все такое... но...

— Ну ты молодец, — с одобрением сказал майор. — Я в твои годы глупее был, честное слово. Конечно, можно. Значит, слушай. Пункт первый: привести себя в уравновешенное состояние. Значит, для этого: берем теплое одеяло и заворачиваемся. Потом завариваем чай... — Какой чай? — в полном обалдении переспросил Саша.

— Ромашковый, — невозмутимо ответил его собеседник. — Но можно и сбор какой-нибудь посложнее. Например, душица, мелисса, зверобой...

— Игорь Семенович, вы издеваетесь? — Саша аж со стула соскочил в возмущении, забыв, что пару минут назад боялся даже ноги вытянуть в окружающую темноту. Но тут же растаял, слушая в трубке заразительный смех Rogozina.

— Саша, я совершенно серьезно, — сообщил тот наконец. — Прежде чем практиковать всякую страшную и не очень магию, надо сначала успокоить нервы, и выкинуть из головы постороннюю ерунду, вроде страхов и сомнений. С этим неплохо справляются разные формы медитации. Но травяной чай тоже неплохая штука, между прочим.

— Ну, допустим, — фыркнул Саша, усаживаясь обратно. — А дальше?

— А дальше визуализируй... ну, представь себе любой щит, какой тебе нравится. Светящийся кокон вокруг себя, руническую вязь или ангела с сияющим мечом — что в голову взбредет. Главное, сосредоточиться на этом образе. И не сомневаться, что получится.

— Так просто? — недоверчиво переспросил парень.

— Ну, можешь еще вокруг себя круг очертить, или пентаграмму, — в голосе Игоря едва заметно слышалась улыбка. — Всё внешнее — исключительно для самовнушения. Вся работа происходит у тебя в голове.

Саша уселся поудобнее и попробовал представить вокруг себя светящийся кокон. Почему-то в воображении он сразу же окрасил его в золотой и серебряный цвета. И почти сразу с запоздалым сожалением ощутил, как исчезло ощущение теплого прикосновения, к которому он уже успел привыкнуть.

— Ну как, работает? — поинтересовался Rogozin. — Вот и хорошо. Теперь сможешь спать спокойно? Лампочки только поменяй.

— За лампочками в магазин уже поздно, — вздохнул Саша. — Вы извините, что я отвлекаю тут на ночь глядя...

— Да ладно тебе, ничего ты меня не отвлекаешь. Я и сам рад поболтать. Я же трепло то еще, ты не заметил разве?

Услышав такое определение, Саша невольно захихикал. По полу перед ним скользнуло что-то темное, и он испуганно вздрогнул, но тут же сообразил — это просто тень от деревьев за окном. Ветер, деревья и фонарь. Тонкая грань между обостренной интуицией и мнительностью.

— А скажите, Игорь Семенович, — Саша понял, что прощаться с ним пока не спешат, и решил задать вопрос, — ведь наверняка есть... операторы сильнее вас? Ну, например, за границей... Вы не боитесь?

— Всегда есть кто-то выше, сильнее, — задумчиво ответил майор, кажется, несколько не удивившись вопросу. — И, как правило, с таинственными и непостижимыми мотивами и планами. Что поделать? Я научился не бояться. Знаешь, когда-то, еще до твоего рождения, вся страна ужасно боялась ядерного удара со стороны США. Всерьез об этом говорили, готовились. Но ничего — жили ведь как-то... любили, детей рожали... Да и почему только за границей? Никогда не стоит недооценивать всякие местные этнические культы... Там такие шаманы встречаются, что против них отряд спецназа — как дети малые. Вот в Чечне прорывались мы с ребятами в одно ущелье... не поверишь, Саш, неделю пройти не могли. Там ущелья того — километра два. А мы их неделю ползком преодолевали. Читал, может, Стругацких, «Пикник на обочине»? Про Зону и аномалии? Вот нам один местный шаман из вайнахов и устроил... пикничок. В лучших традициях жанра. Пространство, время, все кувырком. Камни с нами разговаривают, призраки являются...

— Что, и в Чечне есть такие... шаманы? — затаив дыхание, переспросил Саша. И подумал, что

если бы номера сотрудников не были защищены от прослушивания — ему недавно Тим про это рассказывал — черта с два он бы услышал эту историю по телефону. Тут явно пахло высокими уровнями секретности.

— По крайней мере... были, — со странным выражением ответил Игорь. — Там же по горам, в мелких селениях, язычество до двадцатых годов прошлого века процветало... синкретизм похлеще, чем у нас, тут и христианство, и ислам, и древние культы, которые еще Кибеле поклонялись. Пока наши в горы не полезли, за боевиками вслед, никто их и не трогал... шаманы-отшельники, мать их Кибела! Нормальный спецназ там чуть не свихнулся, вот и прислали... ненормальный. Нас, то есть. Я же в спецотряде был. Мы до девяносто пятого почти в кавказских операциях не участвовали... другие у нас были цели. Мужики психовали, конечно. Не все понимали, где наш фронт пролегает. Рвались туда... Новости-то доходили.

— Угу... представляю, — невпопад ответил Саша. Удивительно, но шеф снова открывался ему с новой стороны. Вот и в Чечне он был... В спецназе служил. Как-то все это не вязалось с его образом. Хотя, наивно было бы предполагать, что такой человек, как Рогозин, все секреты держит на поверхности. В слове ГРУ какая буква главная? Вот, то-то же.

— А еще на Алтае история была, — словно бы нехотя, через силу продолжил майор. — Полезли мы там с одним товарищем... на один объект. Местные там ошивались, мешали работе, нас послали проверить обстановку... В общем, проникаем мы на базу, а там — пусто. Всё работает, механизмы работают, а людей нет. Крадемся мы по базе, автомат на плече, нервы на пределе... знаешь, это самое страшное, когда ничего не понятно. И вот я в какой-то момент оглядываюсь, а Руслана нет. Ни звука не было, ни один лист не шелохнулся. Просто нет — и все... Я дохожу до командного пункта, а там... а там сидит великий дух Йер-Су, головой небо подпирает, человеческими костями в зубах ковыряется...

— И что... что это было? — замороженно переспросил парень.

— Местные шаманы, — меланхолично ответил Рогозин. — Говорю же, местных нельзя недооценивать... Знаешь, Саша, я только сейчас понял, что это совсем не та сказка, которую стоит тебе на ночь рассказывать для спокойного сна.

— Да мне уже и не страшно, — Саша и сам удивился этому факту, но — этот странный разговор его успокоил. Подумаешь, какие-то геологи... вон, шеф и не с такими сражался, и ничего, выжил, сидит теперь, истории рассказывает... Почему-то Саше явственно представилось, как Игорь сидит в своем кожаном кресле, в небрежной позе, галстук снят, рубашка чуть расстегнута, очки сдвинуты на лоб, одной рукой он прижимает трубку к уху, другой рассеянно что-то перекладывает на столе... хотя, с чего бы ему в такое время быть еще на работе, в своем кабинете? Но картинка была весьма отчетливой...

— Ну вот и славно, тогда ложись спать и не думай о глупостях, — резюмировал Игорь. Они распрощались наконец, и Саша, подсвечивая себе путь телефоном, отправился искать свою кровать в том царстве мрака, в которое подлейшим образом превратилась его квартира.

6.

Он брел среди бесконечных рядов клеток с птицами, с каждым мгновением все отчетливей ощущая абсурдность происходящего. Где он? Зачем? Что это за птицеферма? За решетками бесновались белоснежные бесформенные комки перьев — то ему казалось, что это куры, то — что полярные совы.

«Какой-то тяжелый бредовый сон» — мрачно подумал Саша. «Сон... сон?»

Это было похоже не ослепительную вспышку перед глазами, на внезапный удар под дых. Парень остановился, изумленно оглядываясь. Сон, все происходящее — сон! Поэтому все так изменчиво и необычно. Вот же оно, полноценное осознанное сновидение! И его не выбрасывает в реальность...

«Так» — Саша лихорадочно начал перебирать в голове варианты, что бы такого сделать, пока есть возможность. «Олю найти? Но зачем? Она выследила меня от квартиры Кати... говорила о следах...»

Одной из странных особенностей осознанного сна было то, что мысли осуществлялись прежде, чем Саша успевал их толком обдумать. Так, не успел он подумать о квартире Кати, как уже оказался там. Квартира была пуста, и там было на удивление темно и пыльно, по сравнению с явью. Но кухня оставалась практически такой же. В углу, где когда-то обитала таинственная тварь, виднелись слабые фосфоресцирующие пятна ядовито-зеленого цвета. Через всю кухню наискосок тянулась цепочка таких же пятен поменьше, и продолжалась в коридор.

«Следы!» — с восторгом понял Саша. «Это же следы твари! До сих пор сохранились, ну надо же.»

Он прошел в комнату, оглядывая пол в поисках других следов. «Я ведь могу выследить этих геологов!» — мелькнула в голове шальная мысль. «Вот все удивятся!»

Почему этого до сих пор не сделала Оля, Саша в данный момент не задумывался. Он вообще ни над чем не задумывался, сознанием овладела странная легкость, похожая на опьянение — но без сопутствующего ему обычно отупения. В кои-то веки ему не хотелось ничего планировать и анализировать — хотелось действовать. Казалось, ему сейчас море по колено, и все получится, и все будет просто прекрасно...

Пол в большой комнате был густо заляпан сложным хитросплетением цветных пятен, напоминая полотно сумасшедшего авангардиста. Какие-то пятна светились тускло, какие-то ярко. Саша сразу идентифицировал следы Кати — они были ярко-голубыми, и их было больше всего. Темно-бордовые почему-то напоминали Фарида. А вот черные... Саша отшатнулся, едва коснувшись одного такого — это был след Сони, и куда этот след мог привести — у не было ни малейшего желания выяснять. Следующими его внимание привлекли болотно-зеленого цвета пятна. Почему-то Саше показалось, что этим цветом будто бы замазаны другие пятна идентичной формы. «Вот, пройти по этому следу...но как?» Не раздумывая, Саша шагнул на одно из этих пятен — и его словно затянуло в гигантскую воронку...

... он бежал по коридору, коридор превратился в аллею, аллея сузилась до тропинки, и Саша с изумлением обнаружил себя посреди какого-то леса... или рощи. Да, скорее рощи — на тропинке валялся мусор: сигаретные пачки, банки и прочие следы частого пребывания здесь представителей вида, на каких-то сомнительных основаниях именующего себя «человек разумный».

В какой-то момент его захлестнуло сильное желание сойти с тропы, и он ломанулся сквозь кусты, на удивление резво — ветки его не задевали, даже, кажется, не шевелились, проходя сквозь тело. «Ну да, это же сон» — вспомнил Саша, и снова удивился — оказывается, он уже успел забыть об этом факте.

За ветвями показалась поляна, освещенная светом костра, и парень остановился, почувствовав, что путь окончен. Странная сила, тащившая его сквозь пространство, исчезла, и он вдруг ощутил и землю под ногами, и холод октябрьской ночи — на удивление реалистично.

Осторожно выглянув на поляну, он увидел людей в длинных темных, до пят, балахонах, которые раскладывали на расчищенной у костра площадке куски белой ткани, расписанной непонятными знаками. Поодаль стояло несколько девушек во вполне обычной одежде, среди которых Саша узнал Яну и Лену из компании геологов.

— Ну что, готовы? — спросил чей-то насмешливый голос. Костер вспыхнул нестерпимо ярко, Саша невольно отшатнулся и...

...проснулся, вот только пробуждение это было не из приятных. Он лежал на влажной земле, едва прикрытой палой листвой, в волосах была какая-то труха... Хорошо еще, что он оказался одет и обут, как ни странно.

Саша вскочил на ноги, удивленно озираясь. Это был уже не сон... не сон ведь?

На всякий случай он больно ущипнул себя за руку. Да, Оля уже говорила ему, что способ это дурацкий, но других взамен ведь не показывала...

Судя по всему, он спал в кустах неподалеку от той самой поляны, что видел во сне... По крайней мере, сейчас, при свете едва поднявшегося утреннего солнца, эта поляна смутно напоминала ту, ночную. Идеальный круг из пепла и углей, опоясывавший центр поляны, подтверждал догадку. И то, что лежало в круге — тоже.

Порывшись в карманах, Саша с победным воплем выудил на свет мобильник. Однако, предусмотрительный из него вышел лунатик — ключи на месте, телефон тоже...

— Доброе утро, — вежливо сказал он, едва услышав голос Игоря. — Тут такое дело... я не знаю, где я, и не помню, как здесь оказался, но здесь ночью проходил какой-то ритуал, и... мне кажется, вам стоит на это взглянуть.

Последнее предложение было самым наглым образом скопировано из какого-то детективного фильма... ладно, из доброго десятка детективных фильмов сразу. Саше почему-то показалось, что киношный штамп будет здесь уместен, и несколько сгладит впечатление от идиотского первого предложения. Главное правило сдачи экзаменов — если не уверен в том, что говоришь, говори это максимально уверенным тоном. Авось прокатит.

Глава 3. Часть 0.

0.

17 мая 1995 г.

...Порыв ветра чуть всколыхнул пожелтевшую траву на склоне, и рядовой Северинов вздрагивает, нервно облизывает пересохшие губы и напряженно оглядывает вверенный ему участок. Все тихо. Вот уже, наверное, полчаса, как ничего не происходит. Затишье перед бурей? Томительное ожидание выматывает силы и нервы быстрее, чем марш-бросок в полном боекомплекте. Боекомплект у них, впрочем, в этой вылазке облегченный — всего-то двенадцать килограмм за плечами, вместо тридцати.

Подавив вздох, парень косится через плечо назад, туда, где, привалившись спиной к выцветшему на солнце валуну, старший лейтенант Rogozin вот уже пятнадцать минут кряду рассматривает карту. Как будто он уже не выучил каждый причудливый изгиб горизонталей; как будто каждый из ребят не может с легкостью воспроизвести перед глазами жирную

красную линию, прочерченную на карте — стоит только прикрыть на секунду воспаленные веки; как будто есть какой-то смысл в этой карте, если окружающее пространство медленно, но верно сходит с ума, повинувшись чьей-то злой воле.

Будто почувствовав на себе взгляд, командир поднимает глаза, и солдату кажется на мгновение, будто в его светлых зрачках отражается местное белесое небо.

— Не вижу я его, — говорит он тихо. — Закрывается, падла. А отряд в долину спустился, перегруппируется, что ли. Попробуем по склону пройти, может, не заметят.

Северинов кивает, подтягивает к себе автомат и включает рацию, чтобы связаться с остальными частями взвода, разбросанными по склону — кто за кустами, кто за крупными камнями. Сейчас они застряли на пропешине, которая хорошо просматривается во все стороны — но и сами бойцы вынуждены прятаться. А вот дойдут до «зеленки», до леса — будет легче... и сложнее одновременно.

Убирая рацию, парень замечает краем глаза, как лейтенант прячет карты в карман камуфляжной куртки. Что-то лежит поверх бумаг, темным пятном... ах, вот оно что. Фотография, та самая. Значит, не только на карту смотрел Рогозин, тщетно пытаясь определить своим невероятно развитым чутьем, где засел их главный противник.

Фотографию эту видели все, но никто не решался расспрашивать, или даже просто комментировать странную привычку командира — в спокойные минуты сидеть, подолгу рассматривая потрепанный черно-белый снимок. Игорь сам рассказал однажды — без лишних подробностей, конечно, миссия-то была секретная. И только по напряженной тишине, мгновенно установившейся вокруг, можно было понять, как живо интересовала бойцов эта история.

На снимке был сам Рогозин, молодой и невозможно счастливый, а рядом с ним сдержанно улыбался смуглый парень с топором на плече.

— Служили мы на Алтае, — задумчиво рассказывал командир, глядя в пламя костра, — охраняли там кое-что...

Фотку рассмотрели все, бережно передавая из рук в руки. Никто не проронил ни слова.

— Не вернулся Руслан с того задания, — закончил историю Игорь, все так же глядя отсутствующим взглядом в самое сердце пламени маленького походного костра. — А я вернулся.

И снова бойцам было нечего сказать. А что тут скажешь?

У каждого, кто успел послужить хоть немного, был свой талисман, тайный или явный. И фотография старого боевого товарища — не самый странный предмет из тех, что таскали в нагрудных карманах бойцы элитного отряда «Ящер». Да и не только они... Каждый нуждается в чем-то, что будет придавать силы. Напоминание об ошибках прошлого, что гонит вперед, не давая передохнуть... или надежда на будущее... или слепая вера. Видели они, как один полковник, укрывшись за грязной машиной танка, украдкой молится Богородице, и тут же, без пауз — Аллаху... «А что», оправдывался он, обнаружив, что его заметили, «здесь же его территория!»

Всякие места они повидали, за время службы в спецотряде, но Чечня была действительно адом. Здесь были места, где каждый камень пропах смертью, причем — смертью жестокой,

нелепой, и... бессмысленной. И небо здесь было чужое...

«И трава желтая. Почему она такая желтая? Ведь должна быть зеленая. Когда успела выгореть? Май-месяц на дворе, весна...» — думает Северинов, короткими перебежками продвигаясь по склону.

«Ну почему здесь такое небо блеклое, ведь в горах все краски ярче и чище, сколько раз видел, почему оно такое?» — думает Игорь, цепляясь рукой за очередной валун, чтобы не соскользнуть на крутом участке склона.

Справа — пропасть, а за ней, на противоположной стороне ущелья, в желтоватой дымке вьется белая лента дороги. Одна из немногих дорог, что ведут в горную часть республики. И поэтому жизненно необходимо — занять это ущелье.

На равнинной части все до странного тихо, Грозный — наш... Боевики ушли в горы, и кто же знал, что здесь они найдут поддержку? Язычники-вайнахи, рассеянные по крохотным, не отмеченным на картах селениям... чем запугали их моджахеды, как склонили на свою сторону? До сих пор политические и социальные потрясения их не касались, да и редкому этнографу еще в начале века попадались на глаза остатки «носителей древней хуррито—урартской культуры»... мать их Кибела!

Остатки взвода десантников, попытавшихся взять стратегически важную высоту, вывозили на вертолете. Поседевший за одну ночь сержант бессвязно лепетал что-то о призраках, духах гор и говорящих камнях. Его товарищ, прежде чем впасть в кататонию, успел выкрикнуть что-то о великом шамане, который не допустит вторжения в свои горы... И тогда высшее командование решилось на отчаянный шаг — отозвав все прочие части, в ущелье отправили «ящеров».

Занять высоту — это было, на самом деле, вспомогательное задание. Главная цель — уничтожить источник «психофизической угрозы». Шамана или шаманов, что сводят с ума неподготовленных солдат. Обезвредить их — и следом тут же придет «обычный» спецназ, подключится артиллерия... Но, поскольку где их искать, никто понятия не имел — бойцы получили задание выдвигаться на штурм высоты, в надежде, что противник сам себя обнаружит.

И противник не разочаровал.

Едва улетел доставивший их вертолет, и взвод пересек реку на дне ущелья, началось то, что несчастный сержант-десантник метко характеризовал как «светопреставление». Земля задрожала под ногами, зашевелились камни, поползли из-под камней невиданной расцветки змеи. Сознание бойцов помутилось, словно под хорошей дозой какого-нибудь психоделика. К счастью, у парней за плечами был изрядный опыт по управлению своим сознанием... да, в том числе и под дозой психоделиков. Применяя все мыслимые и немыслимые техники, балансируя на грани сна и транса, тщательно отделяя реальность от наведенных галлюцинаций, взвод двинулся к цели. И только благодаря предельной концентрации они сумели заметить мелькающие среди деревьев темные куртки боевиков. Они отстреливались бы до вечера, или, скорее, до окончания запаса патронов — но на случай огневого контакта у «ящеров» тоже была своя тактика. Рассыпавшись широкой сетью, бойцы, применяя технику «тени», заходили в тыл и резали стрелков по одному, в то время как центральная часть группы яростным шквальным огнем удерживала тех на месте, не позволяя продвинуться. А за их спинами, в укрытии, двое бойцов — пара сенс-оператор — «прощупывали» местность, стараясь определить количество солдат противника, обнаружить скрывшихся где-нибудь поблизости снайперов, вычислить местонахождение командиров, и так далее...

Они прорвались, но это было только начало. За волнами психофизических атак шли атаки огневые, противник менял тактику, искал слабые места... «Ящеры» продвигались вперед, но ужасающе медленно — шли уже пятые сутки блужданий по ущелью, а высота все оставалась незахваченной — не говоря уже об основной цели. Сенсы отряда столкнулись с неожиданным препятствием — они не могли определить местонахождение шамана, как ни старались. Все, что им удавалось — отслеживать перемещения боевиков. Кажется, только благодаря этому они до сих пор не несли потерь...

Однако, были и периоды затишья. Это вселяло надежду, что шаман, по крайней мере, один. И ему тоже надо иногда спать. А еще, это давало возможность поспать и самим спецназовцам — по очереди, конечно. Сон, впрочем, всем снился один и тот же — что они в виде огромной птицы парят над ущельем. И это нервировало не хуже всего остального.

«Как же они достали», думает Игорь, вытирая рукавом пот со лба. «Как же все это нелепо и бессмысленно. Все повторяется, точно по спирали. Почему мы воюем с какими-то шаманами? Нет, мы воюем с моджахедами... хотя тоже... почему? Все эти политические игры... десантники — пушечное мясо, а мы — кто? Элитное мясо... деликатесные консервы, ха. По два рубля за банку.»

«А ведь недалеко осталось» — думает рядовой Северинов и с робкой, едва проснувшейся надеждой косится в сторону вершины.

И тут их накрывает туманом.

Так бывает в горах — облака спускаются ниже, цепляются за вершины и накрывают склон. Здесь целая гряда вершин, высота — полтора километра будет, пожалуй. Вот только этот туман ничуть не похож на облако. Он липкий и холодный, и словно бы слабо светится изнутри. Туманная стена с угрожающей скоростью надвигается на них из долины. Игорь успеваешь окинуть взглядом склон, отметив — вон ребята как рассредоточились, молодцы — и тут же оказывается с головой в молочной влажной мгле.

— Это еще что? — растерянно произносит где-то рядом молодой голос. — Облако?

Из тумана медленно, словно проявляясь на фотокарточке, опущенной в специальный раствор, появляется Северинов. Увидев командира, он радостно улыбается до ушей.

— Я уж думал, потерял вас, — сообщает он с поистине детской непосредственностью.

— Может, и облако, — тихо говорит Rogozin, оглядываясь. — Только не нравится оно мне. Ты не дергайся, переждем.

— Так вроде ж понятно, куда идти, товарищ командир! — парень недоуменно смотрит на него, показывая куда-то в туман. Игорь устало вздыхает.

— Вот именно, что «вроде». Вчера вон и без всякого тумана кругами ходили. Переждем.

— А если он не пройдет? — недоверчиво спрашивает молодой боец. Ох уж эти новички, вечно им нейдет. Игорь еще и третий десяток не разменял, но чувствует себя временами глубоким стариком, уставшим от всего на свете.

— Тогда будем действовать по обстоятельствам, как завещал товарищ Ёжик.

— Ёжик это который? — Северинов усаживается рядом на траву, смотрит с интересом — ждет,

наверное, очередной истории о былых свершениях «ящеров» и ветеранах отряда.

— Это который в тумане, — отвечает Rogozin, тоже устраиваясь на влажной траве, и с наслаждением вытягивая ноги. Ужасно хочется спать — интересно, не действие ли это тумана?

— Ну, помнишь, бродил один такой... «Пусть река сама несет меня...» — Игорь успешно имитирует озвучку известного советского мультфильма, и Северинов радостно хохочет, оценив наконец цитату.

— Тихо ты, не демаскируй, — морщится командир. — Сдается мне, есть кто-то в этом тумане. Не просто так же его на нас напустили.

Но время идет, минуты тают в слабо фосфоресцирующей дымке вокруг, и ничего не происходит. Может, враг выбрал новую тактику — изматывать ожиданием? Но — откуда среди диких, темных шаманов такие хорошие психологи, способные просчитать их реакцию?

Северинов, поднявшись на ноги, начинает разминаться, приседать, махать руками. «Вот не сидится парню, а» — беззлобно думает Игорь. «И откуда только силы берутся». Сам он безуспешно пытается «раскинуть сеть» — простейший из поисковых приемов любого хорошего оператора: накрыть окружающее пространство воображаемой сетью, почувствовать все живые объекты в округе... живые или же обладающие обменом энергии — сильные амулеты тоже таким образом ощущаются. Проверить бы хотя бы — все бойцы сидят на месте, или кого-то понесло блуждать в тумане? Кричать — значит, привлекать ненужное внимание вероятного противника... А экстрасенсорные методы почему-то не работают, не раскидывается «сеть», увязает в тумане — уж не для того ли он и был нужен? Остается только надеяться на разумность ребят, и следование инструкциям... мда, далеко бы они были, если б всегда следовали инструкциям, впрочем. В спецотрядах всегда была чуть более вольная атмосфера, чуть больше приветствовалось неординарное мышление, чем в том же десанте...

Он не сразу замечает, что рядовой куда-то исчез. Вскочив на ноги, Игорь растерянно озирается по сторонам. Парень обнаруживается в двух шагах — едва заметный в густом тумане силуэт.

— Эй... Миша! — неподвижность парня настораживает, но, по крайней мере, он не лежит без сознания. Шагнув к нему, Rogozin решительно трясет его за плечо, но реакции не наблюдается. С застывшей на губах улыбкой и совершенно стеклянными глазами парень делает шаг вперед, протягивая руки к кому-то невидимому. И еще один шаг.

«Там же обрыв, он же идет к обрыву» — проносится в голове у Игоря, и он, не раздумывая, сбивает парня с ног, наваливается сверху, встряхивает за плечи.

— Миша, очнись, твою мать! Нет там никого!

Глаза парня медленно принимают осмысленное выражение, и Игорь, выдохнув облегченно, отпускает его.

— Ты к обрыву шел, ты в курсе? — Rogozin опускается на траву рядом с лежащим парнем, смотрит на него внимательно. Северинов еще несколько очумело трясет башкой.

— Мама там... приходила, — говорит он наконец. — Позвала... я пошел. Она умерла же... когда мне двенадцать было. Почему-то, когда ее увидел... никаких мыслей в голове. Только радость... пошел к ней, и все.

Командир кивает, рассеянно глядя в туман. Он, кажется, начинает понимать, в чем смысл этой атаки. Глубокий, психологический смысл. Потому что он сам уже видит в тумане какой-то очень знакомый силуэт... в неуместной, нелепой и тогда, и сейчас белой рубашке... закосим под двух местных, переоденемся в цивильное, так ты говорил, Руслан?

— Миша, — говорит он еле слышно, на выдохе, — ты видишь что-нибудь сейчас?

Парень мотает головой и тогда Рогозин, стряхнув оцепенение, вскакивает на ноги и разворачивается спиной к своему персональному наваждению — на всякий случай.

— Взвод!! — орет он, вкладывая в этот крик всю силу, физическую и в особенности — нефизическую. — Слушай мою команду! Всем сидеть на жопе! За призраками не ходить! Сидеть на жопе и не рыпаться! Это приказ!

Он чувствует, как его воля, сконцентрированная в одном мощном импульсе, испарывает туман, точно раскаленный на огне багровый клинок. И вдруг в одночасье возвращаются звуки, украденные туманом — щебет птиц, шорох ветра, журчание реки на дне ущелья. И смех. Радостный смех полутора десятков здоровых мужских глоток.

Туман рассыпается на рваные клочья, оседает на траву мутными белыми каплями. И в стремительно очищающемся от мутной дряни воздухе раздается зычное:

— Есть сидеть на жопе, товарищ командир!

Глядя, как по склону спускаются его бойцы, Игорь не выдерживает и начинает смеяться тоже. Потому что они, не забывая оглядываться по сторонам и отточенными движениями перехватывать автомат, съезжают по склону на задницах, ловко перебирая при том ногами.

Игорь чувствует, что его просто трясет от смеха, и опускается на землю. Это разрядка, долгожданная разрядка, опасно близкая к истерике, но, черт возьми, как же хорошо после всего этого постоянного напряжения, сесть и посмеяться вдоволь над бредовостью всего происходящего. Ну хоть ненадолго.

— Отставить... жопы... говорит он и сгибается пополам от нового приступа смеха. Кто-то хлопает его по плечу — это Аркаша, ближайший его друг из отряда, первым добрался до командира. Он смотрит с одобрением, и сам то ли широко улыбается, то ли хищно скалится, и говорит:

— Очень вовремя это было. Я уж сам чуть было не пошел куда глаза глядят... Галю мне показывали, паскуды. Я ж почти поверил. Но тут ты как заорешь...

Игорь, вытерев лицо влажной от росы ладонью, пересчитывает своих бойцов. Все на месте. «Живые... родные мои ребята» — думает он. И еще думает о том, что если они выберутся с этого задания, то в неформальных хрониках отряда оно наверняка будет значиться как операция «Жопа». Уж он-то знает законы формирования воинского фольклора...

А рядовой Северинов, глядя с обожанием на своего командира, думает странное. Например, он почему-то вновь и вновь прокручивает в памяти тот момент, когда очнулся, лежа на траве, а Игорь железной хваткой стискивал его плечи. Почему-то ему нравится думать о том, какие у старшего лейтенанта сильные руки. Нервно сглатывая, Северинов клянется себе, вернувшись с задания, вдвое увеличить объем ежедневных упражнений с гантелями. Чтобы сил не оставалось — думать всякие глупости.

Глава 3. Часть 1.

1.

— По тропинке до конца пройди, — сказал голос в трубке, и Саша побежал к указанному месту, громко шурша палой листвой. Бежал он исключительно для того, чтобы согреться — ранним октябрьским утром температура уже не слишком подходит для прогулок в легкой куртке.

Тропинка выходила на довольно приличную асфальтированную дорогу, за которой виднелась гладкая темно-синяя стена. «Стадион» — понял Саша. «До дома всего-то час или два ходьбы быстрым шагом... но как же я сюда ночью приперся?»

Игорь уже выбрался из машины. Окинул парня быстрым взглядом — мол, руки-ноги на месте, ну и хорошо.

— Далеко отсюда твоя поляна? На машине не проехать, конечно?

— Не проехать, — мотнул головой Саша. — Пойдемте, я покажу.

Ему очень хотелось забраться в теплый салон автомобиля, свернуться в комочек и не шевелиться. Но, кажется, Рогозину не пришло в голову, что парень мог замерзнуть, или он этот факт проигнорировал, охваченный азартом расследования. Так или иначе, они резво двинули обратно по тропинке.

«Ну и правильно» — думал Саша, шагая вслед за начальником, «ничего, понимаешь, со мной церемониться, я же какой-никакой, а работник спецслужб, а не кисейная барышня, верно? А то устроили вчера по телефону сопли карамельные... ромашковый чай, тьфу...»

Сам майор предусмотрительно надел теплый свитер и джинсы с кроссовками, что, между прочим, моментально сделало его моложе еще на несколько лет — по крайней мере, Саша неизвестно зачем отметил, что так гораздо лучше. Ну конечно, в своем извечном костюме шеф бы довольно глупо смотрелся здесь, в роще...

Кстати, о роще.

— А что, так любого можно отследить, по спутнику? — спросил он с сомнением.

— Любого, кто носит в кармане мобильник, — не оборачиваясь, отозвался Рогозин. Он шел почти бесшумно, ступая каким-то особым образом — Саша уже некоторое время присматривался, но так и не понял, как это у него получается.

— Это же вроде нарушение какой-то там статьи Конституции, не?

— А ты что, против? — с усмешкой спросил Игорь. — Ты ведь мог и не в роще за стадионом оказаться. А, например, в лесополосе в сотне километров отсюда. Упакованный в пять черных пластиковых мешков для мусора. По частям, я имею в виду.

— Брр. — Саша передернул плечами. — Игорь Семенович, вы что на ночь читаете? Стивена Кинга?

— Нет, сводки происшествий по Советскому району, — кротко ответил майор, и Саша на всякий случай заткнулся.

На поляне все было по-прежнему. Выжженный круг, и то, что в круге.

Игорь осторожно приблизился, присел на корточки.

— Черная кошка? — сказал он почти с возмущением. — Ну, знаете ли...

— Да? А мне показалось, собака. Откуда в маленькой кошке столько внутренностей? — Саша очень постарался, чтобы его голос звучал небрежно. Подумаешь, что нам выпотрошенная кошка, после человеческих трупов-то.

Майор бросил на него выразительный взгляд, но от язвительных комментариев воздержался. Вместо этого вынул из кармана куртки прозрачные медицинские перчатки и стал их натягивать.

— Кошка. Ну что за глупость, что за пошлость! — проворчал он. — Это так банально, что даже не смешно. Знаешь, как называют сатанисты, те, что поадекватней, своих юных неразумных собратьев? «Кошкодавы»... Понятно, почему?

— А что, бывают... адекватные сатанисты? — поинтересовался Саша, рассматривая верхушки деревьев. На «инсталляцию» в круге он уже насмотрелся.

— Чего только не бывает в нашей жизни... — туманно ответил Rogozin. — Если я скажу тебе, что я — Посвященный Черный Колдун второго ранга Церкви Алой Печати, ты ж не будешь бояться ко мне в машину садиться, я надеюсь?

И, полюбовавшись вдоволь обалделым выражением лица парня, добавил с усмешкой:

— В свое время пришлось соглашаться на заманчивое предложение, работая под прикрытием. А иначе мне бы голову отрезали.

— А. — сказал Саша. — Это у вас называется «адекватные». Понял.

В останках бедного животного майор копать не стал, только сгреб их в кучу и завернул в длинный кусок целлофана.

— Детишки, — сказал он с непередаваемым презрением в голосе. — Никто их не учит, что ритуал нужно всегда закрывать. Завершать. И чистить за собой территорию. А потом желтая пресса вопит — аномальные зоны! А это детишки поигрались, и за собой не убрали. Ты здесь чувствуешь что-нибудь?

Саша честно попытался сосредоточиться на ощущениях.

— Ну... неприятно тут. Как-то... пусто. И холодно.

Игорь кивнул утвердительно, и, убрав перчатки в пакет, вынул из кармана что-то вроде металлической капли на ниточке.

«Маятник, похоже» — решил Саша, глядя на то, как покачивается в руке майора блестящий отвес. «Инструмент для биолокации. Круто!»

— Такая вот штука, костыль для тех, из кого сенс не очень-то, — объяснил Игорь, обходя поляну по периметру. Там, где маятник замирал, он носком кроссовка чертил на земле полосу, отмечая границы некоей территории.

— Животное использовали по назначению, энергию получили. А что в месте совершения подобного действия завихрения образуются, не учли. Или, возможно, им просто пофигу. Как и

на то, что кошка тут бродит до сих пор.

— В смысле? — вот тут Саше впервые за утро стало по-настоящему жутко.

— В смысле, остатки ее энергетической матрицы. Ну, призрак. Естественное течение энергетических потоков здесь теперь на некоторое время нарушено. Природа будет восстанавливаться, конечно, залечивать рану. Поэтому сюда стекается энергия... ну, как вода в ложбину, в яму. Из нас, между прочим, тоже вытекает, так что ты правильно делаешь, что подальше от круга стоишь. А вот кису нашу эта энергия подпитывает... так что, если ее не развоплотить, будет в роце одним неприятным духом больше. Будет спортсменов пугать и бабушек всяких гуляющих. Ничего смертельного, конечно, но лучше бы с ней разобраться. Так что, сбегаешь в машину за лопатой? В багажнике лежит.

И, не прекращая своего занятия, свободной рукой он ловко кинул парню ключи.

«Конечно, сбегаю», — подумал Саша язвительно, «хоть согреюсь заодно».

Вернувшись, он застал Игоря сидящим на пеньке на краю поляны. Он был неподвижен, дышал глубоко и размеренно, и смотрел перед собой. Саша на всякий случай остался на тропинке, опираясь на древко лопаты. Через минуту неожиданный порыв ветра пронесся мимо него, не всколыхнув, впрочем, ни листочка на окружающих деревьях, и Rogozin встал с пеньки, оглядываясь по сторонам.

— Вот и все, — сообщил он. — Давай-ка ее закопаем где-нибудь в сторонке.

— Где-то тут я и валялся, — сказал Саша, раздвигая колючий кустарник. Земля, покрытая влажной листвой, еще хранила следы пребывания здесь сладко дрыхнувшего тела. Нашел он место для сна, конечно.

Копать он вызвался сам, прикинув, что это тоже двигательная активность, по идее, разогревающая мышцы. «А, какая разница уже, все равно простужусь» — пессимистично подумал парень, разгребая листву.

— Когда же это начнут в школах проходить, — неожиданно печально сказал майор, глядя перед собой. — Сто лет как все известно, закономерности выведены. Да, нет единой теории, зато практики — хоть завались. Это же на уроках ОБЖ преподавать надо. Как ритуалы закрывать, блин... Человечество, мать его, эволюционирует. Откуда столько детишек, молодежи со способностями? Пятьдесят лет назад такого не было. Их надо учить, организовывать. А то организуют... без нас. Желающие есть, как видишь. В СССР еще хоть как-то отслеживали, в армии, по крайней мере... Сейчас все на самотек. Туману напустили — хотели дезинформировать вероятного противника... дезинформировали в итоге собственное население. Кто нам теперь поверит? Идиотизм... А правду говорить не хотят. Далекое мы зайдем с такой политикой. Это как если бы инквизиция, сжигая всяких Галилеев, потихоньку строила космические корабли, продолжая убеждать население, что Земля плоская и никуда не вертится.

— Галилея, вроде, не сожгли, — сказал Саша, выпрямляясь. — Сожгли Джордано Бруно. Яма пойдет? Вроде глубоко.

— Отлично, — оценил проделанную работу Игорь, и спихнул в яму полиэтиленовый сверток. — А теперь давай лопату, я закопаю. А ты — брысь в машину. Замерзнешь же.

— Я замерз уже час назад, — ответил Саша, пряча довольную улыбку за скептической

усмешкой.

— Тогда это было полезное для организма закаливание, — невозмутимо ответил Рогозин. — А сейчас ты взмок от физической нагрузки, и реально можешь простудиться. Так что, вперед! То есть, назад. Брысь, короче.

«Я вам не призрак кошки, чтоб изгонять меня словом «брысь»», — думал Саша, уютно устраиваясь на сиденье. «И почему, стоит этому невозможному типу проявить хоть немного человечности, я расплываюсь, как... как не знаю, что? И действительно, почему я от всех людей подсознательно ожидаю гадостей?»

Он задремал, откинувшись на спинку кресла, и проснулся только когда загудел мотор, и машина мягко тронулась с места. Кажется, среди спецназовских навыков майора была и способность бесшумно закрывать дверцы автомобиля. Вот уж действительно искусство, достойное японских ниндзя.

Саша пошевелился и с удивлением обнаружил, что укутан теплым темно-синим пледом. Ну полный аллес, как сказала бы одна его давняя подруга.

«Сейчас бы чаю горячего... блин, может, у него и чай найдется?» — подумал Саша, покосившись на сидящего рядом шефа. «Ну блин, если у него и чай есть, я просто... ну я не знаю... да я жениться на нем, готов, блин. Или замуж выйти. Потому что на роль доминирующего самца Игорь Семеныч, как ни крути, больше подходит. Господи, ну что за мысли в голове с утра пораньше...»

— Кстати, — сказал Рогозин, мельком глянув на него, — на заднем сиденье термос валяется, с чаем. Я подумал, лишним не будет.

— Скажите честно, вы точно мысли не читаете? — подозрительно прищурившись, спросил Саша.

— Точно. Просто желания любого нормального существа, которому ранним утром приходится заниматься сомнительной ерундой в холодном лесу, довольно предсказуемы. Тебя домой, как я понимаю? До занятий еще полчаса, успеешь позавтракать, или хотя б переодеться...

— Да... наверное, — ответил Саша, с нежностью глядя на блестящий стальной термос. В университет он уже с нехарактерным для себя легкомыслием решил сегодня не идти. Разве «занятия сомнительной ерундой в холодном лесу» — недостаточно уважительная для того причина?

Но, кажется, его временами совершенно невыносимый шеф думал иначе. По крайней мере, он уверенно ввалился в квартиру вслед за Сашей.

— Подкину тебя в универ, тогда точно не опоздаешь, — сообщил он, и, пройдя в комнату, уселся на диван. Диван жалобно скрипнул — у этого предмета мебели был довольно дурной характер.

Пожав плечами, Саша направился в душ. Стоя под струями воды, он честно пытался придумать какую-нибудь подходящую «отмазку», но ничего в голову не шло. Он и сам не был сторонником прогулов. Но сейчас в универ настолько не хотелось... Симулировать, что ли, начинающуюся простуду? Да не... с ним это не прокатит.

Выбравшись из душа, он поспешно натянул свежие джинсы и футболку, пусть та и липла

неприятно к влажному телу. Мысль о том, чтобы выйти к Игорю в одном полотенце, почему-то заставила его залиться краской. Хотя, казалось бы, чего стесняться? Будь это кто-то из его однокурсников, например...

— Я вообще-то, думал, может, мне пропустить сегодня универ? — нерешительно начал он и удивленно повел головой, обнаружив, что на диване Игоря нет. Тот сидел теперь на стуле, точь-в-точь как в первый раз, когда заявился к Саше с участковым для «беседы»...

«Надо было тогда все-таки в окно сигануть» — мысленно усмехаясь, подумал Саша.

— Как ты спишь на этом монстре? — спросил Rogozin, неприязненно покосившись на диван.
— Он же разваливается.

— Да нормально, — улыбнулся Саша, догадываясь, что произошло. Не одному из его гостей приходилось уже с проклятиями вскакивать с дивана, у которого внезапно подворачивалась ножка.

— Это чудовище пыталось меня убить, — сообщил ему Игорь, подтверждая его предположение. — И если бы не вся моя спецназовская выучка...

Вот как с ним после этого серьезно разговаривать? Подавившись смехом, Саша и забыл уже, с чего начал.

— А учебу пропускать не стоит, — невозмутимо продолжил майор. — Мне и так совестно тебя с занятий выдергивать, а приходится ведь. Ты, судя по оценкам, на красный диплом идешь? Вот и иди.

«До угла, налево, и не сворачивая» — мысленно продолжил Саша и вздохнул.

— Профессию получать надо, — продолжал разглагольствовать Rogozin, развалившись на стуле, — а то мало ли как жизнь повернется.. Да и нам психологи квалифицированные не помешают... а еще лучше — психиатры...

— Игорь Семенович, а у вас дети есть? — сам не зная почему, выпалил внезапно Саша. Шеф посмотрел на него с интересом.

— Это в смысле, «иди докапывайся до кого-нибудь другого»? — поинтересовался он все так же невозмутимо. — Нету, Саш, нету. Так что, придется тебе терпеть проявления моих неумных родительских инстинктов.

— Я... не в этом смысле, — Саша смутился, потому что, кажется, примерно это он и имел в виду.

— Собирай вещи, и поехали, — улыбнулся Rogozin, показывая, что нисколько не обиделся. — Заодно по пути расскажешь мне, что же там ночью произошло. И, кстати, отчет не забудь написать. Помнишь, я вчера тебе бланк давал?

— Помню, — Саша фыркнул, припоминая содержание листка. — А что мне писать в графе «интенсивность переживаний во сне», если я в итоге наяву в лесу оказался?

— Пиши «крайне высокая», — пожал плечами Игорь, намеренно не замечая иронии.

— Вы про это говорили, когда предупреждали о «странных эффектах» после инициации? —

тихо спросил Саша.

— В общих чертах — да. Но такого, конечно, я не ожидал... Ты молодец, Саша. Правда.

«И почему» — думал Саша, спускаясь по лестнице, «стоит этому невозможному типу меня похвалить, как я... а, блин, проехали».

Глава 3. Часть 2.

Английский язык Саша любил. Когда-то, в школе. В университете же он понял, как сильно порой восприятие предмета зависит от личности преподавателя. Ему приходилось прикладывать все усилия, чтобы продолжать учить предмет, который вел Максим Геннадьевич по прозвищу Крыс. Студенты просто так прозвища не дают, и предыдущие поколения психологов, осчастливившие преподавателя подобным имечком, зрили, как говорится, в корень. Было в нем что-то отталкивающее, противное и агрессивное одновременно — точь-в-точь как в помойной крысе. Хотя, грызуны бывают и приятные, белые и пушистые... пока сидят в клетке. А этот Крыс сидел за преподавательским столом и неприятно дергал своим мелким подвижным лицом, когда кто-то делал ошибки в произношении.

— Let's check your home task, — сказал он своим высоким, точно надломленным голосом. Саша вздохнул, доставая тетрадь с домашним заданием. Конечно, делал он его на предыдущей лекции, укрывшись на задней парте — вчера вечером ему не до заданий было. Может, пронесет? Не всех же успеют спросить, надо и новую тему проходить...

Его действительно не спросили — Крыс прицепился к одной из девушек, доведя ее почти до истерики своими резкими вопросами. Он почти всегда так делал, с тем или иным учеником. Как будто ему жизненно важно было кого-то регулярно доводить.

«Характерный признак вампира-агрессора — постоянное провоцирование конфликтных ситуаций», вспомнил вдруг Саша, и замер, пораженный догадкой. А что, если...

Да, «смотреть глазами», выводя экстрасенсорную информацию на зрительный канал восприятия, ему не рекомендовали. Но немножко-то можно? Все равно он не знал пока других способов определить вампира...

В третий раз это оказалось значительно легче сделать — стоило только прищуриться и посмотреть по-настоящему внимательно, не думая ни о чем.

Так и есть! От груди преподавателя тянулся к студентке уже знакомый пульсирующий «шланг» — канал передачи энергии, или «щупальце» вампира. Но не только к ней... Оказывается, Крыс тянул энергию из доброй половины группы, раскинув над аудиторией гибкие дуги щупалец. Чувствительные, эмоциональные девицы, сочувствующие сегодняшней «жертве»... сонные парни, которые тихо ненавидят препода и мечтают о перерыве... И даже к Саше уже ползла, сжимая и разжимая четыре отростка на конце, такая же прозрачная трубка... Эти отростки здорово напоминали присоски паразитического червя из учебника биологии — Саша аж содрогнулся от отвращения и немедленно поставил «щит». Сам он никаких изменений не увидел — а вот щупальце в метре от него дернулось и, сменив направление, поползло к его соседу по парте.

«Ах ты, пакость» — возмутился парень. Понятия не имея, как бороться с вампирами, он стал действовать интуитивно. Просто представил себе, как лазерный луч обрубает щупальца у основания, одно за другим... И — сработало! Щупальца бессильно обвисли, обрубки

конвульсивно задергались, поспешно втягиваясь обратно в тело. Крыс запнулся на полуслове, дыхание его сбилось, лицо ощутимо побледнело. Саша даже испугался — не хватит ли препода инфаркт? Он не ожидал такого явного и сильного эффекта... Но Максим Геннадьевич справился. Более того, он расправил плечи и оглядел аудиторию чуть прищуренными глазами... Саша почувствовал, как взгляд остановился на нем. Физически почувствовал — кожу словно обожгло горячим воздухом.

«Он что, тоже умеет... смотреть, как я?» — панически подумал Саша, прикрываясь тетрадью от этого пронзительного взгляда. Такой вариант он не рассматривал... Как следовало из файлов Тринадцатого отдела, вампиры редко осознают свою природу.

Крыс ничего не сказал, и вообще за все занятие ни разу к Саше не обратился. Тему он рассказал кое-как, и вообще отпустил всех за пять минут до звонка, что было фактически чудом. Саша почти пулей вылетел из аудитории, чувствуя, что его спину опять сверлит этот пристальный жгучий взгляд. Привлек внимание, блин... И что теперь с этим делать?

«Ну, перестанет он вампирить нашу группу с перепугу, и все» — твердо сказал себе Саша, но опасения никуда не делись. А что он еще может, этот хмырь? А вдруг он и на расстоянии может действовать? Что, если он дождетя, пока Саша заснет, станет слаб и беззащитен, и...

Он едва выдержал остальные пары, почти не слушая преподавателей. Рассеянность парня не осталась незамеченной, и на перерыве к нему прицепился Витек, один из приятелей-однокурсников — Саша не торопился называть его другом, считая, что за год общения они не еще не настолько сблизились. Хотя, пожалуй, из однокурсников Витя был ему наиболее симпатичен. Из однокурсников — а однокурсницы не в счет, о них отдельный разговор. Катя, кстати, снова сидела недалеко от него — всего-то через парту. Может, через некоторое время...

— Саня, ты что, влюбился, что ли? — поинтересовался Витек, подсаживаясь к нему как раз в тот момент, когда он буравил задумчивым взглядом спину Кати. Саша вздрогнул от неожиданности, и отметил, что Катя тоже... как-то напряглась. Конечно, она все слышала — Виктор вообще, кажется, тихо говорить не умел.

— С чего ты взял? — так же громко и максимально беспечно ответил он. — Ничего подобного! Какая любовь, когда контрольная на носу? Сам знаешь — первым делом самолеты...

— Да знаю я твои самолеты, — радостно заржал Витек, оценив шутку. — Ты мне зубы не заговаривай, а? Я ж все вижу. Носом клюешь на первой паре, домашку делать перестал...

— Что, Санек бабу завел? — радостно подключился еще один из приятелей Витька. Саша обреченно вздохнул.

— Уймись, а?

— Точно тебе говорю, — подмигнул товарищу Витя. — А сегодня его на учебу на нехилой такой тачке подвезли. Жаль, я не разглядел, кто за рулем был...

«Да уж, жаль, что ты не разглядел» — подумал Саша. «Хоть ерунду бы не молол сейчас».

Он и сам не заметил, что расплывается в совершенно идиотской улыбке, представив себе эту ситуацию. Однако собеседники его все заметили и оценили, и рожи их теперь лучились неприкрытым ехидством.

— Ты посмотри на него, лыбится как кот мартовский! Только вспомнил и расплылся... Ну, мужики, диагноз ясен.

— Да отстаньте вы! — рывкнул на них Саша, сам удивившись своему командному тону. — Устроили допрос, тоже мне психологи будущие! Никакого такта!

На этот выпад парни, радостно ухмыляясь, сообщили ему, что они в первую очередь мужики, а потом уж психологи. И, как мужики, они за Саню очень-очень рады, потому что он, судя по всему, тоже становится самым что ни на есть мужиком, вон уже и орать научился, осталось еще кулаком по столу стучать.

— Мужики, бабы... ужасы колхозной самоидентификации, — проворчал Саша, когда от него наконец отстали, и оглянулся на Катю. Девушка сидела, отвернувшись к окну, и из наспех вставленного в ухо наушника на пол-аудитории неслось что-то, напоминающее Radiohead.

Едва освободившись, Саша отправился в «контору», которую за рекордно короткий срок уже привык считать своей. Игорь сам сказал утром, что сегодня он может не приходить — завтра будет серьезное совещание по текущим делам, вот пусть лучше к нему готовится. Но Саше ужасно захотелось обсудить с ним происшествие с Крысом. Да и вообще... с Тимом поболтать. Оле рассказать про свой первый серьезный опыт в осознанных снах...

Странное дело — Саша редко вписывался в компании, везде оставаясь «белой вороной»... а тут он словно наткнулся на заповедник таких же «белых ворон». Причем, как говорится, совершенно непуганых. Напротив — уверенных в правоте своей позиции. Может, именно поэтому ему впервые захотелось влиться в коллектив, стать своим?

Продемонстрировав пропуск охраннику, Саша поднялся в офис Отдела. Как оказалось — зря. На месте был только Алик, который сообщил ему, что Рогозин внизу, в тренировочном зале. «Минус первый этаж», пояснил он, ненадолго оторвавшись от экрана. Общаться далее он был явно не настроен, так что Саша, пожав плечами, вернулся к лифту.

Минус первый этаж был полностью подвальным, и располагался там исключительно спортзал и душевые к нему — ну, или же Саша просто не нашел ответвлений коридора, ведущих куда-либо еще. Наверное, обычно здесь тренировались «силовики», подразделение, которым руководил Аркадий, судя по всему — спецназовцы с более-менее развитыми способностями сенсов и операторов. Сегодня же здесь было относительно пусто — только в углу нереально огромного спортзала, на импровизированном ринге, сложенном из матов, двигались две фигуры. Саша замер в дверях, не решаясь приблизиться.

Игорь и Аркадий, один в светлом спортивном костюме, второй в камуфляже. Их движения не слишком-то напоминали обычный спарринг — Саша с удивлением заметил, что мужчины не прикасаются друг к другу, и выпады заканчиваются едва ли не в полуметре от тела противника. Вот Аркадий ловко поднырнул вперед, но... словно бы наткнулся на невидимую стену и упал на маты, мгновенным перекатом ушел в сторону и вскочил на ноги, но тут же дернулся, точно от удара невидимой руки... а Игорь действительно поднял руку, но к нему не притрагивался — физически не мог дотянуться. Ну, а нефизически, видимо, мог...

«Техника бесконтактного боя, обалдеть, так это не легенда!» — восхищенно подумал парень, невольно любуясь этим своеобразным «танцем» на ринге, обладавшим неким ломаным и рваным ритмом, но одновременно и почти незаметной внутренней гармонией.

Аркадий был худым и жилистым, и двигался резко, будто стремясь сделать каждое свое движение математически выверенным и совершенным. Его губы растягивались в хищной

ухмылке, когда удар достигал цели. Светлые, практически белые, точно у альбиноса, волосы в жестком свете люминесцентных ламп отливали стальной синевой. Чем-то глава «силовиков» напоминал Саше киборга из какого-то старого фильма.

Игорь был чуть крупнее соперника, но движения его, как ни парадоксально, казались легкими, почти невесомыми. С его губ не сходила легкая, отрешенная улыбка, он словно был где-то далеко отсюда.

Саша не сразу заметил еще более поразительную вещь — у мужчин были завязаны глаза! Белые ленты из плотной ткани плотно охватывали глаза и затылок, не оставляя ни малейшего просвета. Но при этом — противники двигались уверенно, будто чувствуя друг друга какими-то иным, шестым чувством... да так и было, скорее всего.

Повинуясь безотчетному порыву, Саша прищурился, пытаясь увидеть картину боя своим «особым зрением», и чуть не вскрикнул от яркой вспышки света, зажмурившись. Похоже, интенсивность протекающих над рингом процессов была такой, что лучше и не пытаться что-то рассмотреть в этом потоке сил...

И, словно почувствовав его присутствие, мужчины остановились и синхронно повернули к нему головы.

— Кто здесь? — спросил Аркадий. Два бледных, безглазых лица, повернувшись к парню, вдруг показались ему какими-то жуткими, нечеловеческими масками. Он почувствовал, как мелкие волоски на коже встают дыбом, точно от статического электричества. Какие-то неведомые, чуждые существа прощупывали его неизвестными науке органами чувств...

И снова, как уже было однажды на той проклятой лестничной площадке, Сашу накрыло волной паники. Он выскочил в коридор и помчался к лифту, словно за ним гналась целая орда злобных инопланетян. И только уже наверху, отдышавшись, он попытался найти хоть какое-то рациональное объяснение своему страху. Казалось бы, чего пугаться? Это же... всего лишь Рогозин, любитель ромашкового чая и злобных эскапад в сторону правительства в любое время суток... понимающий и надежный начальник, мечта просто...

«Нервы сдают», решительно сказал себе парень, выходя из лифта — прямо навстречу Алику.

— Ты чего убежал-то? — буркнул парень, прижимая к уху каплю наушника — он с кем-то разговаривал по внутренней связи.

— Я... просто... решил не мешать, — выдавил из себя Саша, смутившись.

«Трус и к тому же психопат припадочный. Создаю себе репутацию, вливаюсь в коллектив, называется. Ну прекрасно просто.»

— А хрен его знает, но вид перепуганный, — сообщил Алик в крохотный микрофон. — Ага... понял.

Щелкнув какой-то кнопкой, он перевел взгляд на Сашу.

— Шеф интересуется, кто там шлялся по спортзалу. Он тебя заметил, а рассмотреть не успел. Чего ты там увидел-то страшного?

Саша пожал плечами, пытаясь сохранять независимый вид.

— Просто... еще одно подтверждение того факта, что я работаю с очень необычными людьми. Я пойду, ладно? Завтра увидимся...

«Все в порядке?» — догнала его встревоженная смска, когда Саша уже трясся в вагоне метро. Он улыбнулся, глядя на экран, и минут пять пытался придумать какой-нибудь остроумный ответ шефу. Но в голову, как назло, ничего не лезло, и тогда он честно написал: «Нет. Но жить с этим, думаю, можно :)».

Глава 3. Часть 3.

— Привет, детишки! Чего нового?

Саша повернулся на шум — и через секунду во все глаза таращился на стоящую в дверях офиса особу. Он-то, в принципе, уже понял, что Тринадцатый отдел имеет дело с весьма эксцентричными личностями... Но почему, черт возьми, все они предпочитают демонстрировать это столь ярко? Вот эта дама, например... или следовало бы сказать «девица»? Саша затруднялся определить ее возраст — мешало мельтешение перед глазами пятен кислотной расцветки, которые равномерно покрывали ее не по сезону легкое и короткое платье. Образ довершали тяжелые ботинки, короткие волосы ярко-синего цвета и серьги в виде... бегемотов? Нет, серьезно? Бегемотов?

Иногда правило «будь внимателен к деталям» может привести к серьезной психологической травме, честное слово. Особенно если тебя окружают подобные личности.

— Здравствуйте, Алиса Геннадьевна, — вежливо сказала Оля, и парни тоже выдали нестройным хором радостное «Здрате!», из чего Саша с некоторым оторопением заключил, что дама здесь, возможно, далеко не случайная гостья.

— Как у вас прохладно, просто прелесть! Знали бы вы, какая духота в этом сраном Гонконге, — провозгласила странная особа и небрежно плюхнулась на ближайший свободный стул. Обвела комнату взглядом не в меру ярко подведенных глаз и, прищурившись, посмотрела на Сашу.

— А ты что за зверь? — спросила она дружелюбно, но парень не сразу нашелся, что ответить.

— Это Саша, наш новый эксперт, — представил его Тим. — Шеф его недавно завербовал.

— О! — дама вздернула бровь, и лицо ее приобрело крайне ехидное выражение. — Наш Пидар Семенович наконец-то стал обращать внимание на симпатичных мальчиков? Давно пора...

Парни дружно заржали, у Алика под столом что-то грохнуло, а Оля, фыркнув, подавилась кофе. Только Саша растерянно смотрел на Алису, не зная, как и реагировать. Эта бесцеремонная особа ему уже активно не нравилась. Что еще за шутки дурацкие?

— Это что за шум? — спросил Рогозин, выглядывая из кабинета. — О, Алиса, привет. Я-то надеялся, что тут всего лишь ядерная война началась, а это ты...

— Игорёк! — радостно и одновременно возмущенно завопила Алиса, вскакивая. — Слушай, я за два месяца так и не въехала, чего от нас хотели эти узкоглазые мудаки... Ты, по-моему, просто нашел способ сплавить меня подальше в командировку!

— Если бы у нас был филиал на Марсе, я бы с удовольствием отправил тебя туда, — в тон ей ответил Игорь. — Проходи, хватит тут молодежь развращать. Ребята, еще десять минут и

начнем, подождите.

— Это что такое было? — тихо спросил Саша, когда дверь за ними захлопнулась.

— Не обращай внимания, она всегда такая, — со смешком сказал Тим. — Гонит, как тот ямщик. Но оператор она отличный. Только очень... узкоспециализированный. Они вроде с шефом давно работают. Говорят, что...

— И неправду говорят! — возмущенно перебила его Оля. — Они просто друзья, я точно знаю!

— Ну откуда ты можешь знать «точно»? — поморщился Тим.

— Знаю! — повторила девушка, гневно сверкая на него очами. Она аж развернулась и на стуле привстала. — Я же сенс, и я женщина! Я такие вещи отлично чувствую, уж поверь мне!

— Сенс-электросекс, — меланхолично сказал Алик, щелкая по клавиатуре. — Не шуми ты. Тим, версия Оли ближе к истине. Потому что Алиса дружила с его женой.

— Откуда инфа? — хищно подбравшись, поинтересовалась Оля, но Алик с горделивым видом задрал нос к потолку.

— Свои источники не раскрываю!

— Ну дык... с женой-то он развелся, — пробормотал Тим, не желая сдаваться. — И кто знает...

Громко хлопнув дверью, в офис зашел Аркадий, и все моментально замолчали. Оля хихикнула, прикрываясь ладонью, и отвернулась к экрану, имитируя бурную деятельность.

— У себя? — спросил мужчина, ткнув пальцем в сторону кабинета.

— Там это... Елисеева вернулась, срочный доклад, — объяснил Тимофей, тоже отворачиваясь к компьютеру.

— Ага.

Глава «силовиков» прислонился к стене, рассеянно перебирая что-то в пальцах. Саша присмотрелся — это была некая металлическая конструкция, вроде кистевого эспандера. Он поспешно отвернулся, не желая, чтобы этот пугающий тип заметил его внимание, и честно попытался думать о своем докладе на предстоящем совещании. Но вместо этого в голову лезли посторонние мысли — например, о том, что Оля явно равнодушна к их блистательному шефу, и о том, почему же тот все-таки развелся. Впрочем, ну а почему обычно люди разводятся? Прошла любовь, завяли помидоры... А коллеги-то у него, однако, сплетники. Хотя, их интерес кажется довольно доброжелательным. Отношения в отделе, как Саша успел заметить, были теплыми, почти семейными. И все по-своему любили и уважали Игоря. Даже, наверное, эта странная Алиса.

Письменный стол в кабинете Рогозина, оказывается, раздвигался, моментально превращая кабинет в этакий уютный конференц-зал. Когда они все расселись по местам, Саша подумал с усмешкой, что они походи сейчас на сотрудников какой-нибудь фирмы, готовых ближайше два часа увлеченно обсуждать увеличение объема продаж. Вон и шеф восседает во главе стола, сверкая очками и дорогим галстуком... Саша перевел взгляд на Алису и осекся. В приличную фирму такое существо просто не пустили бы. Они все были одеты достаточно повседневно, но не так же!

«А впрочем, какое мне дело, нашел о чем думать — о чужих шмотках» — подумал парень, внезапно рассердившись сам на себя. Он сегодня утром впервые в жизни тщательно выбирал, что надеть. Сам чуть было галстук не нацепил, но вспомнил, как ходит на работу Тим, и вовремя одумался. Понятное дело, тут никто подобной ерундой не заморачивается.

— Алик, ну что у нас тут стряслось за отчетный период? — спросил Rogozin. Утруждать себя формальностями вроде объявления начала совещания он явно не собирался.

— Три заявки от ментов, все проверено, — небрежно, даже лениво начал Алик. — У Белинского...

— Давай не будем все-таки называть ментов ментами, — поправил его Игорь. Задумался на секунду, фыркнул, осознав, что сказал только что. — То есть, милицию.

— Угу, — Алик бегло улыбнулся в ответ. — У Белинского в клинике контактёр. Просит проверить, говорит, уж больно четкая система в его бреде просматривается.

— Можно я, можно? — тоном школьника-отличника пропищал Тим и поднял руку.

— Посмотрим, — майор адресовал ему взгляд, который, наверное, задумывался как суровый. Получилось не очень — Rogozin явно пребывал в отличном настроении. — Дальше!

— Сообщения о полтергейстах, тоже от ментов. Статистически многовато за две недели, но критерий Боровского не превышен. На половину адресов наши уже съездили, ничего необычного. Капитан Лебедев просит кого-нибудь порекомендовать для поиска пропавших девчонок...

— Я ему уже эксперта нашел, — кивнул Игорь. — Мне его начальство дозвонилось.

— А что там за девчонки? — спросил Аркадий неожиданно заинтересованно.

— Маньяк у нас объявился, похоже, — пояснил Rogozin, несколько помрачнев. — Но это пока что не наше дело. Ничего мистического, просто урод, которому нравится расчленять юных девушек.

— Откуда ты знаешь, что он урод, может, он вполне симпатичный, — пробормотала Алиса, рассматривая свой ноготь. Ее высказывание никто не прокомментировал, только Аркадий покосился неприязненно. Он, в своем извечном камуфляже, тоже смотрелся инородным элементом на совещании.

-Потом, насчет погоды... начинаются расхождения с прогнозами метеорологов. Но они ж у нас и так ошибаются через раз, не только в октябре... так что, пока ничего определенного не скажу. Ну и, в целом, все — развел руками Алик. — Теперь, по этим вашим геологам... Никто у нас до сих пор на учете не состоял. Но... по агентурным данным, — тут парень почему-то запнулся и быстро глянул на начальника, словно ожидая подтверждения, — по крайней мере четверо из них — точно в Игре. Они, кстати, не все с геофака. Некая Лена, например, и вовсе из Москвы приехала, живет у подруги...

— Из Москвы? Давно? — Rogozin внезапно напрягся.

— Давно, больше года назад, — кивнул Алик. — Я знаю, о чем вы подумали. Но не могли же они настолько заранее готовиться? Я, конечно, послал запрос в московский офис... ну, от вашего имени. Пока ничего не ответили. А у нас на нее досье нету.

— Пока пришлют... бюрократы, — проворчал майор. — Ладно. Всё? Вопросы есть? Саша, ты тоже спрашивай, если что непонятно.

— А что такое критерий Боровского? — произнес Саша, нервно теребя рукав своей рубашки. Оказываться в центре внимания ему не хотелось, но нужно же было прояснить непонятный термин.

— Это значение полтергейстной активности, статистически достоверно превышающее средний уровень для данного района или города, — быстро и уверенно ответил Алик. Видно было, что это определение он знает наизусть. — Если значение превышено... то это очень, очень тревожно.

— Ага... — Саша глубоко вдохнул, набираясь решимости для следующего вопроса. — Ну и... что такое эта Игра? Вы обещали объяснить...

— Разумеется, — кивнул Rogozin. — Но сначала, для чистоты эксперимента, давай все-таки послушаем твои выводы. Ты готов?

«Что, вот прямо сейчас?» — панически завопил внутренний голос, но Саша мужественно заставил его заткнуться. Мало он, что ли, делал докладов в своей жизни? Тут, по крайней мере, за это оценки не ставят, как в универе.

— Да... только... я вот тут сделал... что-то типа презентации, — он повертел в руках флешку. — Можно ее как-нибудь?..

— Конечно, — Игорь через стол подвинул к нему ноутбук. — Включай сюда.

Развернувшись, он нажал какую-то кнопку в столе, и с потолка спустился большой раздвижной экран для проектора.

— Уу, круто, прям совещание в Пентагоне, — не преминул съязвить Тимофей. Алик фыркнул, соглашаясь.

— Хорош ржать, охламоны! — осадил их Rogozin. Он с доброжелательной улыбкой смотрел, как Саша возится с ноутом. — Наконец-то в этом бедламе хоть кто-то будет ответственно подходить к своей работе. Сразу видно — отличник учебы!

— А еще он хорошенький, — вполголоса добавила Алиса. А когда Саша смущенно глянул на нее, тут же показала ему язык и громко сказала: — Фуу, зубрила!

— А ну цыц! — шутливо прикрикнул на нее Игорь. — Сейчас вот выгоню за дверь!

— Нуу, а я-то думала, в угол поставишь, — разочарованно протянула та в ответ.

— Нет, в углу ты будешь смотреться как дешевая постмодернистская икебана. Я не хочу, чтобы кто-то решил, что у меня настолько плохой вкус...

Слушая бредовый диалог, Саша внезапно успокоился. Это надо же, он всерьез думал, что эти люди будут внимательнее его слушать, если он наденет галстук? Ха.

— В общем, — сказал он, разворачивая на весь экран фотографию милицейского протокола, — в квартире, где сейчас живет Катя, и где проводился ритуал, пятнадцать лет назад было громкое убийство. О нем даже в газетах писали, — он щелкнул клавишей, и на экране

появился скан газетной страницы. — Муж зарезал жену из ревности, а потом и дочь заодно — видимо, просто процесс понравился. Тут еще фотки были, я не стал вставлять... Ну вот, а потом там было самоубийство, всего через год — парень повесился. Больше ничего у мен... эээ, у милиции на эту квартиру нет. Но я просмотрел на всякий случай еще и историю по всему району...

— Зачем? — спросил майор. Удивленным он, однако, не выглядел.

— Не знаю... интуиция, — Саша пожал плечами. — И оказалось, что... — на экране появилась карта района с отмеченными на ней красными точками, — уже через три месяца после первой трагедии по району прокатилась волна смертей. Самоубийства, отравления непонятные, инфаркты у довольно молодых людей... Квартиры жертв находятся, ну... видите? По кругу от этой, первой, которую можно принять за центр. А вот — через несколько лет... снова круг, только шире. Но жертв меньше. Вот данные еще за два года, объединенные... снова круг. Еще шире. Ну, тут довольно условно получается, точек не хватает... А вот через пять лет.

— Круг сужается, — сказал Тим, глядя на картинку.

— Ну да, — кивнул Саша. — А потом снова шире, шире... Это похоже на то, как... круги по воде расходятся. От брошенного камня, например.

— Отлично, — сказал Игорь, глядя на него. — То есть, конечно, в этих смертях хорошего мало. А хорошо то, что ты за несколько дней эту схему построил. Наши аналитики несколько месяцев извилинами шевелили. И зачем им только зарплату платят?

— Они же не от начальной точки ориентировались, — словно оправдываясь, сказал Алик. — И вообще не знали, что искать, поначалу.

— То есть, вы это уже знали? — переспросил Саша, удивленно глядя на коллег.

— Знали, — подтвердил Rogozin. — А почему, как ты думаешь, мы следили за этой квартирой? За этой и рядом других мест... Видишь ли, на карте города таких вот пульсирующих «кружочков» — хватает. И других зон, менее агрессивных — тоже. Как считаешь, почему эта веселая компания там оказалась?

— Ну так... вы же сами говорили, на допросе Фариды — амулет они какой-то делали, — хмуро сказал Саша. Он чувствовал себя обманутым — зачем его заставили «изобретать велосипед», если все это давно известно? Проверяли на умственные способности, что ли? — Наверное, в таких местах легче... магические обряды проводить. А Катя сама их приглашала, она же гостям всегда рада... Они, может быть, специально с ней из-за этого и общались. А эта тварь... подождите, так это был, получается, призрак убитой жены? — с ужасом осознал вдруг Саша.

— Хороша жена! — хихикнул Тим. — Таковую можно и...

— Нет, конечно, — спокойно ответил Игорь. — В подобных местах им просто легче... появляться и существовать. Если зона пульсирует, значит, она живет. А какое главное свойство живого? Обмен энергией с окружающей средой. Вот на этой энергии всякие твари и кормятся. А волны, которые мы наблюдаем, это, вроде как граница градиента положительной и отрицательной энергии...

— И вот тут мы попадаем в область псевдонаучной херни, — торжественно сказала Алиса. — За выражение «отрицательная энергия» любой вменяемый физик даст тебе в глаз, не раздумывая. Ты еще скажи — отрицательная материя...

— Ну, поскольку физиков тут не наблюдается никаких, уж излагаю, как умею, — пожал плечами майор. — Теорий много, достоверно можно сказать только одно — такие зоны, энергетические неоднородности — существуют. И их можно использовать. Чем и занимаются отдельные представители прогрессивной молодежи... У тебя все, Саша?

— Ну вообще-то... была еще одна мысль, — нехотя сказал парень. — Я подумал — откуда эта зона взялась? Может, возникла после убийства, а может — наоборот, была его причиной? И полез читать про всякие геопатогенные зоны... ну там, сетка Карри, сетка Хартмана, да вы все это знаете, наверное...

— Знаем, — кивнул Игорь. — Но ты молодец, что нашел. И?

— Ну и... вычитал, что возникают зоны, например, над подземными водоемами. Или просто пустотами. Как-то вот они искажают энергетические потоки. Тогда я решил поискать геологические карты города, со всякими там грунтовыми водами... и не нашел. Подумал, надо у знакомых геологов спросить... и тут до меня дошло.

— Точно! — вскинулся Алик. — У кого-то из них курсовая была по грунтовым водам, у меня было записано, сейчас...

— Ну, конечно, — сказал Rogozin, напряженно глядя перед собой. — А мы-то думаем, как они вычисляют эти зоны? У них ведь нет доступа к милицейской статистике, неужели они по всему городу с маятником ездят, проверяют? А у них ведь эти карты перед глазами, наверное, с первого курса...

— Между прочим, о подземных пустотах, — сказал Аркадий, и тут же его едва не перебил Тим: — А вот кстати, про подземелья...

— Так, — сказал майор, жестом останавливая обоих. — Я вижу, головоломка начинает сходиться. Видишь, Саша, я был все-таки прав, когда дал тебе это задание. Вот и новая зацепка! Ни один из наших высоколобых аналитиков не задался наивным вопросом «А почему?» — и вот результат. Да, зоны действительно возникают и в результате человеческой деятельности, например, как после гибели той несчастной кошки в роще, что мы с тобой закапывали... но есть же и природные. И наверняка есть «спящие» зоны, которые можно активировать. И мы ничего о них не знаем, а наши противники в этой игре — знают. Так, что там о пустотах?

— Я как раз собирался рассказать, — кивнул Аркадий. — Мои ребята еще раз облазили окрестности больницы. Оказывается, там есть подземный ход заброшенный, семнадцатого, что ли, века. Там раньше склад купца какого-то был, а он опасался разбойников, ну и окопался во все стороны. Ход аж до пристани ведет, судя по хроникам, только он полузатопленный — мы до конца не пролезли, так акваланги нужны. А ведь тут не один такой купец был предусмотрительный. Я, между прочим, много чего слышал про катакомбы, которыми тут полгорода перекопано. Да все как-то... не попадали они в нашу эту... юрисдикцию.

— Теперь попадают, — кивнул Игорь. — Затоплено, говоришь? Вот тебе и грунтовые воды. Вот и искажения энергетических потоков. Интересно, есть ли у геологов карта этих подземелий?

— Наверняка карта есть у диггеров, — сказал Тим, возбужденно подпрыгивая на стуле. — У меня знакомые есть... ну, диггеры, неужели не знаете, что это такое? Исследователи всяких подземелий, пещер... Я подниму все старые контакты, попробую у них выяснить, может, они что-то знают. Если эти ребята шляются по катакомбам, они могли с ними пересекаться.

— Шляются, — уверенно сказала Оля. — И свидетелей ритуалов, как Соню эту, например, спокойно убивают, да и уходят подземными ходами. Как крысы, блин. А еще я их проследить больше не могу. С прошлой ночи — не могу. Как... как в землю канули.

«Так Оля за ними следила» — понял Саша, и ему стало стыдно за собственную неосмотрительную попытку прошлой ночью. Конечно, куда ему тягаться с профессионалом — сновидцем? Может, именно из-за него они и обнаружили слежку...

Рогозин внимательно посмотрел на него. И наверняка понял, о чем он думает, потому что тут же спросил Олю:

— А прошлой ночью что было?

— Так я же вам рассказывала, — пожала плечами девушка. — Ритуал какой-то в роще. Артефакт снова делали... кошку зарезали, уроды.

— Я не понимаю, — сказал Саша. — Если вы знаете, чем они занимаются... если это что-то опасное... почему бы их всех не арестовать, как Фариду?

— Ну, во-первых, законных-то поводов у нас нет, — вздохнул Игорь. — Во-вторых... Ну что, кто расскажет Саше, кратко и по существу, что такое Игра?

— Ну, — жизнерадостно начал Тим, — однажды куча двинутых ролевиков...

— Ну, — не менее радостно начала Алиса, — однажды один двинутый майор....

— Вот так всегда, — усмехнулся Рогозин. — Ладно. Так вот, несколько лет назад я случайно обнаружил, что в октябре повышается активность... юных оккультистов.

— Пионеры, — хихикнула Алиса.

— Ну да. Дело в том, что большая часть эзотерических тусовок в городе нам известна, а то и вовсе подконтрольна. В основном это всякие безобидные гадалщики на таро, любители возрождать исконно русскую культуру групповыми оргиями в лесу во славу Мокоши, и прочие. Взрослые, рассудительные люди, по большей части. Когда появляются какие-нибудь психопаты-сатанисты, мы их с удовольствием ловим вместе с милицией, потому что они в рамках закона удерживаться не способны. И есть одиночки... которые редко чего-то достигают без поддержки учителя и традиции. А тут — вроде и ритуалы проводятся достаточно массовые — одиночка столько энергии не выплеснет, но и подход явно профанский, неумелый — за собой не чистят, последствия не учитывают. Грубо работают, как новички-одиночки, из тех, что начитаются дурацких книжек и бегут на кладбище черные свечи жечь. Напрашивалась мысль — кто-то их умело организует, но учить не стремится. Словно проводит отбор — кто справится, кто нет. Поднимаем архивы — и правда, уже лет пять как в октябре фигня всякая творится. В частности, погода меняется непредсказуемо. И чем ближе к ночи тридцать первого, тем круче. А тридцать первого происходит мощный выброс энергии в каком-нибудь «месте силы», проще говоря — в какой-нибудь из геоаномальных зон. Не обязательно, кстати, отрицательных — есть же и положительные, условно говоря... И, кстати, это многие замечали, но связывали с природными циклами — ну, тридцать первого все-таки ночь Самайна, один из четырех поворотов колеса года... И не надо на меня так смотреть, уважаемые коллеги, как будто вы уже психушку вызвали. Я вообще атеист и материалист, верю только фактам. А что в эту ночь какие-то процессы происходят — это факт.

— Знаем, знаем, ткань мироздания истончается, — сказала Алиса с улыбкой, но были в ее

голосе и серьезные нотки.

— Может быть, — ответил Игорь. — В общем, методом отлова этих самых... пионеров, выяснили мы следующее. В городе уже не первый год проводится Игра. Что-то вроде ролевой... ну, знаешь, как ролевиками играют? Делятся, скажем, на эльфов, людей и магов, бегают и швыряют друг в друга бумажками с надписью «файербол»...

— Ну вы, блин, и описали, — хмыкнул Тим скептически. — Вообще-то...

— Вообще-то, это сейчас неважно, — отмахнулся от него Игорь. — Среди нашего контингента вообще немало ролевиков, которые слишком заигрались в магов... В общем, некто этих детишек организует. Весь октябрь идут подготовительные ритуалы — ребятки делают себе... амулеты. И так называемые артефакты, то есть — предметы силы. Делают они это в основном в «зонах» — там их можно подзарядить, как из розетки. Или используют для этого живых существ — вроде кошек. Или загоняют в них астральных сущностей — не в этом суть. Главное, что в ночь тридцать первого они собираются в одном из «мест силы» — в каком, заранее никому не известно, но известно, что это место, где ни одного вспомогательного ритуала не проводилось в этом году. То есть, если где-то провели ритуал — место уже «засвечено». Ну и вот... происходит состязание. Как происходит — подробности неизвестны... похоже, что все одновременно активируют всё, что принесли. Амулеты — для защиты, артефакты — для... открытия врат, как они это называют.

По кабинету пробежал явственный смешок — видимо, эту часть рассказа сотрудники Отдела полагали забавной.

— Врат куда? — уточнил Саша, видя, что Rogozin задумался, подбирая слова.

— Ты лучше спроси, для кого, — вздохнул Игорь и вдруг улыбнулся. — Если верить рассказам игроков, то... они пытаются призвать в наш мир кого-то из Древних. Ктулху там, или Азатота... Ну, ты ж читал Лавкрафта? Сейчас почему-то все читают Лавкрафта, ужас, что за мода...

— Погодите, — жалобно попросил Саша и положил ладони на виски, растирая их. — Игорь Семенович, только не говорите, пожалуйста, сейчас, что Азатот и Ктулху существуют...

— Скажи ему, — немедленно начала хихикать Алиса, — я хочу видеть его лицо при этом.

— Я их, по крайней мере, не встречал, — усмехнулся Игорь. — Нет, Саша, вся эта тусовка «древних», скорее всего, все-таки плод нездорового воображения писателя... Азатот, допустим, и не существует, а вот его фан-клуб нас всех уже порядком достал. В чем суть ритуала? При активации кучи заряженных предметов, при этом еще и подобранных совершенно бессистемно и хаотически, наши юные культисты создают сильное возмущение энергетического поля. Некоторые ортодоксы сказали бы, что там и возмущение пространства-времени имеет место быть, но это уже сказки... скорее всего. Получается что? Получается выброс энергии. Какой-то умный дядя вполне может этим воспользоваться — в своих целях. Но, по легенде Игры, образуется дырка в иные измерения, оттуда выползает кто-нибудь из Древних, и награждает победителя — то есть, того, кто вложил больше всех сил в открытие врат. Ну и прочим, как говорится, воздастся по делам их. Но проблема в том, что такое сильное возмущение неизбежно порождает «откат» — отрицательный эффект. И вот он-то всей своей силой и обрушивается на проигравшего, то есть того, чьи артефакты будут слабее всех. Частично от этого спасают амулеты... но тут важно соблюсти баланс. Тем, кто оказался на предпоследнем месте и так далее — тоже достается, но — слабее. Всем по способностям, каждому по кумполу... Такой вот экспорт коммунизма прямиком из Юггота, получается. Ну, как тебе?

— Голова кругом идет, — честно признался Саша. — И кто же за всем этим стоит?

— А вот понятия не имею, — сказал Игорь, откидываясь на спинку кресла. — И именно поэтому мы пока не трогаем твоих «геологов» — чтобы не спугнуть мастера. Видишь ли, в игре всегда есть некий мастер. Как правило, не местный — здесь его знают только заочно, но почему-то он пользуется большим авторитетом. Он должен присутствовать на каждом вспомогательном ритуале, подтверждая его, так сказать, законность. Он единственный, кто знает всех игроков — они же часто и не знают, кто из их товарищей в Игре, кто — нет. А то ведь могут и попытаться уменьшить число конкурентов... Впрочем, это, как я понял, правилами не запрещается. Такие дела. Нам еще ни разу не удавалось напасть на след мастера. Одиночка это или член организации? Скорее, конечно, второе — они ведь каждый год меняются... вроде бы. Что происходит с победителями — неизвестно. С проигравшими... я слышал про одного парня, который, вроде бы, проиграл в позапрошлом году. Умер от серьезной болезни в декабре того же года.

— Жуть, — отозвался Саша, почувствовав необходимость хоть что-то сказать.

— Не то слово. А знаешь, что интересно? Это во всех крупных городах происходит. Я разговаривал неофициально с руководителями филиалов... неофициально, потому что официальные мои доклады так и застревают у начальства в столе. Говорят, доказательств нет...

— И что же делать? — спросил парень растерянно. Майор усмехнулся и обвел взглядом притихшее собрание.

— А вот теперь, когда столь важный вопрос был задан — давайте думать! И учтите, что они уже знают о нашем существовании и нашем интересе... ну, скажем так, они в курсе, что есть некая сторонняя сила. Мы же за ними подчищаем «хвосты». А может, мастер знает и еще больше. Итак?

— Ну, — решительно начал Тим, — вычисляем все возможные места проведения финального ритуала, в ночь тридцать первого их все оцепляем...

— Людей не хватит, — коротко обрубил его Аркадий.

— Ну, милицию подключим... -чуть менее уверенно пробубнил парень.

— Ха! Милицию! — фыркнула Алиса. — Они собственную жопу в кустах не найдут... А вот их обнаружат моментально. Вся надежда на...

— На информаторов, — быстро перебил ее Игорь, словно бы не давая ей сказать больше положенного. — Но они могут и не выйти на связь. И они могут и не узнать место проведения. Нужен план «б». И срочно... у нас десять дней до финала, если вы вдруг не заметили число на календаре.

— По-моему, решение очевидно, — сказал Саша, сам не веря, что это произносит. — Нужно послать к ним кого-то под прикрытием. Кто войдет в эту Игру... как игрок. И узнает все, что нужно.

Все замолчали, обдумывая предложение.

— Нужен кто-то, кого они точно не подозревают в связи с вашим... с нашим Отделом, — продолжил парень, глядя в упор на Рогозина, который, опустив подбородок на сплетенные пальцы, смотрел перед собой отсутствующим взглядом. — Кто-то, подходящий по возрасту... и

по роду увлечений. Я могу, например.

Саша никогда не страдал комплексом героя, не стремился спасти человечество и устраивать революции, и прочие глупости в том же духе совершать. Просто сейчас он как-то остро ощутил, что идеально подходит именно для этой миссии — просто удивительно, как вовремя он попал в Отдел! И что многое сейчас зависит от него. Что это шанс сделать нечто действительно из ряда вон выходящее. И заглушить окончательно этот противный холодок внутри, который будто подталкивает — беги! Спасайся! Не связывайся с этими опасными людьми! Закрой глаза, не смотри, вернись обратно в свой привычный и понятный мирок...

— Ты хоть представляешь, насколько это опасно? — спросил его Аркадий.

— Ты амулеты-то делать умеешь? — скептически поинтересовался Тим.

— А ты уверен, что они за тобой уже не следят? — задумчиво почесал в затылке Алик.

— Да он расколется через пятнадцать минут, — фыркнула Алиса, но в то же время впилась в него острым, оценивающим взглядом.

— Ты же слышал — поигравший умирает... — тихо прошептала Оля.

А Игорь молчал, не глядя на него, и с каждой секундой его молчания Саша все отчетливее понимал, что пойдет на это задание. Что, может быть, именно этого от него и ждали. И что он постарается сделать всё, что от него потребуется. Рискнет жизнью и рассудком, победит Ктулху, Азатота и Йог-Сотота, скрутит и притащит в офис этого загадочного Мастера Игры... и швырнет к ногам начальника. Чтобы только увидеть его улыбку и услышать «Ты молодец, Саша».

Глава 3. Часть 4.

— Да, точно, — Саша непроизвольно облизнул пересохшие от волнения губы, прижимая телефон к уху. — У Кати мы виделись тогда. Я с ней учусь.

— Припоминаю, — голос в трубке стал чуть менее настороженным. — А номер мой у тебя откуда?

— От... Сони. — Саша сжал свободную руку в кулак, чувствуя, как ногти впиваются в ладонь. Только бы прокатило, только бы Вит, до странного похожий на киношного вампира парень-гот, сейчас поверил ему!

«Так Соню они убили, чтобы она ничего не успела рассказать, я правильно понимаю?» — спросил он Игоря, пока они спускались в лифте.

«Похоже, что так» — кивнул тот, рассеянно глядя в сторону. «Остается только надеяться, что наше наблюдение не стало тому причиной. А то совсем... нехорошо получается».

— Не знал, что вы общаетесь, — неизвестно, поверил ли ему геолог, но сильного удивления не демонстрировал.

— Да мы больше в сети болтали, — небрежно ответил Саша, вспоминая заранее продуманную «легенду». Вряд ли даже ближайшие друзья Сони могли отследить все ее контакты. — Жаль, что она так...

— Да. Жаль. А на похороны ты чего не пришел?

«Черт, а вот этого мы не учли, почему я не был на похоронах? Да я даже не знал, когда они...»

— Да я... как-то... знаешь, не люблю всё это, — совершенно искренне ответил Саша. Его собеседник хмыкнул — скорее понимающе, чем с сомнением.

— Бывает. Ты чего хотел-то?

— Я... хотел узнать, — Саша глубоко вдохнул, успокаивая нервы. — Я... хочу зайти в Игру. Еще ведь не поздно?

Тишина. Только бешеный стук сердца, который, кажется, может услышать даже собеседник на другом конце города.

— Она тебе и это рассказывала? — спросил Вит сухим, безэмоциональным тоном.

— Ну... немного. Я же с ролевиками тусил, ну за библиотекой, знаешь, где старое место сбора было, до реставрации? Там много об этом говорили. А тут я услышал, краем уха...

— Ты хоть понимаешь, что это не просто... ролевка? — спросил геолог с некоторым оттенком презрения.

— Я знаю, — торопливо забормотал Саша, — мне в прошлом году Юрик рассказывал... ну, Семяцкий...

Парень, оказавшийся в прошлогодней Игре самым слабым звеном, теперь послужил «алиби» для Саши. Как и Соня... не слишком ли много мертвецов в его «легенде»? Что ж, зато их уже никто не расспросит...

— Ну тогда ты в курсе, что бывает с проигравшими, — в трубке усмехнулись, нехорошо так, злорадно.

— Я знаю, — повторил Саша. — Я не чайник какой-нибудь. Я хочу зайти. Так... как мне найти мастера?

— Мастер сам тебя найдет, — фыркнул Вит. — Я передам твою заявку. Все?

— Да... а как?... — Саша попытался было продолжить разговор, но в трубке раздались короткие гудки.

«Рядовые игроки пойдут тебе навстречу» — говорил Рогозин, когда они продумывали «легенду». «Им же выгодно, чтобы в игре оказался кто-то слабее, несмышленный новичок, за которого тебя и примут».

«Я тут подумал... а Фарид не может как-то предупредить их, передать информацию, например, во сне?» — спросил Саша. Он знал, что захваченный оперативниками геолог содержится под стражей до сих пор, и выйдет только после окончания Игры.

«Не может» — коротко ответил майор, и явно не собирался развивать тему, но Саша продолжил расспросы... на свою беду. Честно говоря, теперь он предпочел бы не знать, какими методами пользуется его «контора» в таких случаях. Фарид не мог связаться со своими товарищами по Игре, потому что находился в искусственной коме, вызванной специальными медикаментами. Игорь утверждал, что геолог проснется невредимым, когда придет время... но

в голосе его не было стопроцентной уверенности.

«В любом случае, больше ты его не увидишь — учеба в России для него закончилась» — категорично сказал Rogozin в итоге.

Телефон в руке резко зазвонил вновь, и задумавшийся было Саша вздрогнул, едва его не выронив. Номер был незнакомым, и парень вновь занервничал.

— Да? — осторожно спросил он, снимая трубку.

— Ты хочешь зайти в Игру? — спросил его странный свистящий шепот. Не мужской, не женский... Саша не мог представить себе его обладателя.

— Да, — выдохнул он в ответ.

— Ты сказал! — торжествуя взвизгнул его странный собеседник, и тут же мгновенно вновь перешел на бесстрастный шепот: — Назови время и место твоего ритуала.

Собрав в кулак все самообладание, Саша назвал заранее оговоренное место — заброшенный завод на восточной окраине города. Создавать свой артефакт для Игры он намеревался ровно в полночь — для пущего эффекта. Едва он договорил, звонок прервался — кажется, мастер, если это был он, получил всю необходимую информацию.

Облегченно выдохнув, парень отложил телефон. Хотелось немедленно послать смс на служебный номер, через который он теперь держал связь с сотрудниками Тринадцатого отдела. Но он сдержался — нужно было выждать некоторое время, чтобы не вызывать подозрений. Конечно, скорее всего, загадочному «мастеру» не под силу непрерывно следить за ним — но разумнее было исходить из самых худших предположений. Так что новоиспеченный «двойной агент» устроился поудобнее на разваливающемся диване и принялся работать над своим мысленным «щитом», тщательно представляя себе в деталях сияющий кокон, что надежно укрывает его от любых внешних атак.

На стуле рядом с постелью лежал, тускло отсвечивая металлом, короткоствольный пистолет системы «Скиф». Саша потянулся к нему, повертел в руке, примериваясь. Тяжесть оружия непривычно оттягивала руку — и ведь это, как объяснял ему Игорь, одна из самых легких моделей, весит меньше килограмма.

— В боевых условиях от «чайника» с пистолетом обычно больше вреда, чем пользы, — говорил Rogozin, вручая ему оружие. — Но я надеюсь на твою благоразумность... и хочу дать тебе хоть небольшое преимущество. Чем более крутыми магами считают себя эти ребята, тем меньше они обращают внимания на простейшие факторы материального мира. Они будут проверять тебя на наличие лишних амулетов, не заверенных мастером — а о такой штуке, как пистолет, просто не подумают. Откуда он у простого студента?

— А если все-таки обнаружат? — с сомнением переспросил Саша.

— Скажешь, у отца спер. И отдашь, если потребуют. Не геройствуй лишний раз. Пригодится он тебе в одном случае — если тебя раскроют. И попытаются убить. Вот тогда стреляй, хотя бы в воздух. По крайней мере, будет нам сигнал к атаке. Но не хотелось бы выдавать себя на подготовительном ритуале. Там мы просто последим за ними.

— А на финальном? — спросил Саша, прицеливаясь из пистолета куда-то вдаль спортзала, куда они и спустились для этого разговора — оказывается, спортзал и функции тира выполнял, по

крайней мере, мишени для стрельбы там имелись.

— Неправильно держишь, — сказал майор и, подойдя сбоку, взял его руку, укладывая ее на рукоять пистолета. — Правой держи, левой поддерживай правую. Упор на средний и безымянный. Говоришь, отец учил из винтовки стрелять?

— Так то ж винтовка, — оправдываясь, сказал Саша. Игорь стоял рядом, внимательно глядя, как он целится.

— А на финальный ритуал ты не пойдешь ни в коем случае. Как только тебе сообщат место его проведения, сообщаемь нам, и на этом твоя миссия выполнена. Так, ты глаз не прищуривай, это только для спортивной стрельбы прием. На прицел не смотри, смотри на объект. Куда целишься, ты должен чувствовать, пистолет — это продолжение твоей руки...

— Ага, и сейчас вы скажете, что в момент стрельбы существуем только я и мишень, целиться надо не стволом, а всей нервной системой, а убивать не пулей, а силой духа, правильно? — с улыбкой сказал Саша. С момента окончания совещания Рогозин был непередаваемо серьезен, даже мрачен, и это здорово нервировало. Саша уже успел привыкнуть к его полусутоливой манере изложения информации.

— И в кого ты такой умный, наверное, в папу своего с винтовкой, — отозвался майор, слабо улыбнувшись в ответ, и парню немедленно стало легче. — Ну давай, покажи свою силу духа.

По мишени Саша безбожно промазал, задев самый ее край, а неожиданно сильная отдача заставила его качнуться назад, едва удержавшись на ногах. Да еще и гулкий звук выстрела дезориентировал.

- Безобразие, — прокомментировал Игорь, оказавшись неожиданно близко — Саша аж вздрогнул. — Ты так своих в перестрелке поубиваешь, с такой точностью. Говорю же, почувствуй оружие. Как продолжение своей руки. Ну-ка...

Обхватив парня сзади, он накрыл ладонями его руки, нервно сжимающие пистолет, и приподнял ствол выше, прицеливаясь вместе с Сашей.

- На выдохе стреляй. Дыши сейчас вместе со мной, — сказал майор ему в самое ухо, обдав кожу неожиданно горячим дыханием, отчего по коже пробежала волна мурашек. Прижимаясь спиной к его груди, Саша честно постарался уловить ритм его дыхания по размеренным движениям грудной клетки. На очередном выдохе Игорь плавно надавил на его палец, лежащий на курке, и Саша ощутил, словно вместе с выстрелом из груди вырвалось что-то — некий энергетический сгусток, что ли — и устремилось точно в цель. Пуля пробила центр мишени. И следующая. И следующая. Саша словно видел их полет в замедленной съемке, и знал, куда ударит крохотный кусочек металла еще до того, как он соприкоснется с плотной тканью, разрисованной концентрическими кругами. Кровь шумела в ушах так, что грохот выстрелов был едва слышен — а может, он просто временно оглох еще после первого.

— Ну вот, а теперь сам, — сказал Рогозин и убрал руки. Спину словно обожгло холодом, когда он отстранился и сделал шаг в сторону.

«Это не в зале холодно... это у меня температура» — понял Саша, чувствуя, как пылает лицо, точно в активной фазе гриппа. С чего бы вдруг?

Он, вообще-то, не любил лишний раз пускать людей в свое «персональное пространство». Когда в нем оказывался Игорь, это... нервировало. И смущало. Почему-то очень смущало.

Вскинув руки с пистолетом, он выстрелил, представив в последний миг, что Рогозин по-прежнему стоит рядом и направляет его руки. Сработало — пуля легла не в центр, но довольно близко.

— Небезнадежен, однако, — с улыбкой сказал майор, забрал у него пистолет и перезарядил. Саша несколько расслабился, посмотрел на мишень оценивающе — не переставить ли ее еще подальше? Как оказалось, зря. И расслабился тоже зря. Потому что, вернув ему оружие, Рогозин сказал — вернее, приказал:

— А теперь стреляй в меня.

— Ч-что? — Саша посмотрел на него с ужасом.

— Давай. Тебе же придется однажды стрелять в людей. Учись, — сейчас майор снова был предельно серьезен.

— Но... я же... попаду? — неуверенно пробормотал парень. Игорь усмехнулся — коротко и зло.

— Спорим?

Саша дрожащими руками поднял оружие. Рогозин шагнул назад, потом неожиданно вбок — он перемещался плавно и бесшумно, словно перетекая с одной ноги на другую, и не отрывал взгляда от Саши — тяжелого, угрожающего взгляда.

— Ну, давай. Стреляй! — он резко вскинул голову, обжигая парня колючими искрами серо-стальных зрачков, и Саша нажал на курок — скорее с перепугу, чем приняв осознанное решение. И вскрикнул от ужаса, увидев, что Игорь упал, как подкошенный, на середине очередного обманного движения. Отшвырнул пистолет, кинулся к нему...

— Зачет... мне по актерскому мастерству, — сказал майор, вставая. — А тебе по стрельбе — пока незачет. Ты бы попал мне максимум в плечо, даже если б я не поставил сейчас холостые. Оружие в бою — не бросать. И после каждого выстрела... Саш, ты чего?

Саша мертвой хваткой вцепился в деревянную перекладину «шведской стенки» в углу, и в нее же уткнулся лбом. Кажется, он добрался сюда всего в два прыжка, ловко увернувшись от Игоря. Вообще-то, убегая в истерике, логичнее было выскочить в дверь, но он, кажется, несколько перепутал направление побега. Вот вам и ориентировка в экстремальных ситуациях. Теперь парень боролся с набегающими слезами, и безуспешно пытался успокоить дыхание. Сейчас, дайте только отдышаться, и кое-кто в этом зале услышит о себе объективное и беспристрастное мнение. С применением трехэтажной народной лексики.

Когда по его плечу осторожно скользнула рука, Саша был еще не готов к диалогу, поэтому только дернул плечом, пытаясь избавиться от прикосновения.

— Ладно, — сказал Рогозин у него за спиной. — Признаю, я немного перегнул. Все-таки, я не спецназ тренирую. Ну не злись, ладно?

Сильные руки бесцеремонно развернули его спиной к спасительной стенке. Игорь осторожно притянул его к себе, пытаясь успокоить. Из чистого упрямства Саша уперся локтями в его грудь, не давая движению стать полноценным объятием. Вообще-то, он разрывался между желанием самому прыгнуть на шею майору, обнимая его, и одновременно стремлением дать ему в морду, несмотря на очевидную бесперспективность подобных разборок.

«Придурок» — мстительно думал Саша, прожигая гневным взглядом узел галстука начальника — выше он глаза поднять не решался. «Сначала прижимается, потом стреляй в него... псих долбаный. Господи, если б он умер... я думал, я сам умер, когда выстрелил.»

— Ну не злись, — повторил Игорь, и ласково провел ладонью по его щеке. Саша поднял взгляд и секунды на три, наверное, завис, пытаясь понять — все-таки, голубые или серые глаза у этого невозможного типа?

... Саша с удивлением уставился на свою руку, которая только что, совершенно без его ведома, гладила его по щеке, повторяя давешнее движение Игоря. Кажется, он умудрился настолько забыться в воспоминаниях... «Еще чего не хватало!» — возмутился парень, встряхиваясь. Второй рукой он по-прежнему сжимал пистолет, стволом которого, совершенно неосознанно, машинально гладил себя... ну... тут Саша покраснел и выругался, поспешно откладывая оружие. Этак можно и отстрелить себе что-нибудь жизненно важное, знаете ли! И что это вообще за вечер лирических воспоминаний?

«Валяюсь на диване и млею от дурацких мыслей, как тронутая героиня дамского романа! Для пикантности ситуации еще и пистолет между ног засунул, кошмар, видел бы я себя со стороны... Стоп, а когда это я успел составить мнение о дамских романах? Я же вроде... не дама, слава богу?»

В принадлежности к мужскому роду Саша мог не сомневаться — об этом красноречиво свидетельствовало возникшее в штанах напряжение. По здравом размышлении парень отнес ощущение к последствиям механического трения. «Новый вид порно — студент и пистолет» — хихикнул Саша, чувствуя, что только старое доброе чувство юмора спасет его от подступающего абсурда. «Или есть уже такое... да наверняка есть. Надо поискать в интернете... так, стоп. Есть дела поважнее».

Мысль о том, что возбудили его воспоминания о прикосновениях Игоря, Саша решительно отбросил. Вот только этого ему для полного счастья сейчас и не хватало. Дабы проверить, не возникло ли у него, случаем, гомосексуальных наклонностей, Саша решил на зверский эксперимент над сознанием — он вспомнил Феликса. Его томный высокий голос, тонкие, словно выщипанные брови, залысины, дурацкий халат... Нет уж, увольте. Принадлежать к этому племени Саша решительно отказывался.

Он скинул сохранившийся в памяти номер «мастера» на служебный номер, а потом, как и было оговорено, отправил смс-ку — «все в порядке».

— Я просто хочу, чтобы ты вернулся с этого задания живым, — сказал Игорь, подбирая брошенный им пистолет. — Ужасно не люблю терять сотрудников, даже внештатных. Потренируемся еще на мишенях, хорошо?

Глава 3. Часть 5.

— Дьявол! — приглушенно ругнулся Саша, едва не напоровшись в темноте на железный штырь, торчавший из бетонного покрытия. Мрачная атмосфера заброшенного завода и мысли о предстоящем ритуале невольно настраивали на поэтический лад — в другом месте и в другое время он сказал бы что-нибудь попроще, например, банальное «бля!».

— Это сейчас была инвольтация, так сказать, к эгрегору? — насмешливо спросили сзади. Компания, шагавшая следом за ним по темным коридорам пустого здания, разразилась смехом. Эти люди, похоже, поэтическим настроениям были не подвержены.

Неопределенно хмыкнув в ответ, Саша шагнул из коридора в широкий центральный зал. Перекрытия второго этажа здесь были разрушены, так что зал был теперь еще просторнее, чем во времена функционирования завода, и гулкое эхо шагов металось под высоким, теряющимся во тьме потолком.

— Где-то здесь, — не очень уверенно сказал он, и стянул с плеча рюкзак.

— Ты давай не возись, до полуночи-то не так много осталось, — с усмешкой, но довольно доброжелательно сказала Яна, единственная из присутствующих, кто кутался в темный, до пят, балахон. Из-за этого в первые мгновения, едва увидев ее, Саша подумал было, что вычислил мастера. Но теперь его начали одолевать сомнения.

Итак, мастер присутствует на всех ритуалах. Ни на одном ритуале, кроме финального, не собираются все игроки сразу. Сегодня собралось девять человек, но Саша сразу мысленно отменил тех, кого видел впервые. Круг подозреваемых стремительно сужался. Берг — крупный молчаливый парень, ничем не выделяется. Вит — много говорит, но не производит серьезного впечатления. Хотя любое впечатление может быть обманчиво. Еще один геолог... кличка, кажется, Маркус? Остальные упорно называли его Колей, что несколько сбивало с толку. Это имя, впрочем, подходило ему чуть больше. Выглядит старомодно, вязаный свитер в ромбик так и вовсе сильно напоминает о временах полетов первых советских космонавтов. Впрочем, может, это сейчас, наоборот, на пике какой-то извращенной моды? Держится уверенно, но командовать не стремится.

Яна... кроме вычурного балахона, какие есть основания считать ее мастером? В смазанных воспоминаниях о ритуале, увиденном Сашей во сне, она вроде была одета повседневно...

Аша. Вот кто мог бы подойти. Бойкая девица с короткой стрижкой, язвит по поводу и без, всех подначивает, лезет в споры... Но — с другой стороны, если она — мастер, зачем ей выделяться?

Саша рассеянно кружил по залу, пытаясь найти то самое место. Десять лет назад здесь изнасиловали и убили девочку-подростка. Очередной маньяк, ничего мистического, как сказал Игорь, повторяя свои слова на совещании. И добавил, невесело усмехнувшись — хорошо же, однако, живет то общество, где подобные преступления уже никого не шокируют. Очередной маньяк, подумаешь...

Несколько литров крови, впитавшихся в пористый бетон, создали энергетическую воронку, которая не рассосалась до сих пор. Если ею грамотно воспользоваться, вполне можно зарядить амулет. Только вот проблема — Саша до сих пор ничем подобным не занимался. Ну, хоть увидят его честные старания — и то хлеб, как говорится.

Для начала нужно было найти то самое место. Парень прикрыл глаза, вспоминая фотографии из милицейского архива, которые ему показывали. Далеко не те картинки, которые стоит смотреть, предварительно плотно поужинав... Но за смятыми очертаниями мертвого тела вполне можно различить стены зала — и сориентироваться. Вот только на фотографиях было светло, а сейчас — мрак, хорошо хоть огромные оконные проемы на уровне второго этажа пропускают тусклый лунный свет. Где же эта отметина на стене? Неужели придется использовать маятник? С ним Саша умел работать примерно так же, как с амулетами, то есть — теоретически, что-то где-то читал. Затея с каждой минутой все сильнее пахивала полным безумием. И пистолет за поясом ненамного придавал уверенности, если уж говорить начистоту.

Геологи за его спиной тихо переговаривались, но коварное эхо отчетливо доносило до Саши их

голоса:

— Думаешь, это реально? Такой давний выброс...

— Попробовать-то можно.

— А я и не знал, что здесь что-то было...

На полу темнело пятно, точно от пролитой жидкости. Конечно, это не могут быть следы крови — все давно смыло дождями, за десять-то лет. Но все же?

Саша шагнул вперед, наступив на пятно — осторожно, носком кроссовка. И мгновенно откуда-то пришло понимание — это кровь! Но не десятилетней давности — вполне свежая. Ногу словно крохотными ледяными иголочками закололо.

— Тут... — произнес он и сам удивился, как хрипло прозвучал его голос.

Остальные подошли ближе, окружив его ровным кольцом.

— Тут недавно... что-то было. Это не то, что я искал. Но думаю, подойдет.

— Ничего так, — после минутного молчания сказала Яна. Остальные тоже отозвались вразнобой, высказывая схожие мнения. Саша не заметил, кто первым достал и зажег свечу, но через несколько мгновений круг осветился неровным, беспокойным светом маленьких свечек, что держали в ладонях его сегодняшние компаньоны.

Он вытащил из рюкзака невзрачный деревянный брусок, который сегодня должен был стать его пропуском в Игру. Деревяшка, по утверждению Игоря, была привезена из какого-то удивительного места в горах, что делало ее отличным материалом для амулета. Всего-то дел — зарядить ее энергией и нанести заранее заготовленные знаки. Лучше бы ножом и кровью, но Саша решил на первый раз ограничиться маркером.

Он вздохнул и решительно стал обеими ногами на загадочное пятно. Стоять там было неприятно, где-то в горле ворочался склизкий, душный комок, но парень мужественно боролся с отвращением. Закрыв глаза и выставив перед собой брусок, он попытался ощутить, как энергия, втекающая в его тело через подошвы ног, концентрируется в ладони и перетекает в будущий амулет. Сначала ничего не происходило, а потом знакомое уже холодное покалывание начало подниматься по ногам, подбираясь к руке — омерзительно-медленно, так и хотелось поторопить процесс.

«Неужели у нас нет какого-нибудь... места силы поприятнее?» — спросил Саша у Рогозина, когда узнал, где ему предстоит проводить ритуал.

«Есть. Не то чтобы «у нас», скорее, за городом. Но ты уверен, что стоит выдавать его местоположение этой компании?»

Саша крепче стиснул деревяшку в ладони, опасаясь, что та выскользнет из вспотевших пальцев. И тут по спине словно прошелся разряд тока, заставляя его замереть. В голове сами собой начали возникать отрывочные картинки, образы...

... Девочка. Слишком взрослая, чтоб быть непорочной. Слишком юная, чтобы успеть осознать свою отвратительную природу. Она уже учится искусству охоты на мужчин, но так трогательно-наивны ее первые шаги на этом пути! Юная паучиха, прилежно плетущая свою

первую сеть. Ей так нравится репетитор, что приходит домой по вечерам? Что ж, пусть верит в силу своей очаровательной улыбки, ямочек на щеках, небрежно скользящей по бедру юбки, карамельно-яркой помады... Тем охотнее она пойдет с ним, когда наступит час.

Мерзкая самка, ее гнилостный запах чувствуется даже сквозь одежду! Она такая же, как его мать, такая же, как все они... тоже жаждет затянуть его в темную, влажную пещеру между ног, поглотить его целиком, как она делает каждый раз в этих страшных снах, накрывает его, огромная, зловонная, ненасытная бездна...

Кровь — как очищение, искупление, избавление, успокоение. Кровь заливает все, сломанный цветок падает в темную лужу, неестественно вывернув трогательно-тонкие ручки с нелепым, по-детски ярким маникюром.

Эта похожа на нее чем-то — разрезом глаз, невинной своей развратностью или, может быть, яркими пятнами оранжевого лака на ногтях, и он, внезапно растрогавшись, приводит ее сюда, на место, где он потерял невинность — во всех смыслах этого слова. Где впервые осознал свою силу и власть, где впервые подмял под себя хрупкое тело, с силой вонзаясь в податливую плоть.

Да, тело придется потом везти через пол-города, но к чему стремиться за грань, если не решаешься следовать своим желаниям?..

И кричит она так же, и так же хрипит и булькает горлом, захлебываясь в потоке собственной крови...

И он, сильный как никогда, царь и бог этого мира, содрогается от восторга, чувствуя, как замыкается некий мистический круг. Нет, не круг — виток спирали. Он выходит на новый виток, на новый уровень...

Саша медленно пришел в себя, осознав, что сидит на холодном бетонном полу, а перед глазами пляшут размытые светящиеся пятна. Кто-то — кажется, Вит — подал ему руку, и он поспешно вскочил, отряхиваясь. Деревяшка была по-прежнему зажата в руке, и он брезгливо отбросил ее. Только через минуту-другую, отдышавшись, он вспомнил, что это вроде как амулет... или артефакт, черт их разберет, с этой классификацией. Выудив из кармана маркер, Саша торопливо нацарапал на ее поверхности выученный знак — или вариацию на тему, вряд ли стоило стопроцентно полагаться на свою память после такого потрясения. Магический предмет словно бы пульсировал в руке — пришлось подавить отвращение и инстинктивное желание от него избавиться. Завернув деревяшку в платок, Саша упаковал ее обратно в рюкзак.

— Нехило так, однако, — протянул Вит. Теперь его тон был гораздо более уважительным, чем когда-либо ранее.

— А у тебя есть сродство... к темной энергии, — произнес смутно знакомый голос, и Саша удивленно покосился на его обладателя... или обладательницу? И как это он сразу не узнал Лену в одном из «новых» лиц? Стоило этой загадочной личности коротко остричь и покрасить волосы, как она изменилась почти до неузнаваемости... Прежним осталось только странное сочетание откровенно женской фигуры и глубокого мужского баритона.

«Интересно, темная энергия — это то же, что загадочная отрицательная?» — скептически подумал Саша. Сам он никакого «сродства» не ощутил — напротив, решил в дальнейшем по возможности как можно меньше связываться с подобными местами и явлениями. Переживать чувства маньяка, убивающего жертву — удовольствие, мягко говоря, сомнительное.

— Кто-то идет! — настороженно произнес до сих пор молчавший Коля-Маркус, и все мгновенно замерли, прислушиваясь. Все верно — в коридоре слышались шаги, причем явно не одинокие. А из зала был только один выход...

— Ну-ка быстро, по местам! — прошипела Аша, и круг мгновенно рассыпался. Несколько парней зачем-то присели на корточки, остальные отошли в сторону, снова образуя круг, но пошире. Яна и Берг шагнули в круг, и парень громко, даже несколько наигранно произнес:

— Здорово, дух! Куда направил путь?

Яна аккуратно приподняла подол своей мантии, точно старинную юбку, и закружилась на месте с легкомысленной улыбкой, то ли декламируя, то ли напевая:

— По горам, по долам,

Через рвы, через плетни,

По кустам, по лесам,

Через воды и огни,

Я скольжу везде, мой друг,

Обгоняя лунный круг.

Я служу царице фей,

Сыплю росы перед ней...

Саша таращился на происходящее в полном обалдении, даже на всякий случай внимательно посмотрел на свои ладони — Оля сказала ему, что этот способ проверить, спишь ты или нет, на первых порах даже эффективнее, чем щипки. Во сне, вроде бы, рук не увидишь, а если увидишь — тут же осознаешься...

Двое мужчин в форме патрульных милиционеров, ввалившиеся в зал, тоже явно пребывали в затруднении, пытаюсь определить, по какую сторону реальности они находятся. Вероятно, будь это настоящие менты, они бы так и остались стоять столбом в дверях до скончания веков, безуспешно пытаюсь перезагрузить подзависший «процессор» в голове. Но Саша уже разглядел в полумраке характерную седину и сурово поджатые губы Аркадия, а вид второго «мента» и вовсе вызвал у него непроизвольную улыбку — хорошо хоть, никто на него не смотрел в этот момент.

— Вы чего тут развели, бля? — выходя из ступора, очень натурально рявкнул Аркадий, и повел фонарем, освещая мизансцену. — Сектанты ебучие, бля!

— Здравствуйте! — радостно сказала Яна. — А у нас тут репетиция театрального кружка.

— Чего?

— Ну это же Шекспир! «Сон в летнюю ночь»! У нас в ноябре премьера, в ДК строителей!

Девушка улыбалась так радостно и дружелюбно, что Саша мысленно ей поаплодировал — и правда, актриса из нее хоть куда.

— А на хрена тут-то? Посреди ночи? — подключился к допросу Игорь. Саша отметил про себя, что стоит ему сказать потом — для милиционера он все-таки слишком интеллигентно смотрится. За советского какого-нибудь доблестного капитана с верным Мухтаром на поводке еще сойдет. А вот за нынешних... мда. Хоть бы щетину отрастил, для образа-то. Хотя, милицейская форма ему шла. Впрочем, он в любом костюме умудрялся смотреться органично. Даже, наверное, в костюме немецкой фрау. Саша прикрыл рот ладонью, боясь хихикнуть ненароком. И что за ерунда вечно крутится у него в голове?

— А так романтичнее! — вдохновенно вешала лапшу на уши слушателям новоявленная актриса.

— Распиваете, небось, — подозрительно сказал Аркадий, прошелся вдоль группы замершей в напряжении молодежи. — Где бутылки? Или, может, шприцы? Вот сейчас всех в машину и в отделение, а? Там разберемся, что репетиция!

— Да нахер надо, — сплюнул Игорь. — Репетируют, вишь, детишки. Ну и пускай себе. Можно ж ведь и мирно вопрос решить, а?

И характерным жестом оттянул карман.

— Ой, конечно! — всплеснула руками Яна, и кинулась к сумке. Зашуршали бумаги. Выпрямившись, она быстрым жестом сунула по крупной купюре в руки «ментам». Аркадий недовольно поморщился, а Игорь демонстративно посмотрел банкноту «на свет» — какие, интересно, «водяные знаки» он намеревался увидеть при свете луны?

— И кого ж вы это... играете? — поинтересовался Аркадий, бесцеремонно светя в лица присутствующим.

— Вот он — Пан, а я — фея, все с той же приторно-радостной улыбкой объяснила девушка.

— М-да. А вот ты кто? — не найдя, что ответить, мужчина посветил в сторону одного из парней, сидящих на корточках.

— А я — куст номер два! — гордо ответил тот, и ткнул пальцем в соседа. — А вот он — куст номер один! Мы — декорации!

— У нас постановка того... постмодернистская, — буркнул под нос Берг, чем невольно рассмешил добрую половину присутствующих.

— Ну-ну. А режиссер-то у вас кто? — спросил Игорь, вроде бы иронично, но все присутствующие вдруг замолчали, словно ощутив серьезность вопроса.

— А вот он, — сказал вдруг Вит, и ткнул пальцем в стоявшего до сих пор поодаль Сашу.

Саша зажмурился, когда ему в лицо ударил мощный поток света от фонаря. Когда пятна перед глазами прошли, липовые «патрульные» уже покинули помещение, выкрикнув на прощание что-то насмешливое по поводу театральных кружков.

— Задолбали, — вздохнул Вит, глядя им вслед. — Почти каждый раз на ментов натываемся. Не напасешься на них. Раньше такого не было. Чего их по городу, как грязи, а? Что, опять президент приезжает, а мы не знаем?

— К финалу Игры готовятся, — усмехнулся кто-то в ответ. Реплика не вызвала безудержного

ржача, впрочем.

— Да ну, — сказал Вит, махнув рукой. — Не надо их переоценивать. Идем, что ли?

Саша подобрал с земли сумку, закинул на плечо.

— А с тебя две штуки, — сказала ему Яна. — Твой же ритуал был, ты и платишь.

— Ладно, — пожал плечами Саша. — На финале отдам, окей?

— Естественно, — фыркнула девушка. — Куда ж ты денешься.

— Странно все это, господа, — вполголоса сказала Лена. — Сдается мне, где-то есть утечка информации. Или этим остолопам спустили приказ «сверху» — поставить под наблюдение все места силы. А это значит, что против нас играет некто чуть более осведомленный, чем средний обыватель.

— Тем интереснее Игра, — сказала Аша, и напряженно, зло рассмеялась. Смех ее будто рассыпался колючими льдинками в воздухе.

— А это... куда на финал приходиться? — максимально беспечным тоном поинтересовался Саша, прощаясь с компанией на перекрестке — многие разъезжались на такси, ну а ему здесь было не так уж и далеко пешком.

— Ты узнаешь, — ответила Яна и отвернулась.

«Все-таки, она мастер?» — думал Саша, быстрым шагом двигаясь по ночной улице. Холодный ветер нахально забирался под куртку, заставляя ускориться. «Но они все ведут себя так, будто в компании нет лидера... каждый имеет право голоса».

В подъезде он шагнул в услужливо раскрывшийся лифт, запоздало удивившись, что спустившийся в нем человек не выходит. А когда двери захлопнулись, обнаружил себя наедине с Игорем, уже не изображавшим милиционера — он успел переодеться в что-то нейтральное.

— Что это было? Во время зарядки амулета? — отрывисто спросил он.

— Воспоминания маньяка, — так же коротко ответил Саша, понимая, что время дорого. — Там недавно еще одну убили. Тот же.

— Блин, проглядели же. Оттуда такой выброс пошел, мы аж занервничали, — Рогозин внимательно посмотрел на него. — Все нормально?

— Да вроде, — Саша пожал плечами. Лифт звякнул, оповещая о прибытии на нужный этаж.

— Ладно... до связи. Удачи, — майор коротко, по деловому обнял его и выскочил на площадку — Саша растерялся и даже не успел среагировать. Захлопнув за собой дверь квартиры, он прислонился к ней спиной и долго прислушивался, пытаясь уловить эхо его шагов по лестнице.

Ужасно хотелось, чтобы Игорь мог сейчас зайти — и остаться хоть ненадолго. Рассказал бы еще пару бредовых историй из своей бурной молодости, например... Но нужно было соблюдать конспирацию — неизвестно, как далеко простираются возможности противника в области слежки за отдельно взятым человеком. Удивительно, как это майор вообще решился на такую вот встречу в лифте. Хотя, наверное, лифт как маленькое замкнутое пространство легче отгородить каким-нибудь защитным полем, например...

Вздыхнув, Саша отлип от двери и поплелся на кухню — успокаивать нервы ромашковым чаем, секретный рецепт ГРУ, как-никак.

До ночи Самхейна, в простонародье называемого Хэллоуином, оставалась неделя.

Глава 3. Часть 6.

От начала времен город окружала Стена. Это архитектурное сооружение было столь выдающимся в своих масштабах, что жители предпочитали говорить и даже думать о нем с большой буквы. Никто не знал ее назначения, никто не задумывался о том, что лежит за ней. И Саша ни за что не задумался бы, если б не услышал тихий, на грани чувствительности человеческого уха, мелодичный звон, доносившийся из-за Стены. Он подлетел ближе и приложил ухо к шершавой каменной поверхности. Звон напомнил ему о китайских колокольчиках, что продаются в одном павильоне на рынке, и еще — о тех бубенцах, что вешают на шеи лошадям.

«Здесь должна быть дверь» — подумал он, скользя вдоль стены усилием мысли. «Или даже — Дверь. Как же иначе?»

И камень под его ладонью неожиданно поддался нажиму, увлекая за собой соседние. Плавно и бесшумно, словно под действием неведомого механизма, часть стены отъехала в сторону, открывая проем, затянутый розоватым туманом. Звон колокольчиков стал громче. Словно замороженный этим звуком, парень шагнул вперед, и тут же на него обрушилась волна воспоминаний. В частности, он вспомнил, что происходящее — сон. И что стена в его снах была не всегда, а появилась чуть больше недели назад, усилиями Rogozina и Оли. И что ему вообще-то категорически не рекомендуется за эту стену выходить.

— У тебя отличная защита, — произнес смутно знакомый нечеловечески-шипящий голос. — Скажешь, сам сделал? Не поверю.

Из тумана показалась темная фигура — ни очертаний, ни лица не разглядеть.

— Я... — Саша временно потерял дар речи, осознав, в какой ситуации оказался. — Не сам. Это мой... мой наставник.

-Как интересно. И он разрешил тебе участвовать в Игре?

— Он... не знает.

«Это же мастер, наверняка он» — с трепетом подумал Саша. «А я тут один, без защиты... а он уже все понял и сейчас просто избавится от меня? Или нет?»

Существо перед ним захихикало, тоненько и как-то по-женски.

— Ну молодец. Надеюсь, он тебя как следует отшлепает, когда узнает.

Саша очень постарался выключить воображение, но соответствующая картинка в голове промелькнуть успела, и он невольно хихикнул в ответ.

— Финал будет в старой котельной, что за ботаническим садом. Лучше приходи заранее, за полчаса примерно, — нейтральным тоном сказал мастер, и его силуэт растаял. Саша повернулся, надеясь найти дверь и вернуться обратно в легкомысленно-приятный сон, но

никакой двери не было и в помине — только розовый туман во всех направлениях.

«Спокойно» — сказал он себе, чувствуя, как сердце тревожно колотится о ребра. «Я же сплю. Я сейчас проснусь. Я открываю глаза... открываю...»

Через несколько пугающих мгновений, когда ему показалось, что свинцово-тяжелые веки никак не хотят подниматься, и тело не повинуется сигналам мозга, Саша все-таки вскочил, рывком распахнув глаза.

«Всегда ставь будильник» — советовала ему Оля. «Даже на выходных. Просто чтобы быть уверенным, что проснешься».

Потянувшись к телефону, Саша понял, что пресловутый будильник он умудрился проспять. Придется сделать звонок погромче, на будущее.

«31 октября» — возвещала надпись на дисплее телефона. Финал Игры. Конец спецзадания. Уже завтра исчезнет надоевшая стенка во снах, за которую даже Оля не проникала — чтоб не нарушать конспирацию. А главное, прекратится наконец эта вынужденная изоляция наяву...

За прошедшую неделю жизнь парня вошла в привычную колею, вернувшись к формату учеба-сон-посиделки за компьютером. Разве что, добавились ежедневные упражнения на концентрацию, во время которых Саша старательно укреплял свои «щиты». Пропущенный семинар он с блеском заменил рефератом, лекции переписал у однокурсников, а злобный Крыс вместо устного опроса дал контрольный перевод, и всю пару сидел тише воды, ниже травы. Те несколько сумасшедших дней, проведенных в Отделе, вспоминались как яркий, но нереальный сон. Если б не лежащий в тумбочке пистолет, да стена во снах...

За эту неделю Саша понял одну важную вещь — так больше жить нельзя. Что бы там ни говорил Игорь об опасности сойти с ума, занимаясь эзотерикой — гораздо вернее сойдешь с ума, ежедневно курсируя по одному и тому же маршруту, механически и бессмысленно. Так можно всю жизнь проходить в один и тот же университет, сначала прилежно записывая лекции, потом — их читая...

Отчаянно хотелось чего-то — бунта, взрыва, тайны, страсти... чего угодно, лишь бы вырваться за пределы обыденности. Саша механически выполнял все то, что когда-то казалось ему самой жизнью, и ждал финала. По вечерам он повторял йоговские пранаямы — дыхательные упражнения — и учился чувствовать между разведенными ладонями пульсирующий энергетический «шарик». И пытался, покачивая самодельным маятником над бумажками с именами, определить, кто же из его новых знакомых — тот самый Мастер? Но подвешенная на веревочке гайка качалась во все стороны хаотически, ничего не сообщая.

Он быстро отправил смску с полученной во сне информацией, не забыв упомянуть о том, что мастер выманил его из-за стены. Защита в виде стены была поставлена на всякий случай, кто же мог подумать, что мастеру приспичит сообщать информацию о ритуале именно во сне? Что ж, по крайней мере — задание выполнено...

Саша помнил, что ему на финальный ритуал идти не нужно. Да и вряд ли от него там могла быть хоть какая-то польза. Наверняка, вокруг этой котельной уже сидят по кустам бойцы Аркадия... вот соберутся там юные культисты к полуночи, тут-то их всех и накроют, посадят в отдельные комнаты и допросят как следует... наверное. Точных планов, конечно, ему никто не сообщал — так безопаснее. Жаль, что не удалось вычислить мастера, ну ничего, куда он не денется, от таких спецов как Игорь и его команда...

Так что, Саше оставалось только ходить целый день кругами по комнате, и волноваться — благо, день-то выдался выходной. Волноваться за успех операции в целом, и за ее командира в отдельности. Конечно, он прекрасно понимал, что у Рогозина все продумано давным-давно и в нескольких вариантах. И все равно, лезли в голову всякие глупости. Например, представлялось Саше, как он неким загадочным образом узнает, что операция сорвана, все пошло не так... прибегает в эту злосчастную котельную, размахивая пистолетом, и всех спасает. Ну, или, как минимум, спасает майора. Желательно от какого-нибудь страшного чудища с тентаклями... тьфу ты, с щупальцами, то есть.

Впрочем, по здравом размышлении, эту идею он отбросил, потому как рассудил, что гипотетическая ситуация, в которой Игоря действительно придется спасать, будет, пожалуй, требовать эвакуации половины города. Куда уж тут студенту с пистолетом, который он третий раз в жизни в руках держит.

Однако, рыцарским порывам парня не дали пропасть почем зря. Стоило ему немного успокоиться и завалиться на безбожно скрипящий диван с книгой в руках, как позвонила Катя.

— Помнится, — сказала она насмешливо-дразнящим тоном, — ты когда-то собирался пригласить меня в кино.

— Собирался, — подтвердил Саша, и от растерянности сел обратно на диван, с которого вскочил было в поисках телефона.

— Ну так, может, сходим? Сейчас мультик какой-то смешной показывают, девчонки ходили... Я вот сегодня свободна.

«Именно сегодня. Почему?» — несмотря на радость, Саша не оставлял своей привычки все анализировать. «Катя не в игре, ее просто использовали... верно?»

— Знаешь, я удивлен, — сказал он, стараясь сохранять нейтральный тон. — Вроде не так давно ты не хотела иметь со мной ничего общего? Почему вдруг такая перемена?

— Ну Саань, ну не дуйся ты, — в трубке хихикнули. — Ну психанула слегка. Подумаешь, менты какие-то за тобой гонялись... да хрен с ними. Даже если и гонялись за дело, это даже прикольно. Рисковые парни, это круто, вау!

Голос девушки был теперь откровенно ненатуральным. Саша остро почувствовал — его обманывают.

— Сегодня не могу, учить много на понедельник, извини, — довольно резко ответил он, и уже собирался прервать связь, когда услышал, что Катя быстро затараторила в трубку, сразу сменив тон:

— Саш, ну ты чего, подожди, постой, мне правда поговорить надо. Слушай, у меня проблема, на самом деле, просто не с кем поговорить, я точно знаю, ты меня поймешь! Давай встретимся, пожалуйста, я не хочу по телефону, Саш, я боюсь, помоги мне...

Может, лекции Катя и прогуливала, но психологом она была отменным — что есть, то есть. Даже понимая, что, может быть, девушка преувеличивает масштабы своей загадочной «проблемы», и откровенно давит на жалость, Саша не мог ей отказать. Все его представления о благородстве сейчас встали на дыбы, требуя немедленно нестись спасать прекрасную даму. Видимо, в душе каждого потенциального рыцаря есть почетное место для канонического белого коня. И когда симпатичная женская особь в пределах досягаемости умело имитирует

беспомощность, управление мозгом моментально переходит к тому самому коню.

— Ладно. Сейчас приеду, — вздохнул парень и потянулся за курткой. А потом — за пистолетом в тумбочке. На всякий случай. Ему же говорили — быть в этот день предельно осторожным.

— Я не дома, я в центре, — радостно начала объяснять Катя. — У фонтана, помнишь, где мы весной сдачу сессии отмечали?..

Фонтан Саша помнил, и нашел довольно быстро. Его однокурсница сидела на лавочке, нервно обхватив себя руками, и оглядывалась по сторонам.

— Привет, — Саша остановился напротив нее, пригляделся внимательней. Вроде бы не плачет.

— Саш, прости, они меня заставили... — прошептала девушка, и в ту же минуту он ощутил, как под ребра сзади ткнулось что-то твердое. Пистолет? Похоже, юные поклонники Азатота вовсе не пренебрегали грубоматериальным оружием, вопреки предположениям майора...

— Пойдем. И ты тоже.

Их окружили быстро и почти профессионально — со стороны это, наверное, выглядело как обычная встреча приятелей.

— Вы же обещали меня отпустить! — Катя сорвалась на крик, но ей быстро заткнули рот. Саша узнал Вита — тот был в извечном своем готическом прикиде. Зажимая девушке рот, он улыбался, демонстрируя случайным прохожим, что все это игра, не всерьез, проходите, мол, не обращайтесь внимания... Впрочем, никто и не порывался им помочь. Люди, спешащие по бульвару, отворачивались и даже ускоряли шаг. То ли геологи применили некую магическую технику «отвода глаз», то ли человеческое равнодушие и нежелание вмешиваться укрывали их темные дела надежнее любой магии.

— Давай, топай, — Сашу толкнули, и он только теперь увидел, что в нескольких шагах от него в стене напротив фонтана зияет черный провал открытого люка. Его держали за руки, и вырваться варианта не было, так что он послушно протиснулся в узкую дверцу вслед за одним из своих конвоиров. Следом втащили упирающуюся Катю, и дверь захлопнулась.

Это было, наверно, какое-то техническое помещение для обслуживания фонтана — почти все пространство занимали какие-то трубки и механизмы. Подгоняемый стволом в спину, он пошел по узкому проходу вперед. Света было очень мало — только кто-то впереди светил мощным фонарем под ноги, так что Саша рискнул потянуться к своему пистолету.

— Не ловит тут мобильник, не дергайся, — хохотнули сзади, и он, убедившись, что его за его движениями следят, оставил попытки.

Подземный ход был до странности длинным, и вел под небольшим уклоном вниз. Бетонные стены внезапно сменились кирпичной кладкой, запахло землей и сыростью.

«Вот и катакомбы, те самые» — подумал Саша, лихорадочно пытаясь сообразить, куда его ведут. «Может, эта их котельная связана с катакомбами? Если мы вообще туда идем... Без паники, только без паники. Наши уже знают место ритуала. Меня найдут. Отследят, в конце концов, мобильный по спутнику... а, черт, какой спутник, мы же под землей, тут никакой связи.»

— Суки вы, — захныкала Катя где-то сзади. — Я же сказала, что не хочу в этой вашей игре

участвовать. Совсем ошизели, ролевики долбаные.

— Ты и не будешь, — Саша узнал голос Яны. — Ты не игрок.

— Тогда куда вы меня тащите?!

— К мастеру, — ответила девушка холодно. — Он разберется.

— Да не надо ни в чем разбираться! Отпустите меня и все! Я в ваших играх не участвую! Вы что, меня похитить решили? Деньги нужны? Янка, блин, ну что вы такое творите? Это же я... мы же с тобой...

— Да заткнись ты, мясо, — рявкнул кто-то из парней, и у Саши непроизвольно сжались кулаки.

— Да ты... Ты хоть знаешь, кто мой папа? — прошипела Катя, но, не дождавшись ответа, снова начала всхлипывать: — Суууки...

Проход наконец-то стал расширяться, плавно перетекая в огромный, судя по гулкому эху, зал. Саша с удивлением обнаружил, что в центре зала горит костер.

«Они с ума посходили, мы же тут все задохнемся, в закрытом-то помещении» — с ужасом подумал парень и нервно втянул носом воздух. Но, как ни странно, атмосфера пока была пригодна для дыхания.

— Не пыти, не задохнешься. Видишь — труба наверх выходит, — знакомым уже прокуренным баритоном сказала Лена, сидевшая у костра. Саша проследил за ее взглядом и увидел, что в потолке прямо над кострищем действительно есть железная труба, в которую втягивается дым.

— Да ты садись, не бойся. Не съедим. Пока что.

Девушка — или все-таки не девушка? — махнула рукой, приглашая его сесть к костру. Саша осторожно опустился на корточки, опасаясь садиться на влажный земляной пол.

— Вопросы? — с ухмылкой сказала сидящее у костра существо.

Вопросов было много, но Саша, видимо, от растерянности, выпалил первое, что пришло в голову:

— Слушай, ты извини, конечно, но ты парень или девушка?

Лена рассмеялась, и остальные поддержали смех, множа гулкое эхо в подземелье.

— Я Адам Кадмон, совершенный андрогин, единый в свой целостности, — выдала она наконец. Саша нахмурился, припоминая, где же он слышал это имечко. Перчовеловек в каббалистическом учении, что ли?

— Пи**ец вы е**нутые, — выдохнула Катя где-то за спиной, окончательно теряя остатки своего романтического образа в Сашиних глазах. — И зачем я с вами связалась?

— Потому что в Фарика втрескалась, — невозмутимо сказала «Лена».

— Даа? И где он, интересно? — истерически рассмеялась девушка.

— А вот это нам Саша сейчас расскажет... если хорошо попросим, — лукаво ответило это

непонятное существо.

— Что? — Катя взвизгнула истерически, видимо, окончательно потерявшись в происходящем абсурде. Стоявшая рядом Аша поморщилась и неожиданно врезала ей по лицу.

— Заткнись, достала, — проворчала она. — Блин, как долго я мечтала это сделать...

Саша дернулся было к подруге на помощь, но на его плечо тут же надавила тяжелая рука кого-то из парней, вынуждая сесть обратно.

— Вот на этом все тебя и ловят, — сказала «Лена», отстраненно глядя в пламя костра. — На благородстве. На желании спасти, оберегать, совершать подвиги, и прочее, и прочее. Сначала — эмоциональная привязка. Потом — имитация беспомощности. Действует безотказно. Такие бабы, как Катя вот, из таких, как ты, веревки вьют и коврики для ног плетут. Но они это делают неосознанно. А вот такие, как этот твой... как ты говоришь, наставник? Вот кто манипулятор высшего класса, надо думать. Отправил тебя сюда, одного, с голой жопой, можно сказать...

— Никто меня не отправлял, — заспорил Саша, чувствуя, как сердце бешено колотится в груди — «Меня раскрыли!».

«Лена» только фыркнула.

— Ну да. За неделю до финала появляется, значит, как чертик из коробочки, весь такой из себя талантливый юноша, проявляет небывалую осведомленность, на заявленном им ритуале тусуются какие-то странные менты, которых хрен прощупаешь... А мастер такой дурак, что проглотит наживку и не поморщится, да? Чувак, очнись. Тебя подставили. Тебя использовали. И мне страшно интересно, зачем.

— Я... ничего не знаю, — прошептал Саша, чувствуя, что в глазах темнеет от услышанного. Нет, не может быть... его просто хотят раскрутить на информацию, поэтому...

— Это их стиль, — сказала «Лена», глядя на него сочувственно. — Использовать пушечное мясо, прикрываться пешками из числа непричастных. Не знаю, как именно зовется та контора, что тебя завербовала, только стиль у них у всех один и тот же. Они хотят контролировать все, чтоб без их санкции никто пикнуть не смел, и носа высунуть в какой-нибудь астрал — не смел... А человечество развивается, этого они не учли, а? Новые поколения уже не удержать в старых рамках.

Саша смотрел на сидящее перед ним существо и думал о странном ощущении, что крепло внутри с каждой минутой. Ему казалось, что губы «Лены» шевелятся с некоторым опозданием, не попадая в произносимые слова. Точно звук на видеозаписи сдвинулся. И в целом, создавалось впечатление, что с ним говорит нечто, нацепившее человеческое тело, точно плохо подогнанный скафандр. Саша понимал, что это, скорее всего, его больное воображение так интерпретирует неприятный образ, но мысли эти помогали отвлечься от иного. От рассуждений о том, как очевидно его подставили. Или это все-таки ошибка в расчетах?

— Мы за свободу, — вещала «Лена», сверкая глазами — или это блики от костра причудливо играли в темных зрачках? — Свободу для силы и свободу для сильных. Никто больше не посмеет тебя цинично использовать в своих схемах, слышишь? Всего-то и надо — принять, как аксиому, что мир принадлежит тебе по праву...

— Никто меня не использует, — упрямо повторил Саша. А что еще ему оставалось отвечать? Согласиться с «Леной», порыдать всласть на ее обманчиво-женской груди и идти расчленять

черных кошек?

— Саш, — укоризненно произнесла «Лена». — Ну брось ты себя обманывать. Мы ведь за тобой следили. Память твою я просматривал, в первый же день. Это когда ты сидел, слюни пускал и себя пистолетом гладил, чуть не кончил. Такой вот побочный эффект перепросмотра прошлого. Я еще думал, заставить, что ль, мальчика трахнуть себя пистолетом, или пожалеть? Перестань. Тебе же задурили голову, подцепили на эмоциональный крючок. Наши предки это называли коротко и емко — приворот. И ты радостно кинулся в пекло, пытаешься кому-то что-то доказывать, добиваться, демонстрировать, что достоин оказанной чести...

«А говорит о себе в мужском роде» — отметил про себя Саша. Вникать в смысл слов не хотелось, поэтому он старательно анализировал их форму.

Посмотреть чужую память? Игорь говорил ему, что это невозможно, как и прямое чтение мыслей. Вот заставить человека интенсивно переживать недавние воспоминания — это можно. Можно при этом считывать его физические ощущения, о чем-то догадываться, сопоставлять... А потом выдавать это за чтение памяти.

Опытный сенс, каковым, без сомнения, можно было теперь смело считать «Лену», может настолько концентрироваться на чьем-то образе, что уловит отголоски его чувств и ощущений... но не мыслей.

Это, конечно, если верить тому, что говорил Rogozin. Если ему вообще можно верить.

«А еще я не извращенец, ура» — вылезла откуда-то дурацкая мысль. «Просто искусственно усиленные воспоминания... о чувствах, тоже искусственно наведенных, так? Похоже, все, кому не лень, копаются в моей голове, и я ничего не могу с этим поделать».

— И что ты предлагаешь? — спросил он, перебив собеседника.

— Предлагаю рассказать все, что знаешь, и участвовать в игре добровольно. Потому что ты все равно будешь участвовать, так или иначе, пути назад нет.

— Я бы и так пришел в эту вашу котельную, — мрачно буркнул Саша. — Зачем такие сложности?

— А ты и правда считаешь, что игра пройдет в котельной? — рассмеялась «Лена». — Никого там не найдут твои товарищи. Только один неприятный сюрприз от меня.

— А... где тогда? — переспросил Саша, и тут же, спохватившись, добавил: — И нет у меня никаких товарищей...

«Они не могут точно знать. Только предполагают, и блефуют, основываясь на предположениях.»

— Ты не сам пришел в Игру, — жестко сказал его собеседник. — Кто тебя направил?

— Мой... учитель, — Саше казался дурацким этот термин, как и «наставник», но как-то же нужно было оправдаться, на ходу сочиняя новую «легенду»? — Ему было интересно, справлюсь ли я... Он знал Юрика, он же ему рассказал про Игру... перед смертью.

— Хорош учитель, — фыркнул за спиной Вит. — А если он тебе прикажет под поезд, например, прыгнуть? В качестве проверки?

Саша только пожал плечами.

— Порой мы слишком полагаемся на чужой авторитет, — вздохнул мастер, отворачиваясь. Непонятно было, поверил он или нет. — Тебе самому сейчас не противно? Быть пешкой в чужой игре?

— А лучше быть пешкой в вашей... Игре? — Саша намеренно выделил голосом последнее слово.

— В нашей Игре лучше быть чуть более заметной фигурой, — усмехнулась «Лена», вставая. — Хочешь быть... конем? Или слоном?

«Офицером» — невпопад подумал Саша. «Шахматных слонов мы в детстве называли офицерами».

— Я не взял свой амулет, — сказал он, тоже поднимаясь на ноги.

— Ничего, тебе будет, чем заняться на финальном ритуале, с пустыми руками не оставим. Пойдем...

С каждым новым поворотом Саша все больше утверждался в мысли, что их не найдут. Невозможно было выследить кого-то в этом сюрреалистическом лабиринте. Казалось, вся подземная территория города была пронизана сетью тоннелей — то старых, с кирпичными стенами и закопченным факелами потолком, то неожиданно-современных, с проводами на стенах и остатками каких-то коммуникаций. Судя по запаху, пару раз эти тоннели пересекались с канализационными; иногда под ногами хлопала чистая, но ледяная вода, и Саша с завистью косился на непромокаемую обувь своих спутников — он-то был в кроссовках.

Пистолет у него отобрали, а вот мобильник оставили. Периодически парень с надеждой поглядывал на экран, но связи не было — они слишком углубились под землю.

— Так ты не знаешь ничего про Фарика? — спросила его Аша, вдруг обернувшись на ходу — она шла впереди.

— Не, я его видел-то всего два раза... а что с ним? — Саша, как мог, изобразил недоумение.

— Пропал, — вздохнула девушка. Вроде бы она даже искренне переживала за товарища. Саша уже хотел было ей посочувствовать, но вовремя вспомнил, как она ударила Катю. Кстати...

— А зачем вам Катя? Она же не хочет играть...

— Она много знает, — пожала плечами Аша. — Видела лишнее. Хотела зайти в игру, но испугалась. А пути назад-то нет.

— И... что вы с ней сделаете?.. — прошептал Саша.

— Не болтай ты с ним — посоветовали из-за спины, и девушка отвернулась, не ответив.

«Не убьют же?» — испуганно думал Саша, пытаясь сочинить хоть какой-нибудь план побега для себя и Кати. «Они же люди, просто студенты, такие, как я... разве они способны на хладнокровное убийство? Хотя вот эта Лена... Человек ли она вообще? Или все-таки «он»... хотя если не человек, то какая разница... но кто тогда? Бред...»

Для финального ритуала был выбран довольно большой круглый зал, с постаментом в центре. Помещение производило впечатление обжитого — здесь даже фонари висели на вбитых в стену

крюках. Фонари, конечно, переносные — впрочем, Саша не сильно удивился бы, узнав, что эти энтузиасты и электричество сюда провели. Судя по состоянию некоторых тоннелей и помещений, они давно здесь освоились, чуть ли не жили постоянно.

Людей было много, больше, чем на предварительном ритуале — человек пятьдесят, наверное. С виду все — молодежь и студенты, никак не старше тридцати, многие — неформального вида, в косухах и тяжелых ботинках. Он оживленно переговаривались, обсуждали что-то, смеялись. Атмосфера была радостной, точно на вечеринке, и с трудом верилось, что эти люди могут совершить что-то действительно страшное. Саша искал взглядом Катю, но не увидел ее. Зато увидел свой пистолет — в руке Аши. Та копалась в спортивной сумке, стоявшей у стены — что-то искала. Заметив взгляд парня, она тут же отвернулась, застегнула сумку и положила сверху пистолет. И... отошла. Саша удивленно уставился ей в спину. Быстро огляделся — никто на него не смотрел. Тогда он быстро шагнул к сумке, схватил оружие и сунул за пояс, прикрыв курткой. Не то чтобы он строил иллюзии, что сможет вырваться отсюда, угрожая пистолетом... Пока что его основным планом было «действовать по обстоятельствам». А обстоятельства вдруг начали проявлять к нему благосклонность. Что это было — проверка? Неожиданная помощь? Может, есть раскол в рядах участников Игры, и не все беспрекословно подчиняются мастеру?

— Время, господа. Давайте начинать! — разнесся по залу уверенный голос «Лены».

Все повернулись лицом к постаменту, образуя круг. Мастер, вопреки ожиданиям, не вышел в центр — он оставался где-то во мраке одного из боковых входов, раздавая указания оттуда.

— Если кто-то озаботился созданием защитных амулетов, с этого момента разрешено их активировать. Да начнется Игра!

По рядам прошло легкое шевеление — кто-то вешал на шею самодельные кулоны, кто-то поправлял фенечки на руках. Саша вздохнул. Он не знал, можно ли было использовать заряженный им деревянный брусок в качестве защиты, или только для основной цели игры, но — в любом случае, жаль, что он не сунул его в карман, выходя на свидание с Катей. Кто ж знал...

— Для открытия врат приглашается... Корвин!

Невысокий парень в длинном плаще вышел вперед, поклонился присутствующим, вынул из кармана небольшой белый сверток, положил его на постамент и поджег.

— Это травы, собранные мной на священном холме друидов. Я использую их для открытия врат!

Сверток внезапно вспыхнул ярче, точно в нем был порох. Саша почувствовал, что в воздухе возникло неясное напряжение.

— Пятнадцать, — сказал мастер. — Для открытия врат приглашается... Змей!

Коренастый парень слегка бандитской внешности выложил на постамент что-то продолговатое — Саша не сразу понял, что это кость.

— Большая берцовая кость самоубийцы, вываренная должным образом, с луком и приправами, чтоб не так воняло! — хорошо поставленным голосом произнес он и отвесил публике шутовской поклон. По залу прокатились смешки.

— Хорошо ему, он в морге работает, — завистливо прошептал кто-то рядом.

— Двадцать пять, — с одобрением в голосе прокомментировала «Лена». — Для открытия врат приглашаются братья Шуваловы!

Через некоторое время Саша уже составил полное представление о процессе Игры. Участники по очереди активировали свои «заготовки», коротко объясняя присутствующим, что это и откуда. Комментарии часто бывали шутливыми, иногда начинались бурные обсуждения. Все это выглядело бы как скучноватая ролевая игра, если б не напряжение, которое ощущалось все сильнее. Круг из предметов на постаменте все ширился, и от него исходили прямо-таки физические вибрации. Воздух над ним точно искрился, и Саша уже не был уверен, видит он это глазами или неким «вторым зрением». Когда свои артефакты добавили Вит и Яна, над кругом загорелось ровное белое свечение — словно невидимая лампа повисла в воздухе.

Цифры, которые называл Мастер, означали, видимо, силу артефактов. Один парень, стоявший напротив Саши, бледнел с каждой называемой цифрой — он, похоже, был главным кандидатом на проигрыш, потому что его результат был самым низким.

— Да откроются врата! — рявкнул очередной игрок, выплескивая из бутылки какую-то приторно пахнущую жидкость. Белое пламя вспыхнуло ярче, и Саша расслышал явственное гудение, точно от трансформаторной будки.

«Они же сейчас и правда что-то откроют, мамочки» — подумал он с ужасом, но и с некоторым азартом — его захватило приподнято-нервное настроение окружающих. Все ждали чего-то, во что искренне верили...

— Для открытия врат приглашается Александр Грачев!

«Откуда они знают мою фамилию?» — в панике подумал парень. Большая часть присутствующих скрывалась под никами, явно взятыми из популярных книг и игр...

Его вытолкнули к постаменту, и невесть откуда взявшаяся «Лена» протянула ему нож — обычный кухонный нож, довольно длинный. Саша взял его, растерянно глядя на мастера.

— Его артефакт... — непонятное существо напротив растянуло губы в улыбке. — Девушка Катя, девятнадцать лет, к сожалению, не девственница, но не будем мелочиться, это нынче редкий продукт!

Игроки засмеялись, но звучал этот смех несколько растерянно. Многие явно не ожидали такого поворота.

— А что он с ней будет делать? — наивно прошептал кто-то.

— Да уж не трахать, наверное... — ответили ему.

Катю вытащили в круг, со связанными руками и завязанным ртом. Глаза у нее были совершенно сумасшедшие.

— Давай, — сказала «Лена», ободряюще кивая ему. — Я бы не всякому предложил, но у тебя, я вижу, есть задатки. Ты умеешь здраво оценивать ситуацию. В прошлые годы нам все чего-то не хватало, чтобы открыть врата полностью... Теперь у нас есть возможность выйти на новый уровень.

«Выйти на новый уровень. Так думал тот маньяк...»

— Давай, ты уже знаешь, как это делается, — «Лена» подмигнула ему, словно и вправду прочитав его мысли. — У тебя есть память того безумца, что попусту расходует человеческие жизни... Он всего лишь вампир-наркоман, который разучился жить без чужой энергии, и нужно ему все больше и больше... Но кровь уходит в землю, оставляя ему лишь малую часть. Здесь же — ни капли не прольется мимо. Ну же!

Саша склонился над Катей, с болью рассматривая царапины и синяки на ее коже — девушку как будто лицом по земле волочили. Ему хотелось поцеловать ее в лоб, прежде чем достать пистолет — это было бы чертовски красиво, в лучших традициях Голливуда.

«Успокойся, ты, Брюс Виллис недоделанный» — сказал он себе иронически и перекинул нож в левую руку, точно примериваясь, а потом выхватил оружие из-за пояса. Наверное, это было очень медленное и неловкое движение — одной рукой держать пистолет нелегко.

— Не пристрелить, — улыбаясь, сказала существо, играющее роль мастера. — Зарезать — так больше крови.

Направленное на него дуло пистолета, кажется, нисколько его не смущало.

— Всем стоять! — крикнул Саша, чувствуя, что голос дрожит и срывается. Он бросил нож и наконец ухватил оружие двумя руками. — Стоять, или я ее убью! То есть... его!

Кажется, вот это ремарки всем и не хватало, чтобы зайти в истерическом ржаче.

— Ты стрелять-то умеешь, уебище? — крикнул кто-то из толпы, и Саша развернувшись, выстрелил. Пуля ушла куда-то далеко над головами игроков — он так и не смог направить оружие в людей, и, в последний момент, дернул рукой вверх.

Грохот выстрела, мгновенно подхваченный эхом, заставил многих схватиться за уши и рефлекторно пригнуться. Саша тоже растерялся, оглушенный звуком, и в следующее мгновение его сбили с ног, выбив из руки оружие.

— Достаточно, — голос мастера он услышал, точно сквозь вату. — Не хочешь быть игроком — будешь проигравшим. Ноль!

Медленно, точно в замедленной съемке, рука «Лены» с ножом двигалась к груди Кати, которая, кажется, уже потеряла сознание от ужаса. Саша прыгнул на нее, неловко оттолкнувшись от пола, вцепился в руку и чуть не заорал от ужаса и отвращения — холодная, скользкая плоть под его пальцами явно не имела ничего общего с человеческой кожей, и от прикосновения расплзлась, точно переваренное мясо. Его отшвырнули едва ли не на несколько метров, он вскочил на ноги и увидел, что Аша повисла на спине мастера, пытаясь заломить руки этому существу...

Грохот, раздавшийся следом, заставил всех повернуться к постаменту — видимо, игроки все-таки считали свои «Врата» главным источником опасности, раз ожидали подобных звуков именно оттуда.

И только Саша понял, что это была автоматная очередь, и топот множества ног в тяжелых армейских ботинках. Он бросился на пол, прикрыв голову руками — именно так ему советовали делать в случае атаки «силовиков». Правда, речь тогда шла не о финальном ритуале...

Помещение заполнилось невообразимым шумом, грохотом, криками. Приподняв голову, Саша осторожно огляделся. Здоровые парни в камуфляже оперативно оттесняли игроков к стенам, а

в центре зала бесновалось яркое белое пламя, на фоне которого угольно-черными контурами выделялись несколько фигур. «Лена» в своем балахоне — или не своем, его, похоже, игроки носили по очереди. Вит — его длинные волосы развевались, точно от ветра. Он держал еще кого-то из девушек, но не Катю... неужели Аша? В руке парня блеснул кинжал... Картинки мерцали перед глазами, как в стробоскопе. На постамент запрыгнул кто-то из мужчин, с оружием, ударил Вита, но тот успел полоснуть ножом девушку. От брызг крови пламя в воздухе вспыхнуло совсем уж нестерпимо. Мастера схватили сразу двое, Вит сцепился с ударившим его...

— Выводи их наружу! — крикнул кто-то. Сашу рывком подняли с пола — грубо, за шиворот.

— На выход! — приказал ему высокий парень в форме, ткнув в плечо стволом. На плече его красовалась нашивка — эмблема с хищно оскалившимся динозавром. «Ящеры», вспомнил Саша. Название спецотряда... есть вот «Беркут», а эти — «Ящер».

— Я с вами... — выдохнул он, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь за широким плечом спецназовца. — Я из отдела... по заданию Рогозина...

— Сказали, всех наружу... — проворчал боец, но ствол опустил, и шагнул в сторону, подхватывая кого-то из игроков. Саша заметил, что Катю кто-то уже подхватил на руки и унес — хорошо, хоть она будет в безопасности...

Пламя над постаментом пульсировало теперь, точно живое. Саша окончательно перестал понимать, что происходит в реальности, а что — отражается в его сознании в виде «картинок», о которых говорил Игорь. Потому что из этого пламени лезло что-то, отдаленно напоминавшее тварь на Катиной кухне — только больше, и перед собой это существо гнало волну панического ужаса. Саша почувствовал, как ноги становятся ватными и отказываются шевелиться. На теле выползающего существа вдруг вспыхнула россыпь мерцающих точек, которые стремительно увеличились и в одно мгновение превратились в тысячи распахнутых глаз. Саша закричал бы от ужаса, но не мог даже открыть рот — его точно парализовало. На возвышение вновь запрыгнул Вит и занес кинжал над лежащей девушкой... Во вспышке света Саша увидел вдруг Игоря, который запрыгнул следом и резким движением ударил парня по горлу. Саша не сразу даже осознал, что в руке у майора ничего не было — тот пальцами пробил артерию геолога, и быстро отбросил тело в сторону, стараясь, видимо, чтобы хлынувшая кровь не попала в портал. Он словно не замечал тварь, которая уже потянулась к нему многоглазым щупальцем...

Саша рванул было к нему, но ноги подкосились, и он упал, больно ударившись плечом. И увидел, как «Лена» внезапно вырывается из рук двоих спецназовцев, уводивших ее в один из коридоров, и бросается к «вратам» одним гигантским, нечеловеческим прыжком. Ее силуэт на фоне пламени застыл на секунду в воздухе, точно мгновенный фотоснимок... а потом исчез. И вместе с ним погасло пламя.

Кое-как поднявшись на ноги, Саша подошел к постаменту... и только теперь понял, что бетонное возвышение не было монолитным — это были стенки гигантской трубы, уходящей вниз. На дне ее плескалась темная блестящая вода...

— Куда, бл*ть! — услышал он за спиной и дернулся, но реплика была адресована не ему. Аркадий с крайне раздраженной физиономией стаскивал Игоря с постамента.

— Сейчас веревку принесем и посмотрим, что там, не дури.

— Можно подумать, я туда прыгать собирался, — огрызнулся майор.

— А похоже было, — парировал глава «Ящеров», отходя в сторону.

Саша робко посмотрел на шефа. В неровном свете фонарей, с забрызганным чужой кровью лицом, тот вовсе не выглядел человеком, которому можно без риска для жизни броситься на шею, радуясь встрече.

— Игорь Семенович... — осторожно сказал он, подходя ближе. — Она это мастер... была.

— Да я понял уже, — майор устало вздохнул, провел ладонью по лицу и с удивлением уставился на нее, словно только что заметив кровь на руках. Повернувшись, он окинул парня быстрым взглядом. — Ты-то как, живой?

— Да, похоже не то, — Саша улыбнулся и развел руками.

— Ну-ка посторонись... — его оттер плечом в сторону крупный бугай в камуфляже, тащивший здоровый моток каната.

— Иди-ка ты на улицу, пацан, — сказал Аркадий, хлопнув Сашу по плечу. — У тебя рожа белая как мои парадные портянки. Ну-ка шагом марш!

Саша быстро развернулся, и хотел было честно объяснить, что понятия не имеет, как отсюда кратчайшим путем выйти на улицу, но в глазах вдруг от резкого движения потемнело, и он почувствовал, что летит куда-то. Полет закончился неожиданно — тупой болью в затылке. Парень открыл глаза и увидел небо — обычное ночное небо, с редкими звездами и розоватыми заревом справа — наверное, свет от аэропорта, по ночам его всегда видно в восточной части города. Под спиной ощущалась какая-то подстилка, вроде туристического коврика, вокруг сновали какие-то люди.

— Очухался? — над ним склонился Аркадий, пристально глядя в лицо. Помог ему сесть, и тут же сунул в зубы металлическое горлышко фляги. — На, глотни, боец...

Жидкость обожгла горло, и он закашлялся, но, кажется, действительно пришел в себя.

— Здорово она с тебя силы потянула, сучка, — сказал Аркадий, глядя на него сочувственно. — Ничего, жить будешь...

— Вы нашли ее? — спросил Саша, возвращая флягу. — Ну эту... мастера?

Мужчина покачал головой.

— Нет там ничего. Под трубой — озеро подземное, что ли. Разворотить бы эту трубу, да нельзя там взрывать — полгорода просесть может... Только не ушла б там она все равно. На карте озеро есть, оно ни с одним тоннелем не связано.

— Да не в трубу она прыгнула, я видел, — мрачно сказал Игорь, усаживаясь рядом с Сашей. — Она как будто в этот... портал ушла.

— Ну какой нахер портал? — раздраженно спросил Аркадий. — Не бывает такого..

— Много чего в этом мире встречается, чего не бывает, и быть не должно, — задумчиво ответил майор.

— А эта тварь? Что из врат вылезала? Вы видели? С глазами... — Саша вдруг вспомнил о самом ярком впечатлении этой ночи. Его аж затрясло, когда в памяти всплыл образ тысячеглазого

монстра.

— Не видели, потому что не смотрели, — Игорь придвинулся ближе и обнял его за плечи. — Успокойся. Оттуда действительно шел поток энергии, но нам хватило мозгов его не визуализировать. Саша, ну сколько раз я тебе говорил? Зрение тебе еще и не такое сгенерирует с перепугу. Успокойся, говорю, ну?

Он прижал парня к себе, стараясь унять дрожь. Саша вцепился в его руку, прижавшись щекой к грубой ткани камуфляжной куртки.

— Я пистолет где-то там потерял... — виновато прошептал он, некстати вспомнив об оружии.

— Вот он, — Аркадий положил перед ним многострадальный «Скиф». — Ты, кстати, вовремя стрелять начал. Мы бы с этими диггерами еще два часа по проходам блуждали, если б на звук не рванули...

«Хоть какая-то от меня польза» — подумал Саша и слабо улыбнулся.

— Так значит, на всякий план «Б» у вас найдется план «Ц», а, Игорь Семенович? — насмешливо спросил женский голос, и Саша поднял взгляд. Перед ним стояла Аша, с перебинтованной рукой и с накинутой на плечи курткой — явно забрала у кого-то из спецназа, судя по нашивкам. — И на все прочие буквы латинского алфавита?

— Да, а когда заканчиваются латинские буквы, я перехожу на греческие, — ответил Рогозин. — Что не так, Света?

— Вы мне не доверяете, что ли? Зачем этого... прислали? — она обвиняюще ткнула пальцем в Сашу.

«Ну, конечно...» — Саша почувствовал себя полным идиотом. Действительно, он что, вообразил, что идея заслать кого-нибудь в стан «врага» никому не пришла в голову раньше? До его героического выступления на совещании? Вот они смеялись-то, наверное...

— Больше агентов — больше шансов, — пожал плечами майор, по-прежнему не отпуская Сашу, отчего тот уже чувствовал себя неловко, под пристальным взглядом девушки. — Света, солнышко, не пыхти. Ты все сработала отлично. Тебе доверяли до последнего, даже место финального сбора назвали. Другое дело, что мы до этого места сбора еле добрались... Ты — молодец.

«Света справилась, да, молодец. А я кто? А я огурец. Зеленый и пупырчатый. Уебище с пистолетом наперевес. Меня же раскрыли почти сразу...» — Саше очень хотелось спрятаться куда-нибудь. Например, уткнуться в плечо начальника, с наслаждением вдыхая знакомый запах одеколона. Он что же, и камуфляж парфюмом поливает? Ну правильно, психологическая атака на врага, тот падет, сраженный тонким дизайнерским вкусом атакующих...

«Тебя подставляют, и мне интересно, зачем» — эхом прозвучал в памяти голос «Лены». Саша вздрогнул и поднял голову.

— Меня должны были раскрыть, да? — спросил он, глядя в лицо Игорю. — Это тоже была часть плана?

— Саша, — серьезно сказал майор, отстраняясь и глядя на него в упор. — Давай оставим разбор моих коварных планов до того момента, когда ты будешь физически способен дать мне

в морду. А то как-то нечестно получается.

— То есть, с этим разговором придется подождать лет двадцать? — проворчал Саша, и услышал в ответ довольный ржач Аркадия и Светы.

Глава 4. Часть 0.

18 мая 1995, ущелье р. Аргун

В лесу передвигаться всегда легче. Любое дерево или крупный валун — потенциальное укрытие. Для хорошо обученного бойца не проблема — мгновенно припасть к стволу или камню, распластаться по нему в любой неудобной позе, лишь бы слиться с ним, превратиться в неподвижный силуэт... с двух сторон врагу ничего не видно, с третьей малозаметно, с четвертой пока разглядишь — прилетит в тебя пуля или нож. Простейшее искусство маскировки, доведенное почти до совершенства изнурительными тренировками. Поначалу с непривычки тело крутит судорогами от неподвижности, потом — привыкаешь, суставы становятся пластичнее, мышцы приучаются расслабляться. Неплохо при этом для полноты эффекта почувствовать себя деревом или камнем — при должной концентрации противник и вовсе тебя не заметит в упор, главное — не забыть о боевой задаче, а то так недолго и корни пустить...

Отряд продвигается к вершине медленно, но верно. Бойцы перебегают короткими рывками, бесшумными тенями скользят меж деревьев, через мгновение вновь растворяясь в хаотическом калейдоскопе листвы. До желанной «высоты» — пятьсот метров, не больше. Но как же изнуряюще-тяжелы эти последние полкилометра, когда постоянно приходится ждать атаки со всех сторон одновременно! Очередной отряд боевиков, выскочивший, словно из-под земли — так неожиданно было их появление — вырезан подчистую. Парни начинают звереть от многодневных скитаний по ущелью, и командир вовсе не винит их в излишней жестокости — но отмечает про себя, кого после задания направить к психологам вне очереди. Себя он скромно ставит в конец этого списка — его, по крайней мере, еще не тянет бросаться на противника с ножом, когда того можно снять выстрелом.

При других обстоятельствах старший лейтенант с удовольствием потащил бы своих ребят прогуляться на эту гору в качестве тренировки — склон просто загляденье, готовый полигон для отработки всех базовых навыков. Для рядового туриста с рюкзаком здесь — кошмарный подъем по крутому и скользкому склону, для спецназовцев, обученных работать на предельных нагрузках — отличная тренировка средней тяжести. Вывороченные корни деревьев, камни — точно зацепки на скалодроме на тренировочной базе. При умении балансировать и быстро переносить центр тяжести, по ним можно взлететь наверх, как по лестнице. Вот только...

Вот только лес этот — чужой, враждебный, его неприязнь к непрошеным гостям ощущается физически, пробирает до костей. Игорь понимает, что не в лесе дело — просто кто-то, хорошо знакомый со здешней природой, шепнул ей, что идут чужаки, настроил ее против них. И теперь каждая колючка норовит впиться в руку, корни точно специально ставят подножки, настороженно примолкшие было птицы — пугают внезапно резкими, гортанными криками, заодно демаскируя крадущихся солдат...

— Тише, тише, я свой, — шепчет Игорь, проводя ладонью по шершавому стволу многолетнего бука, который будто нарочно хлестнул его по лицу жесткой веткой.

Сложно парню с советским атеистическим воспитанием поверить в одушевленность природы, духов леса и прочие языческие заморочки. Но с опытом постепенно приходит понимание, что

многие вещи проще объяснить с помощью застарелых суеверий, чем научных концепций... А наука, чем черт не шутит, может, и дойдет однажды до похожих выводов. Вон, в научно-популярных журналах еще в его школьные годы писали о том, что грибница от одного поколения грибов может пронизывать весь лес, объединяя его в единую экосистему... или как-то так. Еще за годы службы на Алтае, среди девственных таежных лесов, Рогозин понял, что с окружающей природой лучше «дружить». Подполковник Агафонов, помнится, придерживался того же мнения — весь отряд запомнил на долгие годы, как он однажды, изрядно приняв на грудь по какому-то торжественному поводу, вывалился из штаба 67-й спецбригады, окинул туманным взором окрестность и вдруг с радостным ревом кинулся к стоявшей на опушке леса одинокой березе. «Здравствуй, осинушка, здравствуй, моя родная, ты чего пригорюнилась, одиноко тебе?» «Это ж береза, товарищ подполковник» — робко заметил кто-то из сопровождавших его офицеров. «Какая разница» — отозвался Агафонов, не размыкая рук, «все равно она меня поймет... Эх, чистая, светлая душа!»

Игорь бегло улыбается воспоминаниям, и снова бросается вверх по склону, дыша глубоко и размеренно. Ага, вот за этим валуном можно и передохнуть, оглядеться... лес кажется пустым на первый взгляд, только тренированный глаз спецназовца подмечает перемещения товарищей. Но кажется, лишь стоит расслабиться — из укрытия выпрыгнет враг, и мерещится, за каждым кустом ждет смерть, смотрит пустыми глазницами, тянется костлявой рукой... Тревожность эта не постоянна — накатывает волнами, и по этому признаку Игорь понимает, что на них снова идет атака. Отчаявшись запутать взвод иллюзиями, неведомый шаман принялся давить их примитивнейшим оружием — тревогой и страхом. Чем выше они поднимаются, тем сильнее ощущения. Вот только «Ящерам» не привыкать работать в подобных условиях... они все проходили тренировки в «комнате страха» на базе, где наведенное магнитное поле и инфразвук определенной частоты, воздействуя на мозг, вызывает приступы панического ужаса. И в этой комнате они решали математические примеры, строили маршруты по картам, стреляли по мишеням... Рогозину несколько раз подсовывали самый настоящий учебник алгебры, мол, ему, как офицеру, необходимо уметь строить сложные схемы в экстремальных условиях. После очередной тренировки он с ухмылкой заявил инструкторам, что скоро у него выработается рефлекс, и он будет впадать в ужас каждый раз при виде дифференциальных уравнений...

Картинка перед глазами вдруг плывет, стремительно расфокусируясь. Чертыхнувшись, Игорь закрывает глаза, трясет головой — не очень-то это и помогает, впрочем. Так уже бывало, и он честно пошел к врачу, но на обследовании ничего не обнаружили. Кто ж знал, что зрение начнет отказывать в неподходящий момент, в боевой обстановке? Хоть бы прошло поскорее, как в прошлый раз — не хватало еще подвести ребят на задании...

— Товарищ командир! — шепот раздается над самым ухом, Игорь дергается, отметив, что Северинов подкрался совсем бесшумно — молодец, учится парень. — Вы в порядке?

— Да, Миша, иди, — так же шепотом выдыхает Игорь. Они стараются соблюдать тишину, справедливо опасаясь, что на вершине их поджидает еще одна группировка противника — не стоит обнаруживать себя раньше времени.

Рядовой не отстаёт.

-Давайте помогу, я...

— Наверх! — приказным тоном шипит Игорь, и мимо лица его проносится поток воздуха — парень кинулся вверх по склону.

— Я догоню... — добавляет Рогозин, не зная, услышат его или нет.

На ощупь лезет в карман, достает карты. Если что, копия есть у Волкова... хотя зачем им карты, цель уже видна, справятся... Где же только этот чертов шаман, неужели прямо на «высоте» и засел? Других вариантов не видно...

В белесом тумане перед глазами проступает вдруг темными пятнами знакомая картинка. Фотография... Игорь улыбается, проводя пальцем по гладкой поверхности фотокарточки. Зрение медленно, но верно возвращается, и лицо Руслана на фото вновь обретает четкость.

Фотографировал их все тот же Агафонов — он вообще был фотолюбителем, щелкал в свободное время величественные горные пейзажи и незатейливый солдатский быт — и даже, говорят, публиковал снимки в газете под каким-то «левым» именем. Публиковал, конечно, только пейзажи, да и то самые абстрактные — прочее ему бы не позволили, начальство и так косо смотрело на его увлечение, мягко говоря, странное для командира секретного подразделения.

Они вышли тогда из леса, где у них было свое секретное место — для тренировок... и не только. Возвращались на базу, разгоряченные борьбой и сексом, Руслан тащил на плече свой извечный топор, которым на тренировках разрубал на лету вездесущие кедровые шишки — все до единой, сколько в него ни кидай, сбоку, сзади, с разворота...

Подполковник будто бы ждал их на поляне, покуривая самокрутку — сигарет он не признавал — и опираясь небрежно на установленную в землю фото-треногу.

— Гуляем, шишки собираем? — весело спросил он их, и рассмеялся, когда бойцы дружно проорали «Так точно, товарищ подполковник!»

— Вольно, — махнул он и наклонился к установленному на треноге аппарату. — Дайте — ка я вас сниму, зафиксирую, так сказать, факт разгильдяйства! Да сделайте вы лица повеселее, я разве ругаюсь? Какое мне дело, если бойцы в свободное время ходят с елками воевать...

Елок там как раз и не было — только сосны и кедры, да редкие, по-северному невысокие березы. Но спорить с командиром парни не стали.

После алтайской истории Игорь долгое время не видел Агафопова. Вернувшись на базу вместе с бойцами штурмового отряда, которые его и нашли в бессознательном состоянии под забором Объекта, он обнаружил, что командование сменилось. Говорили, что Агафопова перевели, но куда — никто не знал. Гораздо позже Игорь узнал из архивных документов, что его командир предвидел кризис с местными, и только глупость вышестоящих чинов вынудила его действовать в обход устава, посылая бойцов с неофициальным заданием. Политика в военной верхушке — дело сложное и темное; спецназ подчинялся одним структурам, охрана сверхсекретного Объекта — другим... Рогозин даже не знал толком, чем занимались на этом объекте — слухи ходили разные, от экспериментов с пространством-временем до управления массовым сознанием.

Агафонов нашел его, когда парень уже, окончив срочную службу, учился в закрытом военном вузе, продолжая развивать навыки оператора на специальных курсах там же.

— Решил, значит, дальше пойти, молодец, — сказал он одобрительно, подсаживаясь к Игорю в столовой. — А я вот — в запас... нет моих сил дальше с бюрократами сражаться. Дай тебе бог, сынок, дожить до времени, когда отменят все эти дурацкие бумажки. Говорят, скоро всё на ЭВМ переведут, упростится система, может быть... Хотя дураки, облеченные властью, всегда найдутся.

Он вынул из кармана стопку фотокарточек, перебрал и протянул одну Рогозину.

— Я тут... напечатал, тебе на память хотел отдать. Я знаю, вы с ним были... ну, дружили крепко...

По возникшей паузе и отведенным глазам собеседника Игорь понял, что тот прекрасно знает, как именно они с Русланом дружили. Вот ведь старый черт, он их «неуставные отношения» покрывал, выходит?

— Спасибо, — Игорь бережно принял карточку. Спросил, не надеясь на ответ: — А вы ничего не слышали потом... про Руслана?

Подполковник внимательно посмотрел на него, будто прикидывая, стоит ли отвечать.

— Слышал только, что не нашли его, — сказал он наконец. — По всем документам — пропал без вести... Знаешь, сынок, лучше тебе считать его мертвым. Знаю, что жестоко так, да только... если он и вернется, то это не он уже будет, понимаешь.

Игорь отвел взгляд.

— Они сказали, что мы не такие как прочие... что мы уже почти не люди, — прошептал он тихо, на пределе слышимости. — И спросили, хотим ли мы у них учиться. Руслан согласился, а я засомневался, и... меня просто выкинули.

— Не люди... а сами-то они кто? — вздохнул Агафонов. — Местные так говорят, шаманы рождаются на ветвях мирового древа, в гнездах, из яиц вылупляются... Не думай ты об этом, мой тебе совет. Учись, женись, служи... в начальники только не лезь, от души советую, такой это геморрой, честно говоря...

... Игорь сминает карты в руке, тянется за спичками. Надо бы сжечь, он отстал от отряда — есть риск нарваться на моджахедов. Вдруг не справится с противником, а ну как зрение вновь забарахлит? Незачем отдавать врагу хорошие, подробные топографические карты...

Он оглядывает окрестности — вроде все чисто, ни своих, ни чужих... И вдруг замечает боковым зрением фигуру, разворачивается, вскидывает автомат. И замирает. На склоне, чуть выше и правее, стоит Руслан — в такой знакомой белой рубашке. Игорь когда-то сам застегивал пуговицы этой рубашки, целуя своего сержанта перед последним заданием... у стен Объекта.

«Хватит» — в отчаянии думает он, стиснув зубы. «Меня этой хренью не взять, проходили уже. В памяти моей копаешься, падла? Не позволю...»

Искушение выстрелить в ненавистное и любимое наваждение — почти запредельное, но командир взвода держит себя в руках — звук может привлечь внимание, может спутать карты ребятам, которые уже должны были подобраться вплотную к вершине... к черту эти глюки, надо подниматься, бежать на помощь парням, командир ты или где? В лирических воспоминаниях тут весь штурм пропустишь, как потом своим бойцам в глаза смотреть?

Капля пота стекает по лбу, попадая в глаз, Игорь моргает, и призрак исчезает. Повинуясь смутному интуитивному порыву, Рогозин направляется к тому валуну, у которого только что стояла фигура. И уже на втором шаге понимает вдруг, что этот участок склона — заминирован. Ощущение опасности — зудящая вибрация под ногами, знакомая по множеству тренировок. Мины ощущаются как локальные участки сконцентрированного холода, невидимые в траве растяжки — как ледяные нити. Медленно и осторожно, избегая «холодных» мест, он подходит

к валуну и понимает, что тот еще недавно лежал на метр правее, закрывая отверстие в земле. Иначе как они могли, продвигаясь по склону всего чуть-чуть левее, не заметить здоровую бетонную трубу, уходящую под землю?

«Ракетная шахта» — идентифицирует объект Игорь и от избытка эмоций зло сплевывает под ноги. Ему не нужно вновь доставать давно выученную наизусть карту, чтобы понять, что на ней ничего подобного не было. Что это — преступная халатность командования? Диверсия? Или кто-то проверяет «Ящеров» на прочность, отправляя их на задание с неверными исходными данными? Или развал страны достиг таких масштабов, что никто уже не помнит расположения советских ракетных комплексов, пусть ныне и заброшенных?

Если бы на карте был подобный объект, первой же рабочей версией стало бы, что шаманы или шаман прячутся именно здесь. Потому что это — идеальное укрытие.

Без особо надежды Игорь щелкает устройством индивидуальной связи — разумеется, связь не работает. С момента, как они вышли на «финишную прямую», связи нет — вся надежда, что на захваченной «высоте» хотя бы рация заработает. Ну, или вырубится таинственная «глушилка» — вместе с шаманом.

Рогозин осторожно заглядывает в шахту — дна не видно, лететь, если что, долго... Но в стене торчат какие-то металлические полосы, вроде скоб. Здесь явно кто-то лазил, раз откатили валун. Возможно, у них была веревка... Но разве эта стена сложнее, чем скалодром на базе? И, уцепившись за край, он осторожно начинает спускаться.

Игорь срывается, когда до дна шахты остается не больше пяти метров. В падении он успевает сделать две вещи: подтянуть лямку автомата, чтобы родной «АК» не приложил его меж лопаток по приземлении, и расслабить мышцы — давно доказано, что меньше всего повреждений при падении получают мертвецки пьяные, поскольку мускулатура у них расслаблена, и запаниковать и сгруппироваться они не успевают. Поэтому, отделавшись при падении лишь неизбежными неприятными ощущениями, он вскакивает на ноги.

К шахте вплотную подходит цилиндрический в сечении коридор, освещенный тусклой лампой. Стоит Игорю шагнуть в проем — на него наваливается удушливая волна, словно воздух сгустился и не желает ни входить в легкие, ни пропускать вперед тело непрошеного гостя. Его почувствовали... В конце коридора появляются две фигуры, вскидывают оружие. Их движения выглядят плавными, словно в замедленной съемке — Игорь, не теряя времени, тут же «разогнал» сознание, ускоряя процессы в теле и в мозгу. Он успевает упасть на землю, переместиться вбок стремительным перекатом и открыть стрельбу — короткими очередями, сначала по «верхам», целя в головы нападающих, потом прыжок, перекат — чтоб не подбили в падении, затем выстрелить лежа, добивая упавших... Пули прошивают воздух там, где он стоял только что. Плотный, словно кисель, воздух забивает глотку, и, кажется, сдирает кожу с мышц — по крайней мере, та горит как огнем. На предельном напряжении мышц он продвигается вглубь коридора, перешагивает тела убитых боевиков — лица их и одежда не оставляют сомнений в том, чье это секретное укрытие.

Дверь Игорь вышибает ударом ноги, неосмотрительно бросившийся к нему мужчина с автоматом получает очередь в живот. В комнате остаются еще двое — старик и ребенок лет семи. Старик закутан в какой-то невообразимый халат, его костлявые руки мечутся в причудливом танце, перебирая хаотическое на первый взгляд переплетение веревочек, костей и камешков. Он поднимает взгляд на Игоря, но в блеклых глазах его ничего не отражается — ни удивления, ни страха.

Автомат заедает, хотя такого быть не может, просто нечему ломаться в совершенном механизме «калаша», практически неизменном с выпуска первой модели 47-го года. И тогда Игорь просто собирает в единый тугой ком всю свою ярость, и отпускает, представляя, как катится перед ним огненный шар, сметая все на своем пути. В момент удара в голове образуется звенящая пустота и совершенное безразличие — к жизни, к смерти, к результатам любого действия... Именно в таком состоянии оператор и действует по-настоящему, все прочее — лишь подготовка. И Рогозин равнодушно наблюдает, как старик падает — медленно, драматично, успевая сгрести со стола все свои «фенечки» — по земляному полу бункера рассыпаются какие-то крашенные камни, кости, перья... Игорь вдруг понимает, что наконец-то может глубоко вдохнуть, и расслабляется, выходя в более привычный режим. В голове шумит, рот заполняет противный солоноватый вкус крови, наверняка кровь идет из носа тоже — в состоянии «разгона» все тело работает на пределе, на износ, даже самые тренированные мышцы не всегда выдерживают, что уж говорить о сосудах.

Ребенок прячется в угол, за ящиками, забитыми каким-то ржавым железом. В комнате есть ящики и поновее, пустые — Игорь отмечает, что здесь, по-видимому, был склад оружия, и перевалочный пункт. Судя по тому, что на базе оставили всего трех охранников, основные силы сейчас брошены на бой с его отрядом.

— Эй, — говорит он, и не узнает собственный охрипший голос. — Не бойся.

Вряд ли этот ребенок знает русский язык, впрочем. Черные глазенки настороженно сверлят бойца маленькими буравчиками. Кожа у малыша смуглая, но чистая, волосы острижены коротко, по лицу не понять, мальчик или девочка — одежда похожа на длинное платье до земли, но кто их знает, этих горцев, что у них за порядки?

Игорь обводит взглядом помещение. На столе, под одинокой лампой — три кружки с каким-то напитком, остатки хлеба. Вполне возможно, ребенок был заложником — вот и ответ, как шамана заставили работать на боевиков. Захватили внука... или внучку. И что теперь с ним делать?

— Не бойся, — повторяет он, подходя ближе. — Ты меня понимаешь?

Убивать у него получалось гораздо лучше, чем разговаривать с детьми. Этому ценному навыку ни на одной тренировке почему-то не учили.

Ребенок вдруг вылезает из-за ящиков. Вытягивается в полный рост, не отрывая взгляда от Игоря. И начинает орать.

Это хуже инфразвука в «комнате страха», это хуже любого звука, что когда-либо слышал в своей жизни старший лейтенант. Крик раскаленным шурупом ввинчивается в мозг, и впервые за всю миссию Рогозин по-настоящему теряет над собой контроль. Рефлекторно он скидывает автомат и приходит в себя, только когда наступает благословенная тишина, пусть и сопровождаемая звоном в ушах. Изрешеченное пулями маленькое тельце отброшено выстрелами к стене, остекленевшие глазки с ненавистью смотрят на него сквозь потоки крови.

Игорь оседает на пол, чувствуя, что ноги его не держат, вытирает с лица кровь и пот.

«Девочка» — думает он почему-то. «Точно, это была девочка. Пацаны так не орут. Что это было, еще одна секретная техника вайнахов?»

Протянув руку, он поднимает с пола непонятный «инструмент» шамана — спутанную сеть веревочек с узлами, в которые вплетены кости, до странного мелкие и легкие, видимо —

птичьи. Подумав, кладет его в карман — будет, что предъявить начальству, если спросят. Хотя, наверняка не в этой штуковине дело. Любая магия происходит, в первую очередь, в голове «колдуна», все прочее — необязательно...

Выходя из бункера, он спотыкается о какой-то предмет. Открытая бутылка с чем-то спиртным, судя по запаху. Охранник сидел у самой двери... да, точно, на этом ящике. И прихлебывал из бутылки.

Рогозин оборачивается и пару секунд смотрит на стол, где остались три кружки, с темным напитком, приторно и сильно пахнущим травами — даже сейчас, когда этот аромат перебивает запах свежей крови.

Три кружки. Два тела.

Цепляясь за стены, Игорь выбирается наружу. И, поднявшись на поверхность, слышит близкий грохот стрельбы. Значит, взвод вступил в бой за проклятую эту «высоту»...

Он пытается подняться по склону, но руки не слушаются, все плывет, как в тумане. Цепляясь за реальность остатками угасающего сознания, он заползает за каменный валун, прячась в его тени.

«Простите, ребята...» — шепчет Игорь и сжимает в руке плетеный шаманский амулет, прежде чем отключиться.

Хищная птица расправляет крылья, скользит над ущельем. Тень ее, неправдоподобно-длинная в свете заходящего солнца, скользит по склону горы. Крохотными огненными точечками взрываются на склоне гранаты, серебряными искорками мельтешат пули. Смешные человечки носятся меж деревьев, одни пытаются пробиться на голый, иссеченный ветрами участок на вершине, другие — их не пускают... Человечки в зеленом кажутся смутно знакомыми. Они — свои. Их не трогать... Другие, в черном, синем, пестром — почему-то раздражают.

Огромный орел пикирует с воздуха, бьет крыльями по лицу стреляющего человека, клювом вырывает кусок мяса, вновь взлетает... Над деревьями летит его крик — яростный, пронзительный, точно голос самой смерти. Ему вторят вопли ужаса, гортанные выкрики на грубом, непонятном языке... и отчаянное русское «ура», сопровождающееся оглушительными автоматными очередями.

...Когда Игорь приходит в себя, его окружает поначалу непроглядная темнота. «Ослеп» — думает он, чувствуя подступающую панику, но постепенно глаза привыкают к темноте, неясные пятна превращаются в камни и кусты. Задрав голову, он видит сквозь кружево листвы звезды, на удивление яркие, словно алмазы в чистом горном небе. Над ущельем ночь и тишина, которая впервые за долгое время не кажется угрожающей.

Часовые, охраняющие занятую взводом «высоту», не утруждают себя банальным «стой, кто идет» — просто внезапно перед Игорем вырастает боец с автоматом наготове, уже собравшийся стрелять.

— Т-товарищ командир, — выдыхает он перепугано, узнав плетущегося по склону Игоря. — Скажите честно, вы живой... или по наши души пришли?

— По ваши души, разумеется! — по возможности бодро отвечает Рогозин, чувствуя, как нервный смех подступает к горлу. — Бабы суеверные, бл*ть!

Откуда-то сверху доносится неразборчивый радостный вопль, и через полминуты взвод весело тащит своего едва живого командира к временному лагерю на вершине. Игоря успевают радостно похлопать по плечу минимум два десятка рук, а кто-то под шумок даже крепко целует его в висок. «Да вы обалдели» — думает он с улыбкой, опираясь на чье-то плечо. «Ну никакой субординации, а?»

— Порывались идти тебя искать — я не пустил, — говорит ему Аркадий, усаживая его поближе к костру, надежно замаскированному от чужих глаз обломком скалы, за которым и укрылись бойцы.

— Наша цель, говорю, позицию удержать. Вдруг еще отряд из кустов вылезет? А тут отступить некуда... Надо «вертушку» дожидаться, будет подкрепление, тогда, говорю, поищем... Верно ведь... товарищ командир?

В отряде бытует устоявшееся мнение, что «у Аркаши все эмоции лежат в диапазоне от недовольства до бешенства». Только Игорь почему-то сразу сдружился с угрюмым парнем, и быстро научился видеть оттенки его настроения — и знает, что тот умеет и радоваться, и нервничать... И сейчас видит, как тот внутренне психует, и понимает, как тяжело ему пришлось, выбирая между долгом и дружбой...

— Верно, — кивает командир, и от резкого движения в голове вновь мутится. Он приходит в себя от того, что ему в зубы сунули фляжку, мол, глотни... Аркаша вечно таскает в ней какое-то жуткое пойло домашнего производства, полагая его панацеей от всех болезней.

— Да отстань ты со своей самогонкой, — бормочет Игорь и снова слышит смех вокруг.

— Вы его положили, да, это ведь вы? Шамана этого? — спрашивает кто-то из парней.

— Мы почувствовали... — добавляет другой голос из темноты. Игорь вынимает из кармана вязаный шаманский «амулет», протягивает руку к костру, чтоб показать при свете. После секундного молчания бойцы начинают радостно рассказывать, перебивая друг друга:

— Мы ж почувствовали... вдруг давить перестало, и все пошло как по маслу, и связь заработала... а тут еще птица...

— Так, галдеж отставить, давайте по одному, и по существу, — Игорь старается сохранять командный тон. По-хорошему, докладывать должен Аркадий. И по форме. Но чтобы потребовать доклад по форме, надо бы выпрямиться для начала, встать, а то смешно получается. Так что ну его уже...

— Сами-то все... здесь? — он бегло оглядывает площадку. Двоих нет... но они в карауле, видел.

— Потерь нет, — сообщает Аркадий. — Леху ранило... Леха!

— Ага! — высокий парень с перебинтованной рукой радостно скалится в полумраке. — Во, в плечо! Шрам будет — пиздец! Бабам понравится!

— Кто о чем, а ты о бабах... — по рядам прокатывается смех.

— Короче, мы когда поняли, что прессинга больше нет, перегруппировались и поперли на них... Мы им такую дали психическую атаку, короче, отплатили говнюкам той же монетой, они чуть в штаны не наложили, когда мы на них волну погнали...

— Мы ж еще думали, что тебя уже нету, — хмуро говорит Аркадий. — Я сам склон прощупывал — не почуял. А тут орел прилетает, огромный такой, кружит над нами... и вдруг как накинется, рвать гадов этих! Я такого вообще не видел никогда... А тут Мишка как заорет, типа, это он, командир с нами... ну и мы как-то... на эмоциях рванули, тупо в атаку, безо всяких стратегий...

Рядовой Северинов, здоровый мускулистый парень — на бицепсах майка рвется, без шуток — краснеет, как девица на выданье, косится на Игоря смущенно.

— Ну мне и правда так показалось, я не знаю, почувствовал что-то, — бормочет он.

— Бабы суеверные, — с удовольствием повторяет Игорь. — И сентиментальные, к тому же. Орел у них прилетел, понимаешь... Ну спасибо хоть, не петух!

И поспешно убирает в карман амулет, неприятно позвякивающий птичьими костями. А он-то думал, бред от перенапряжения случился... Яркие картинки — ущелье с высоты птичьего полета — уплывают вглубь памяти. Потом, потом все проанализировать, записать, обсудить с экспертами на базе. Сейчас — пошло оно все...

Игорь рассказывает про ракетную шахту, про шамана, чуть запнувшись — про девочку. Смотрит в лица своих бойцов — увидит ли непонимание, осуждение? Нет... ребята молчат, переваривая услышанное. Только Северинов придвигается ближе, точно тянется произвольно защитить своего командира.

«Хороший ты парень, Мишка» — думает Игорь, глядя куда-то сквозь огонь. «И все я вижу, что с тобой происходит. Только не будет в моем отряде больше неуставных отношений, ни в одном из смыслов. Молодость, гормоны... перебесишься. А сенс из тебя выйдет отличный.»

Он закрывает глаза, позволяя себе наконец немного расслабиться. Задание выполнено, хоть и через задницу, ну да за это ему еще ответят умники в штабе, не отметившие шахту на карте.

А перед глазами все стоят эти три проклятые кружки в бункере. Охранник не пил за столом травяные настои, он пил из горла какую-то местную дрянь... кстати, интересно, они ж мусульмане вроде, с хрена ли они пьют? Вот шаман, наверное, мог себе позволить... черт его знает, что им там позволяют их неведомые боги... И все же. Был кто-то еще? Но в коридоре больше не было ответвлений и дверей, все чисто...

— Твою мать... выдыхает кто-то испуганно, и Рогозин распахивает глаза, готовый ко всему... но только не к этому. Из зарослей выходит Руслан.

Игорь хочет уже привычно разозлиться на шамана, играющего с психикой бойцов, и на собственную слабость, и вдруг понимает, что больше некому уже насыпать миражи-мороки из прошлого. И что «мираж» этот видят все, замершие на мгновение, бойцы. И что он уже не в белой рубашке, а в военном бушлате явно с чужого плеча. Издалека за боевика принять — раз плюнуть. Только это лицо Игорь узнает из тысячи.

Аркадий мгновенно оказывается на ногах, берет под прицел таинственного гостя.

— Ты как прошел? — спрашивает он, и желваки зло играют на худом лице. Если чужак беззвучно пробрался мимо стоящих в охране бойцов, значит, либо они уже мертвы, либо он — не человек, потому что человека они бы не упустили. Не того уровня ребята, не первый день в спецназе.

— Не переживай, не трогал я ваших, — отвечает гость с такой знакомой презрительной ноткой.

— Вы, пацаны, вертушку ждете, так? Мне с вашим командованием побеседовать надо бы. Я тут с вами посижу, дождусь, пока прилетит.

Ему отвечают что-то непечатное, и кто-то наконец задает сакраментальное «ты кто такой вообще?». Руслан вынимает какие-то бумаги, демонстрирует Аркадию. Тот, глубоко задумавшись, подходит к Игорю, показывает документ, бормочет растерянно что-то про особое распоряжение и секретность... Рогозин уже не видит букв, печатей и подписей — все расплывается в мутный белый туман, снова накатывает близорукость и беспомощность.

«Три кружки» — думает он. «Шаман. Карты не сходятся. Чем дальше, тем ярче я понимаю, что мы — пешки в чьей-то большой игре.»

— Конечно, — командир с трудом размыкает губы, понимая, что обязан что-то сказать. — Пусть подождет.

— А это... — спрашивает было Аркадий, но сам себя прерывает, отходит, махнув рукой. Кажется, он узнал парня со старой фотографии. Наверное, и не только он — фотку все видели.

Ладонь Игоря осторожно оплетают чьи-то теплые пальцы, и он понимает, что это Мишка, верный его самопровозглашенный адъютант, сидит рядом, по-прежнему готовый защитить его от любых, даже самых неведомых опасностей.

Сжав его руку в ответ, Игорь запрокидывает голову и пытается разглядеть сквозь застилающий глаза туман холодные, колючие искорки звезд.

Глава 4. Часть 1.

Впервые за долгое время Саша проснулся с ощущением покоя и уверенности в том, что день предстоит замечательный. Неизвестно, из чего проистекала эта иррациональная уверенность — возможно, дело было в том, что проснулся он совершенно самостоятельно, без надоевшего будильника. Даже удивительно — утро, судя по всему, едва начиналось, а ранним «жаворонком» парень никогда не был, это уж точно.

Он с удовольствием потянулся, раскинувшись на непривычно широкой кровати. Ему бы домой такую — удобно же, ворочайся сколько угодно.

Вчерашний вечер всплывал в памяти бессвязными обрывками. Кажется, вчера Сашу просто вырубало на ходу, после пережитых волнений, да и невероятно крепкая настойка в фляжке, подsunутой Аркадием, поспособствовала отключению от реальности. Слово в тумане, вспоминалось, как Игорь расспрашивал его о ходе ритуала — спокойно, методично и дотошно. Они сидели в машине, шеф вез его, видимо, к себе домой, а Саша был настолько не в себе, что даже не поинтересовался, куда они, собственно, едут.

«А ничего так квартирка», подумал парень, рассматривая золотистого цвета ковер со сложным экзотическим рисунком. Обвел взглядом комнату, и внезапно обнаружил хозяина квартиры. Игорь стоял у окна, спиной, но тут же повернулся, точно почувствовал на себе взгляд.

— Доброе утро, — сказал он с легкой улыбкой. — Как раз вовремя.

Саша хотел было переспросить, вовремя для чего, но завис, уставившись на футболку Игоря. Вот кто носит такие идиотские вещи, с такими надписями? «Smile if you want me». Интересно, создатели таких футболок хоть примерно представляют себе, как сложно не заржать при виде

подобной маечки, обтягивающей не сиськи гламурных девиц, а рельефное тело бывшего спецназовца? Он бы еще майку про «нью-йорк» нацепил, честное слово.

И главное, будешь ржать — еще поймут неправильно... исходя из надписи на футболке. Поэтому Саша честно попытался соорудить серьезное выражение лица. Вышло, наверное, не очень.

Рогозин милосердно сделал вид, что не замечает его гримас.

— Держи, одевайся, — он кинул Саше темно-синие спортивные штаны.

«А я что, без штанов? А, действительно...»

— Это не мои, — сообщил он на всякий случай, подозрительно разглядывая предмет одежды.

— В джинсах же бегать неудобно, — пожал плечами майор. Саша встряхнул головой, пытаясь собраться с мыслями.

— Куда бегать?

— Кругами. По стадиону. Чтоб ты знал, утренняя пробежка для меня святое, хоть и говорят злые языки, что ничего святого у меня нет. И не спрашивай «причем здесь я». Давно собираюсь заняться твоим физическим развитием, между прочим. А то на тебя посмотришь — не сотрудник спецслужб, а чахлый студент-гуманитарий. Так что, подъем!

— Так я и есть, вообще-то... — пробормотал парень, но штаны натягивать стал. Под одеялом — ибо нечего тут стриптиз устраивать.

После пары кругов по стадиону, который, к счастью, был совсем рядом, радостное утреннее настроение куда-то выветрилось. «Так вот почему он меня домой не отвез» — мстительно думал Саша. «Над кем бы он тогда с утра издевался?»

Бегать он не любил еще со школьной физкультуры. В университете физра оказалась неожиданно легкой, занимались они в хорошо оборудованном зале, и в основном всякой ерундой вроде тенниса. И уж точно не мотали километровые дистанции промозглым ноябрьским утром.

— Между прочим, на дворе уже давно не лето, ноябрь начался как раз сегодня, насколько я помню, — сказал он язвительно, останавливаясь, чтобы отдышаться. — Вы что-то говорили, помнится, про физическую активность и возможность простудиться...

— А у тебя физическая активность, кстати, неправильная, — Игорь был невозмутим. — Дышать надо в одном ритме, а не пыхтеть. Представь, что в голове звучит, например, барабан, или речевку какую про себя проговаривай... как в армии. Правильный бег — сродни медитации. И от лишних мыслей помогает. Проверено.

Он подошел к турнику, подтянулся одним уверенным движением. Саша вздохнул, вспоминая, как сам болтался на перекладине, пытаясь сдавать нормативы. Ну что поделать, не всем же быть спортсменами?

— Можно, я пойду? — спросил он, сунув руки в карманы. Прозвучало неожиданно жалобно.

— Ладно. погоди, я еще сделаю из тебя настоящего мужика... Uber Soldaten, так сказать. А

пока беги в душ, а то действительно, простудишься еще...

И, продолжая с той же скоростью подтягиваться — одной рукой — Рогозин ловко кинул ему ключи.

Стоя под струями воды в душе, Саша размышлял о понятии «настоящий мужик». Отец вечно пытался сделать из него что-то подобное... что-то подобное себе, разумеется. В итоге, в представлениях парня слово «мужик» прочно ассоциировалось с краснолицым, пахнущим перегаром небритым увальнем, стреляющим из охотничьей винтовки по консервным банкам за городом — мол, надо ж сына к «мужским занятиям» приобщать. Неосознанно стремясь уйти от этого образа, Саша рос интеллигентным и неконфликтным, и любимым его занятием было - спрятаться где-нибудь с хорошей книгой, да и уйти с головой в придуманный мир. Он всегда противопоставлял интеллект грубой физической силе... и надо же было прозреть, в восемнадцать-то лет, что есть такой вариант, гармонично совмещать то и другое! И что теперь делать, в качалку бежать? Саша вздохнул. «Все равно, мне в такой форме, как он, быть не светит, хоть сто лет качайся...» Перед глазами так и стояла картина, как Игорь подтягивается на турнике, ритмично выдыхая воздух, и от этого внутри возникало некое неясное томление, мало похожее на комплекс неполноценности по поводу физической формы.

«Наши предки называли это коротко и ясно — приворот» — подсказала память голосом неведомой твари по имени Лена. Саша вздрогнул. Вот этот бы вопрос прояснить... воздействовал на него как-то Игорь, или нет? Но спрашивать — страшно... Ужасно хочется ему доверять, но — получится ли? Он ведет себя как обычно, так может, ничего и не было, врала ему эта «Лена», никто не играл с его чувствами?

— Ты там не заснул? — спросил Игорь снаружи. Саша чуть не поскользнулся на мокром полу, панически кинувшись проверять, закрыта ли дверь. Хотя, с чего бы шефу ломиться к нему в душ? Он же не... не Феликс какой-нибудь.

— Я сейчас, — сказал он, хватая полотенце.

— Смотри, опоздаешь на совещание, злой начальник ругаться будет, — сообщил майор со смешком.

Но на совещание Саша, конечно, не опоздал, по той простой причине, что «злой начальник» сам его туда привез. Остальные были уже в сборе. Даже Аша... Света, то есть. Надо бы спросить при случае, откуда у нее псевдоним, тоже из фэнтези какого, что ли?

— Так, — сказал Рогозин, усаживаясь в кресло во главе стола. Сцепил руки перед собой, и задумчиво посмотрел на кактус на подоконнике. — Давайте разберемся, в чем мы облажались. Ну, помимо очевидного.

— Я была бы не против, если б кто-нибудь сначала рассказал, что произошло, — Света просительно глянула на шефа. — Мы с Тимом всю ночь кофе глушили и анализировать пытались... Эта Лена — что угодно, только не человек.

— А что тогда? — Игорь оторвался наконец от созерцания кактуса.

— Я надеялась, вы нам скажете...

— Лично я — понятия не имею. — Игорь стянул с носа очки -«хамелеоны» в тонкой оправе — сегодня он, видимо, нацепил их для завершения образа «злого начальника», подумал Саша и невольно улыбнулся.

— Я с таким никогда не встречался и в архивах не читал. Может, ты все-таки преувеличиваешь?

— Да я общалась с ней! Это... не знаю, как описать, иногда она совершенно нормальная, только голос странный, мужской, а иногда... словно бы ее облик кто-то натянул, как маску, она говорит, и кажется, кто-то стоит и ее за ниточки дергает, как куклу... И потом, куда она делась тогда?

— В колодце этом утопла, — сказал Аркадий и зло усмехнулся.

— Так ведь не нашли там тела!

— Так мы там и дна не нашли!

— Подселенцы, — сказал Тим, тихо, но значительно. — Помните, шеф?

— Я помню, что ты тогда так и не смог доказать мне свою гипотезу, — вздохнул Игорь. — Ребята, все это безумно интересно, но мы — не ученые, если помните. Нам не теории строить надо, а решать, как их через год ловить. Ошибок больше не повторяя. Итак, в чем была наша ошибка?

— Главный косяк, что никто ничего не знал про эти тоннели, — пожал плечами Тим.

— И что карт нормальных нигде не достать, — пожаловался Аркадий. — Потому что официально вся эта срань в три раза меньше. А в реальности мы с этими диггерами чуть не заблудились. Будь это любое место на поверхности — мы б заранее все оцепили, и кранты.

— Да и место мне тоже не сразу сказали, — вздохнула Света. — Я прихожу, а мне говорят — ага, а теперь идем на настоящее место... и так всех, по-моему, запутывали. Опасались... Но я честно, все по плану работала, вроде все нормально было...

— Конечно, Света, к тебе претензий нет, — кивнул майор. — Это все в основном мои ошибки...еще на этапе планирования.

— Да, так вы расскажете про запасной план? — оживился Тим. — А то я не очень понял...

— Это ты мне расскажи, — Игорь ткнул в его сторону дужкой от очков. — Все достаточно очевидно, у тебя все данные есть. А ну-ка, выдай мне экспресс-анализ ситуации.

— Ну, — осторожно начал Тим, — когда вы на совещании ни словом не обмолвись про Светкину миссию, я так понял, что эту инфу почему-то скрывают от Саши. И, конечно, подыграл, когда он вызвался идти к ним под прикрытием. Ты извини, Санек, у меня это как-то... автоматически вышло.

Саша кивнул понимающе. Уж на Тима он не сердился, это точно.

— Ну и... я только не понял, вы это заранее придумали, или тогда, во время совещания? — Тим покосился на Рогозина, но тот молчал с отсутствующим видом, и он продолжил: — Как я потом прикинул, Саша был как эта... красная собака. Ну, знаешь такую историю, Санек? Один художник всегда рисовал в углу картины красную собаку, и когда его картины смотрела инквизиция...или НКВД, я не помню... короче, что-то типа нашей конторы...

Вокруг послышались тихие смешки, и Алиса, до сих пор, как ни странно, молчавшая, тихо что-

то сказала сидящей рядом Оле, отчего та захихикала.

— Так вот, они к собаке цеплялись, а больше ничего не замечали, — резюмировал Тим.

— Отвлекающий маневр, я понял, — сказал Саша. Он подозревал что-то примерно в таком духе, и не слишком удивился.

— Ну да, — Тим развел руками. — Они искали шпиона — они его нашли. Тебя ведь, уж извини, и правда расколоть пока несложно. Ну, оно и понятно, вон некоторые к этой операции год готовились, с прошлой осени, что тут за три дня сделаешь? В итоге, Светик спокойно работала вне подозрений... так что, думаю, тебе, Свет, надо Саню благодарить, он тебе сильно жизнь облегчил в последнюю неделю Игры.

— Благодарить не меня надо, — сказал Саша и посмотрел на шефа. Тот вертел в руках очки и смотрел перед собой рассеянным взглядом — словно ему докладывают какие-то скучнейшие вещи, а он, как и положено начальнику, пытается не заснуть, но и не вникает особо.

— А планов мне не рассказали на случай, если меня раскроют и пытаться будут? — спокойным голосом добавил парень, стараясь не демонстрировать своего настроения.

— Да они б не стали! — возмущенно сказал Тим, но осекся, глянув на Рогозина. — Ведь... не стали бы

— Не думаю, — ответил тот, по-прежнему словно избегая взглядом Сашу. — Тима, ты все правильно рассказал, молодец. Только есть еще одна причина...

— Между прочим, — вдруг перебила его Алиса, — мы тут упражняемся в озвучивании очевидного, а куча детишек сидит в ментовке, в КПЗ. А под дверями стоят возмущенные родители. И если мы не хотим общественного резонанса и воплей в блогах на всю страну, то давайте-ка снимем со всех показания, припугнем и распустим по домам.

— Именно это я и собираюсь сразу сделать после совещания, — кивнул Игорь. — Аркаша, поедешь со мной, будешь рожу страшную делать, у тебя получится, я знаю.

— Нашел пугало, — оскалился «силовик», но больше явных возражений не высказал.

— А почему в ментовке-то? — спросил Саша.

— А куда их девать? — пожал плечами Алиса. — К нам везти? Чтоб они потом вышли в свои любимые соцсети и на весь интернет разнесли, как их страшные спецслужбы допрашивали? Ужас же. Кровавая гэбня следит за тобой и в атсрале, анон*...

— Куча детишек в КПЗ, один мертв, мастера нет, зацепок нет, и никакой девочки Лены, судя по документам, тоже нет, — резюмировал Игорь. — На наш запрос из Москвы насчет нее ответили... след обрывается, в общем.

— Зато... хоть часть операции-то выполнена? — Света сложила руки на груди, посмотрела на шефа выжидательно.

— Да, — кивнул майор. — То, что у нас проходило под кодовым названием «Капитанская дочка». Процесс пошел, ждем результатов. Хотя не капитан он, хмырь этот... Света, изложи народу суть... а то не все в курсе.

Он упорно избегал Сашиного взгляда, и это нервировало больше, чем любые шокирующие выводы Тима.

— А кто не в курсе? — удивилась девушка. Но рассказывать начала.

— Короче, год назад, когда я только начинала внедряться в эту тусовку... Ну, я ж не на геофаке учусь, если кто не в курсе, я вообще-то филолог. А главные наши «объекты» как раз с геофака. В общем, там я пересеклась с этой вашей Катей... она вообще на любого нового человека кидается, знакомится, зовет на какие-то тусовки... Не люблю таких девиц, если честно. Ну и вот, случайно узнала, кто ее папа.

— Он вроде бизнесом каким-то занимается? — уточнил Саша.

— Теперь да. А когда-то был далеко не последним человеком в верхушке МВД. И связи старые активно поддерживает. Важный птиц, в общем. А один из его старых приятелей и с нашим высшим начальством на короткой ноге. Просчитали мы цепочку... с учетом буйного характера папаша, если его дочка влипнет в историю, он всех на уши поставит, требуя разобраться. У нас же как все делается в верхах, пока петух жареный кого-нибудь персонально в задницу не клюнет, хрен кто пошевелится...

— Классно сказала, — одобрила Алиса, даже беззвучно похлопала в ладоши. Ну, относительно беззвучно — она сегодня была в чем-то псевдоэтническом, и на запястьях при каждом движении позвякивало с десятков, наверное, тонких металлических браслетов.

— Ты понимаешь, Сань, — словно оправдываясь, сказал Тим, — когда Игорь Семеныч подал первый рапорт по поводу Игры, ему не поверили... И второму не поверили — доказательств нет. Вот мы и решили поспособствовать, чтоб там, наверху, зашевелились. Если этот бык начнет бегать по инстанциям и орать, что его дочку завербовали какие-то злые сатанисты...

— Вот я и старалась. Завербовать, так сказать. Затянуть ее в Игру. Только сложно это было, — пожаловалась Света. — Она болтать на мистические темы любительница, а как до дела доходит — сразу в кусты. Ну, как и все обыватели.

— Я не понимаю, — Саша растерянно смотрел на коллег. — Что, Катя была главной целью операции?

— Ну не главной, конечно, — Света пожала плечами. — Главной целью было завязать контакт с потенциальными «игроками», через них выйти на мастера. Я ж год уже как под прикрытием работаю. Первым делом в профком записалась добровольцем, и под этим предлогом по всем факультетам носилась, людей прощупывала. У кого биополе мощное, значит что-то практикует, подходим, знакомимся... А у Кати потенциал есть, только дура она, уж простите за прямоту. Ну а так все удачно складывалось — она как раз квартиру отдельную искала, вот мы ей квартиру и подсунули... Алиса Геннадьевна риэлтора сыграла, такой цирк был, если честно! — девушка усмехнулась, видимо, вспоминая.

— Да, во мне погибла великая актриса! — Алиса драматически закатила глаза. — Иногда, долгими безлунными ночами, можно даже почуять, как благоухает ее разлагающийся труп...

— Вот, а последним шансом затащить ее в Игру был тот подготовительный ритуал... Фарид ведь не зря к ней на квартиру заживал. Это она, небось, думала, что он ее глазками подведенными пленился. А он чувствовал — место необычное... А может, тварь чуял, ждал, пока проснется. Ну, мы ждать не стали, Тима сходил, разбудил заранее, подпитал энергией, делов-то... Фарид молодец, сразу почувствовал...

— Я смотрю, он тебе самой нравится, — с улыбкой сказал Игорь. Света нахмурилась, а потом рассмеялась:

— Всё-то вы знаете... Ну так... немножко. Все равно ведь он уедет...

— Уже уехал, — кивнул Игорь.

— Ну вот... Я вообще долго думала, что мастер - это Фарик. Только он Соню убивать не собирался, он ей помочь хотел. И знаете, я не ожидала, что мастер будет так грубо работать. Свидетелей убирать... Соню, едва возникло подозрение, что ее кто-то расспрашивал о нас... Удивительно еще, как они к Саше не прицепились сразу — он же явно был посторонним.

— Думаю, они и собирались. Но мы успели первыми, — Игорь наконец-то посмотрел на Сашу. Тот ожидал увидеть в его глазах хоть какое-то сочувствие, или, может быть, стыд... Но, кажется, для него все это было в порядке вещей. План удался...

— А если бы Катю убили? — спросил парень, едва слыша собственный голос.

— Это... в наши планы не входило, — ответила Света. А Рогозин молчал. И когда он заговорил, Саша почувствовал, словно ему за шиворот забирается ледяной арктический ветер.

— Ребята, идите-ка погуляйте. Нам с Сашей переговорить надо.

Саша вовсе не был уверен, что сможет сейчас нормально разговаривать с кем бы то ни было. Он скрестил руки на груди и уперся взглядом в полированную поверхность стола, не желая смотреть на начальника.

— Ну давай, — вздохнул Игорь, откидываясь на стуле. — Расскажи мне, какая я сволочь. Вижу ведь, что хочется.

Саша покачал головой.

— Не хочется. Потому что бесполезно. Вы же все равно будете считать, что правы. А я просто наивный идеалист. Знаете, мне, наверное, не место здесь. Я так не могу, и никогда не смогу... Люди для вас — расходный материал, так? Катя, я... да и прочие, наверное? Я понимаю, все это можно оправдать кучей красивых слов, и вообще, мы, наверное, спасаем человечество, но... я так не могу. Катя, может, и трусиха, обыватель, как вы тут любите выражаться, не слишком умная, поверхностная, ладно, да.. Но она — живой человек, понимаете? Разве не таких, как она, мы в итоге защищаем?

— Как же все повторяется... — Игорь задумчиво потер переносицу, снова потянулся к валяющимся на столе очкам. — Не поверишь, я то же самое когда-то говорил своему начальству. И все это правильно, только что поделат... гуманизм, он, знаешь, со временем проходит. В жизни часто приходится делать выбор. Ты поймешь однажды...

— Хватит! — Сам того не ожидая, Саша вдруг яростно хлопнул по столу, едва не отбив ладонь. Боль немного отрезвила сознание и прогнала наворачивавшиеся на глаза слезы.

— Я искренне надеюсь, что не пойму. Что я не доживу до того момента, когда стану бессердечным... человеком! — выпалил он. Последнее слово задумывалось немного иным, но... вежливость победила. — И я никому не позволю себя использовать!

— Все друг друга используют, это закон природы... — тихо сказал Рогозин ему вслед, но парень

уже выбежал из комнаты. Он чувствовал, что все-таки готов разреветься, и не хотелось демонстрировать кому-то эту nepозволительную слабость. Тем более, этому м... человеку.

---

*Считаю авторским долгом пояснить, что в данном случае цитируется несколько мемов Луркморья.

Глава 4. Часть 2.

«И главное, совершенно непонятно, что теперь делать» — думал Саша, мрачно глядя на разрывающийся от звонков телефон. «Интересно, какой это по счету, двадцатый? И не надоест ведь ему, а».

На номер звонящего он уже и не смотрел — вряд ли этот звонок отличается от предыдущего. И так, совещание у них уже закончилось, все несчастные детишки напуганы до полусмерти, и начальнику всего этого дурдома снова нечем заняться. Шел бы лучше составлять очередной хитрый план, у него это удачнее всего получается.

Саша не хотел возвращаться. Не хотел больше слушать эти убедительные речи, сомневаясь в каждом слове.

«Всё так. Я просто не подхожу для этой работы. Но... они ведь меня в покое не оставят. Я уже слишком много успел узнать, просто так не отпустят. Тогда — что? Может, мне просто снова подписать кучу документов, и свободен? Ну да, конечно... пулю в лоб, и — свободен... и всем так спокойнее. Хотя нет. Они ведь работают тоньше. Никаких пуль... как там было написано, синхронизируйте частоту сердцебиения объекта с каким-нибудь простым движением... А потом сжать кулак, и... найдут молодого парня на полу с инфарктом, удивятся, но спишут негласно на наркотики...Мама расстроится, блин...»

В носу снова предательски защипало. Саша вздрогнул, и сказал себе, что ударяться в жалость к себе — последнее дело. Надо бороться. Бежать, в конце концов. Как чувствовал еще при первой встрече — надо бежать... От тех, кто только притворяется людьми. Потому что ставящий себя выше прочих, присваивающий себе право решать за других, играть чужой жизнью и смертью — уже не человек. Тварь вроде загадочной этой Лены.

Злость быстро улетучивалась, оставалась обида. И Саша прекрасно понимал, что, наверное, перегибает палку, реагируя так остро. Но... Если бы на месте Игоря изначально был какой-нибудь мерзкий тип... старый и лысый, скажем... хотя, при чем здесь внешность? Короче, если б он не прикидывался таким... таким... а каким он прикидывался? Просто был собой. Люди склонны строить иллюзии совершенно самостоятельно. Кто сказал, что обаятельный и приятный в общении человек не может быть скотиной? Однако так гораздо больше разочаровываться. Когда веришь кому-то, пускаешь в свое сердце, восхищаешься, почти... любишь? Дурацкая мысль, но это слово в чем-то подходит... Это же не любовь, такая, как к девушке, верно? Просто... словно ты очутился в одном из этих старых фильмов, что еще на видеокассетах... юноша-сирота, тибетский монастырь, куча китайцев задорно машет ногами... и учитель, гуру, сенсей, весь такой в белом, на фоне заката, да? И он научит тебя разбивать кирпичи одной левой, и ты пойдешь и вломишь всем обидчикам, а потом сядешь медитировать на цветок лотоса... господи, ну и бред. Не объяснить словами, что происходит в душе, когда кажется, что встретил кого-то, настолько близкого к твоему собственному представлению о совершенстве... а потом узнаешь, что он цинично использовал тебя и твоих... близких.

И что теперь?

«Первым делом», сказал он себе, «нужно, чтобы они не могли меня выследить».

И вытащил симку из телефона. Потом, подумав, отложил в сторону и сам телефон — вдруг там могут быть «жучки»? Быстро собрал сумку — деньги, паспорт, учебники, ноут... что еще нужно? Подумав, натянул самый теплый свитер.

«Ну, и куда бежать? И что с универом? Через универ найдут в любой момент... Бросать учебу? Ненавижу, сволочи... зачем я вообще во все это ввязался...»

Он едва не выронил сумку, когда услышал стук в дверь.

«Вот, значит, как... Лично приперся?»

Что неожиданный посетитель — это Rogozin, парень был совершенно уверен. То ли запах его треклятых духов просочился сквозь дверь, то ли все-таки не зря Саша так интенсивно тренировал свои экстрасенсорные способности в последнее время — ощущение было очень явственным и четким.

«Неужели решил все-таки лично меня пристукнуть? Да ну, бред... Начнет сейчас опять всякую лапшу вешать... и я поверю... и снова влипну...»

Перед глазами мелькали картинки — майор и Вит на фоне слепящего белого пламени, молниеносный удар, кровь, парень падает... Как можно было верить человеку, убивающему голыми руками? И в то же время... неужели все его поведение было игрой? Вся эта фигня про ромашковый чай... и к чему была его дурацкая футболка, и пробежка эта сегодня утром?

В голове царил неопиcуемый хаос. Саша распахнул балконную дверь, вдохнул холодный, бодрящий воздух снаружи. Балкон был открытым... и никаких пожарных лестниц, даже трубы поблизости нет, спуститься по гладкой стене — нереально. Хотя был такой порыв однажды...

— О, у меня новый сосед? — радостно поинтересовался женский голос. На соседнем балконе курила рыжеволосая девушка примерно Сашиных лет. Парень смутился, поймав ее изучающий взгляд.

— Я тут, вроде, год живу.

— И ни разу не выходил на балкон? — со смехом спросила девушка. Саша пожал плечами.

— Ну, я же не курю!

— А воздухом выходить подышать — тоже не вариант?

Девушка была симпатичная, и этот незначительный факт подтолкнул Сашу к совершенно авантюрному решению.

— Понимаешь, я секретный агент, — с серьезной миной сказал он. — Последнее время работал под прикрытием, и светиться мне никак нельзя было. А теперь у меня проблемы. Честно говоря, сейчас в мою дверь ломится один неприятный тип. Можно, я через твой балкон выйду?

Между балконами перелезть было, в принципе, возможно — если не бояться высоты. Саша не то чтобы боялся... ну, опасался. Но идея вдруг показалась ему привлекательной.

— Ты понимаешь, на что это похоже? — девушка аж сигарету отбросила. — Вылезает на балкон незнакомый парень, с сумкой на плече... А вдруг ты эту квартиру ограбил?

— Тогда я бы тем же путем и ушел, — Саша постарался улыбнуться как можно обаятельнее, и развел руками.

— Ну... попробуй, — с сомнением сказала девушка, глянув вниз. — Только постарайся не украсить асфальт своими мозгами, мне слишком нравится вид отсюда.

Первым делом Саша перекинул сумку — чтобы некуда было отступать. Потом встал на перила... порыв ветра заставил его судорожно вцепиться в край стены. Собственно, тут надо было сделать один шаг. Широкий такой шаг... боком. И уверенно, чтоб нога не соскользнула... И не смотреть вниз. Во всех книгах, фильмах, историях — герою всегда не советуют смотреть вниз. И он всегда смотрит...

Саша посмотрел вниз. Мышцы тут же скрутило в панической судороге.

— Кстати, меня Настя зовут, — спокойно сообщила девушка. Очень вовремя, ничего не скажешь.

Настя. Девушка по соседству. Если б не жил таким затворником — добрую сотню раз успел бы с ней пересечься. И познакомиться. И, может быть, позвал бы в кино рыжую девушку Настю, а не брюнетку Катю. И ничего драматического больше не случилось бы... и не висел бы он сейчас между балконами, как неудачливый любовник из советских анекдотов...

С этой самокритичной мыслью Саша перешагнул на перила соседнего балкона, и тут же шлепнулся на пол, потому что Настя стащила его вниз, не давая кувырнуться назад, в пропасть.

— Ну ты экстремал, — сказала она, ухмыляясь. Саша нервно оглянулся назад.

— Неа, — сказал он, стараясь звучать небрежно, — просто я секретный агент.

Предательски подрагивающая правая коленка, конечно, выдавала его с головой, но что уж тут поделать.

Они ввалились в гостиную, и девушка, рассматривая своего неожиданного гостя, поинтересовалась ехидно:

— А секретные агенты пьют чай? Или только виски со льдом?

— Агенты пьют все, даже медицинский спирт, — обнадежил ее парень, нервно оглядываясь. — Но сейчас мне правда нужно смыться. Можешь выглянуть в глазок осторожно?

— То есть, это был не треп и не оригинальный способ познакомиться, — отметила Настя. Тон ее, впрочем, обиженным не был — скорее, деловым. — Сейчас посмотрю.

— Нет там никого, — сообщила она минутой позднее. — Ушел уже, наверное...

— Или проник в квартиру, — вздохнул Саша. — У него вполне могут быть отмычки. Или дубликат ключей.

— Ты ему денег должен, что ли? — спросила хозяйка квартиры. Саша только помотал головой.

— Все очень сложно и запутанно. Извини, мне правда нужно бежать. И мне очень жаль, что я так редко выходил на балкон.

Настя рассмеялась, но глаза ее пытливо и серьезно изучали его лицо.

— Ты в квартиру-то вернешься?

— Не знаю... ничего я теперь не знаю. Удачи! — он уже выскакивал в коридор, когда очередная шальная мысль посетила его многострадальную голову. И откуда только берутся такие мысли у застенчивых и необщительных парней? Потянувшись внезапно к девушке, он быстро чмокнул ее в губы, сказал что-то вроде «жди меня, и я вернусь», и бегом помчался к выходу.

«Что они со мной сделали» — с растерянной ухмылкой думал Саша, прислонившись лбом к надписи «не прислоняться», пока за стеклом пульсировала темнота тоннеля метро. «Я прыгаю по балконам, целую незнакомых девушек... еще месяц назад все это показалось бы бредом. Как, интересно, интерпретировал бы такую трансформацию психолог-профессионал? Может, когда человек осознает, что считавшееся ранее невозможным — возможно, у него слетают все оставшиеся тормоза? Так нельзя... иначе превратишься невесть во что. Наподобие Рогозина. Из святого у него, значит, только утренняя пробежка, ну-ну... Нет, не думать об этом, не думать о нем.»

Витек открыл дверь сразу, растерянно щурясь в полумрак лестничной площадки — за окном уже темнело, а лампочку, видимо, постигла неизбежная судьба всех российских лампочек в подъездах — то ль разбили, то ли сперли.

— Ты чего, случилось че? — спросил он встревоженно.

— Пустишь бедного бомжа погреться — расскажу, — улыбнулся Саша.

К тому моменту, как они уселись пить чай на кухне, он успел придумать отличную «легенду» — родная «контора» могла бы им гордиться. Ну... бывшая некогда родной. Еще утром, вообще-то. Но об этом парень решительно запрещал себе думать и уж тем более — сожалеть.

— Короче, помнишь, меня баба на крутой тачке подвозила?

Один из первых принципов так называемого нейролингвистического программирования, как объясняли ему недавно — уверенный тон. Спроси человека «а помнишь ли ты» тоном, не терпящим возражений — восемь из десяти скажут «помню», а двое из этих восьми — могут и вправду «вспомнить» событие, которого не было. А события не было — Витек сам его выдумал когда-то. Остается только поддержать его в собственных заблуждениях...

— Ну, — легко согласился приятель. — И че?

— Ну и вот, ее муж меня теперь ищет.

Второй из важнейших принципов манипулирования людьми — игра на сходстве интересов. Покажи человеку, что ты ему подобен, что у вас похожие приоритеты и цели в жизни...

— Пришел сегодня, в дверь ломился, угрожал... Я через балкон вылез.

«Я веду себя, как они» — с ужасом осознал Саша. «Но ведь это всего лишь Витек... трепло и бабник... всего лишь? А где граница между теми, кем манипулировать не стыдно, и прочими? Но я ведь не могу сказать ему правду? Мне просто нужно где-то спрятаться... Да я и без

всякого НЛП вел бы себя точно так же! Все так делают... неосознанно. Подстраиваются под собеседника, предлагая ему улучшенную, отредактированную версию себя. Все друг друга используют...»

— А самое страшное, что он прав, — со вздохом произнес Саша, думая вовсе не о мифическом муже. Разумеется, Витек понял его совсем иначе.

— В смысле, что семейные узы священны и все такое? Ну... эт, конечно, верно. Но она тебя любит?

— Думаю, она меня просто использовала, — кажется, эта фраза прозвучала искренней прочих.

Третье важное правило НЛП: создай правильный контекст, а потом мели, что хочешь — собеседник уже выстроил в голове стройную картину, и дорисует ее совершенно самостоятельно.

— Вот сука, — резюмировал Витек. — А тебе из-за нее теперь скрываться. Ну ты поживи у меня, не вопрос вообще. Маме объясню, наплету че-нить. Да ей и пофиг, она дома-то не бывает, со своим графиком... Слушай, а с универом как?

— Не знаю пока, — вздохнул Саша. — Завтра не пойду точно, а там посмотрим, может, уляжется...

Пытаясь устроиться на диване в комнате Виктора, Саша невольно с тоской вспомнил шикарную двуспальную кровать в доме Рогозина. Интересно... когда-то это было супружеское ложе? Так, стоп, какого рожна тебе это интересно? Забыть, забыть...

Но перед глазами, точно против его воли, уже замелькали лица и картинки. Тим, Оля, Алиса, Аркадий... Игорь, конечно же.

История с Катей точно послужила спусковым крючком для паранойи, заставив Сашу переосмыслить поведение окружающих его людей... Но сейчас почему-то упорно вспоминалось только хорошее. Разговоры, шутки... забота и поддержка.

«Или кто-то на меня воздействует» — это вновь подала голос паранойя.

«Или это у тебя паранойя» — логический рассудок решил сыграть в Капитана Очевидность.

«Я так точно не засну», вздохнул Саша. Сон, впрочем, тоже был подозрительной затеей — во сне его могла найти Оля, например, или...

Саша потянулся к сумке и вынул оттуда пачку таблеток.

Снотворные из группы производных имидазопиридинов дарят пациенту сон без сновидений, говорил Игорь. Под чем-то подобным держали Фариды — и никто не мог его найти.

«И что дальше, всю жизнь будешь на снотворных сидеть?» — поинтересовался очередной внутренний голос, на удивление насмешливый.

«Там разберемся» — ответил ему Саша.

Глава 4. Часть 3.

Вопреки ожиданиям, в университете Сашу никто посторонний не разыскивал, и через несколько дней он рискнул выбраться в город, а затем и объявиться на занятиях. Ночи пролетали без сновидений, пачка таблеток подходила к середине. От всех возможных воздействий парень старательно закрывался «щитами», представляя их стальными, бетонными, огромными, непробиваемыми... Вроде работало. Никто не лез в его сознание — впрочем, там и без чужого вмешательства творился бардак. На улицах, в метро, в коридорах института Саше мерещились то знакомые лица сотрудников Тринадцатого отдела, то навязчивый запах духов его руководителя... Словно весь город помешался на дорогом мужском парфюме, поливаясь им с ног до головы, или это обоняние его внезапно обострилось до почти звериного? Память не давала расслабиться, то и дело подбрасывая необычайно четкие воспоминания. Звуки, картинки, мелодия из наушников случайного соседа в вагоне, названия улиц и реклама на бортах автобусов — всё так или иначе вплеталось в сложную паутину ассоциаций, всё напоминало о тех нескольких ярких и сумасшедших неделях, которые парень тщетно пытался стереть из своей головы.

«И что теперь?» — спрашивал он себя, закрывая глаза по вечерам на жестком диванчике в комнате Виктора.

«Ну и?» — переспрашивал требовательный внутренний голос, стоило ему разомкнуть веки под оглушительное дребезжание допотопного будильника.

Нужно было принимать какое-то решение, уезжать из города, или идти «сдаваться» Рогозину, делать хоть что-то... Саша ходил на пары, глотал снотворное, гнал из головы назойливые мысли — как там ребята, до чего докопались, что же такое, интересно, эта «Лена»?

— Слышал, у нас какую-то секту накрыли, — шептал на ухо Витек, косясь на монотонно бубнящего лектора. — Они парня одного в жертву принесли, прикинь? С геофака тип, с четвертого курса...

— Да, — Саша кивнул безразлично, продолжая рассеянно глядеть в пустую тетрадь, где с начала лекции так и не появилось ни строчки. — Как его звали? Вроде тезка твой? Или Виталик, не помню...

— Не, Семен его звали, точно, я запомнил...

«Семен, значит. А я думал, Вит — Виталий или что-то в этом духе... Впрочем, неудивительно. Не подходило ему это имя...»

— Да, точно. В жертву принеси, значит. Ладно...

— Санек, ну ты чего такой, хватит киснуть уже, бабы приходят и уходят, а жизнь продолжается...

— Да я не из-за бабы вовсе, — честно ответил парень.

На паре по физиологии он точно спал с открытыми глазами — информация не задерживалась в сознании, речь бессвязным потоком вливалась в уши. Впору писать диссертацию о влиянии сновидений, точнее, их отсутствия, на когнитивные способности наяву. Или у таблеток просто такие побочные эффекты?

А на английском был Крыс, и он был мерзок как никогда, и, точно почувствовав слабость одного из своих студентов, он кинулся, как и подобает крысе, добывать раненого. Саша едва успевал отбиваться от его придирок. Он чувствовал, что преподаватель безбожно его

«вампит», и не раз пытался «обрубить» щупальца — глазами он их не видел, но вполне уже четко представлял в уме. Однако, все силы уходило в «щиты», и больше их ни на что не хватало. Крыс, в конце концов, обнаглев окончательно, заявил, что желает видеть Сашу завтра после пар — для индивидуальной, видите ли, отработки пропущенных занятий. Тот даже спорить не стал, чувствуя, что это бесполезно.

«Чего ему нужно, интересно? Он же прекрасно знает мой уровень, знает, что один-два пропуска ни на что не повлияют... и домашку-то я делал... Вот старый пидор, денег хочет, что ли?» — возмущался в уме Саша, топя по коридору родного психфака. «И ничего ведь с ним не поделаешь... хотя... Вот интересно, что б на моем месте сделал Rogozin? А, черт, не думать об этом, не думать о нем... Но все же? Пришел бы, наверное, с диктофоном, записал весь разговор, потом — заявил бы на него... и законно, и проблема устранена. Ладно, а если Крыс денег не потребует? Если он просто взелся на меня, и из принципа на экзамене завалит... Интересно, а вампира сложно убить? Сложнее, чем обычного человека? Если попробовать... подстроиться под его сердечный ритм и все такое...»

Саша аж остановился посреди коридора, когда понял, о чем только что подумал. «Нет, вот так точно нельзя... Нельзя так решать проблемы. Иначе превратишься в эдакого... сверхчеловека в худшей из трактовок учения Ницше. В людоеда, для которого собратья по виду хомо сапиенс — то ли мясо, то ли расходный материал. Но... вот Rogozin же не убивает людей направо и налево? Хотя может ведь. Что его сдерживает? Ладно, а что удерживает обычного, среднего человека от убийств негодных ему людей? Есть такое подозрение, что исключительно отсутствие доступных средств, да страх перед законом...»

— Слышь, Достоевский, ты жрать идешь? — Витек чувствительно хлопнул его по плечу. Он и дома, и в универе как-то ненавязчиво присматривал за другом, опасаясь, видимо, как бы тот не принялся резать вены от мифической несчастной любви.

— Не, не хочется. А почему это Достоевский, интересно?

— Да рожа у тебя сейчас такая была, будто ты о высоком размышляешь... Ну там, быть или не быть, тварь я дрожащая или право имею, топором по голове или головой по топору...

— Ну ты и телепат, — улыбнулся Саша. — Да, примерно об этом и думал. Ладно, иди уж, я и правда не голодный...

Он бесцельно брел по коридору, когда взгляд случайно зацепился за что-то знакомое.

— Катя?! — от неожиданности он даже вслух окликнул девушку. И бросился к ней, но... дорогу ему внезапно перегородил здоровый амбал в черном костюме.

— Стоять, — сказал он, профессиональным жестом тормозя парня на бегу.

Катя оглянулась. Взгляд у нее был затравленный.

— Не подходи! — она почти выкрикнула это, прячась за спину телохранителя.

— Катя, я же... не с ними... — беспомощно произнес Саша, уже понимая, что с однокурсницей ему сегодня не поговорить. Или — уже с бывшей однокурсницей? Катя не появлялась в университете с первого числа, говорили, что она забрала документы...

— Давай, топай, — охранник бесцеремонно развернул его спиной и подтолкнул.

Саша прошел по инерции несколько шагов и остановился, беспомощно глядя вслед поспешно уходящей Кате.

«А вот Рогозин бы этого амбала, наверное, одной левой свалил» — почти машинально подумал он. «Тьфу ты, напасть... не думать о нем, не... В конце концов, это по его вине девчонка теперь от собственной тени шарахается, с телохранителями по универу ходит... Наверное, приезжала какие-нибудь бумажки забирать, вроде из деканата выходила как раз?»

— Саш, зайди в деканат, — точно эхом повторяя его мысли, прозвучало где-то рядом, и парень растерянно заозирался, не сразу сообразив, что это староста группы, невысокая девчонка с экзотическим именем Айгуль, просительно выглядывает из-под его левого локтя — росту она была крохотного, полтора метра, наверное.

— Угу, — кивнул он и развернулся, мрачно глядя на искомую дверь.

«Небось, за пропуска начнут распекать... вот же блин».

Но о пропусках никто и не заикнулся. Замдеканша, высокая дама с копной не по возрасту угольно-черных волос, смотрела на него едва ли не ласково, чего за ней никогда не водилось. Саша на всякий случай испугался и затормозил на пороге. Вторую женщину в кабинете он узнал не сразу, а когда узнал — сердце ухнуло куда-то в глубину желудка, и оттуда застучало часто-часто, а потом его накрыло волной какого-то бездумного облегчения — собственно, мучительные метания закончились, и пока он пытался принять хотя какое-то решение, за него уже, видимо, все решили. Осталось только принять приговор.

Оказывается, если Алису перекрасить в цвет «пепельный блонд» и одеть в строгий деловой костюм, дополнив его очками и сумочкой в том же духе, выяснится, что ей на самом-то деле уже лет под сорок, и смотрится она, как вполне успешная бизнес-вумен. А если она при этом еще и говорить будет без обычного своего ерничанья — так вообще полный Голливуд выйдет, в кадре только Ричарда Гира не хватает для комплекта.

— Сашенька, — проникновенно произнесла эта «бизнес-леди», — с бабушкой совсем плохо, надо срочно ехать в Норильск.

«Какая, нафиг, бабушка в Норильске?» — Саша с трудом сдержал нервную ухмылку. «Это Рогозин у нас бабушка, что ли?»

Сердце вдруг решило повторить свой сомнительный акробатический номер. «Она что, хочет сказать, что с ним что-то...»

Он, наверное, заметно побледнел, потому что замдеканша тут же вскочила, усадила его на стул, начала хлопотать вокруг него. Парень с трудом улавливал смысл реплик, которыми она обменивалась с Алисой. Что-то про наследство и «бедный мальчик, он так ее любил с детства».

— А ты хороший актер, никогда б не подумала, — одобительно сказала Алиса, ведя его к выходу — ее рука с острыми длинными ногтями цепко держала его за локоть, а впрочем, Саша и не пытался вырваться — ему уже просто до смерти надоело убегать и прятаться, и он шел сейчас к машине Алисы с горделивым достоинством обреченного на казнь. — Я думала, ты там реально в обморок грохнешься.

— Что у меня за бабушка в Норильске, можно узнать? — спросил Саша, отстраненно глядя перед собой.

— Оо. Там такая бабушка — закачаешься. Из Москвы куратор наш приперся с проверкой, всех допрашивает, кто на финальной операции был. Тебя вот возжелал видеть, пришлось прервать твой отпуск, уж извини.

— Отпуск? — тупо переспросил парень, не понимая, о чем идет речь.

— Ну да. Игорек сказал, он тебя в отпуск отправил, нервы лечить... В общем у меня изначально другой план был, но я как эту старую еврейку увидела — тут же придумала идею получше. Представилась, прикинь, вашим семейным адвокатом!

-Ну вы и гоните, Алиса Геннадьевна, — слабо улыбнулся Саша, постепенно приходя в себя. Отпуск, ну надо же... — Какие в наше время семейные адвокаты?

— Ну вот как-то так в голову взбрело... Говорю, так и так, в общем, бабуля помирает, надо убедиться, что мальчика внесли в завещание, вы ж понимаете, сейчас такое начнется, начнут дом делить, а дом хороший, трехэтажный, с колоннами...

— Какие колонны... — почти простонал Саша, сгибаясь пополам от смеха. Они уже сидели в машине, и он едва не врезался лбом в приборную панель, но смеяться не прекратил. Нервное напряжение последних дней начинало потихоньку его отпускать. Он-то думал, что его ищут, может, даже устранить хотят, у Витька диван протирал, вот ведь дурак...

— Да не знаю я, какие колонны, на меня как вдохновение накатит, так уж несет и несет... Говорю ж, этой вашей замдеканше такая история — самое то.

— А с чего вы взяли, что она еврейка? — все еще улыбаясь, спросил Саша.

— Чувствую я их, — сказала Алиса, ухмыляясь. — Как вампиров. Ну чего ты напрягся? Шучу... По роже видно же. И вообще, ты чего такой, как мешком прихлопнутый? Как будто и не отдыхал неделю... Учеба, что ли, грузит?

— Да я... в общем, не отправляли меня в отпуск. Я... вроде как сбежал, — помявшись, признался Саша. — На Игоря Семеновича наорал и сбежал. Поссорились мы... кажется.

— Ну ты силен, — рассмеялась Алиса. — Уважаю прям. Чего не поделили? Морально-этические вопросы, да? Это после совещания? А я думала, куда ты смылся так оперативно...

— Ну... в основном это из-за Кати, да, — вздохнул Саша. И в общих чертах пересказал Алисе путанные свои размышления за последние дни.

— Вот скажите, я неправ? — спросил он в конце, покосившись на женщину. Та спокойно вела машину — на удивление спокойно, что с ее старым образом тоже не вязалось, как и деловой костюм.

— По-своему прав, конечно, — задумчиво сказала она. — Все мы по молодости идеалисты. И все мы видим только одну сторону любой медали — ту, что к нам ближе. А вот Игорек, например, обязан видеть обе стороны одновременно. Это, знаешь ли, непросто. Он принимает решения и просчитывает их последствия — все последствия. Старается, по крайней мере.

— Тут у вас ситуация, что называется — нашла коса на камень, — продолжила Алиса после небольшой паузы. — У Игоря мания — все контролировать, а у тебя пунктик — чтоб тебя не контролировали, как я погляжу. Да и признайся, этот «отпуск» твой самовольный был на самом деле не столько реакцией на «аморальные» схемы нашего шефа, сколько выпендрежем?

Попыткой доказать себе и ему, что ты — не игрушка в его руках?

Саша неопределенно хмыкнул — он над такой версией не задумывался. Алиса кивнула.

— Вот ты говоришь — он бессердечный тип, девушку довел до нервного срыва. Ее убить могли, и да, я с тобой не спорю. А ты вроде был там, на месте ритуала, видел, что Светку тоже зарезать хотели, когда она с ними драться начала? Я не видела, я отчет читала. Что Игорь сделал?

— Он этого... Вита... убил, — с трудом выговорил Саша. Картинка вновь встала перед глазами, точно навязчивый глюк — черные силуэты, белое пламя, алая кровь. Стильный минимализм.

— Защищая Светку, — кивнула Алиса. — Защищая свою сотрудницу. А ты знаешь, что он родителям этого парня сам звонил, лично? Представился сотрудником милиции, изложил... официальную версию. Для него это принципиальный момент, видите ли. Чтоб никому другому не пришлось.

— Неа... — прошептал Саша.

— Он эту операцию год готовил, — Алиса тоже вздохнула. — Ты вот видишь одну замученную девушку, живую пока что. А ему каждый день отчеты приносят из милиции — там убийство при непонятных обстоятельствах, здесь маньяк неуловимый шестерых уже разделал... Что-то происходит с людьми, с миром, понимаешь, все это чувствуют, старые опытные операторы — все до единого. Игра эта... с каждым годом все круче. Словно маятник какой-то раскачивается, маятник силы. А начальство наше — там нет этих старых опытных операторов, и сенсов тем более, не делаем мы карьер политических, понимаешь? И они нам не верят. Думают, мы психи все. А мы психи, да... — Прервавшись на полуслове, Алиса остановила машину. Саша выглянул в окно — место было незнакомое. — Идем, надо еще Тима захватить, поторопим его, а то он, небось, косички там свои еще час заплетать будет...

— Какие косички? — удивленно спросил Саша. Но когда дверь квартиры распахнулась, он понял, о чем шла речь — Тим теперь щеголял роскошными дрэдами, с вплетенными в них деревянными бусинами и ленточками.

— Санек, какие люди! — он радостно похлопал парня по плечу, махнул рукой приглашающе. — Заходите, я сейчас, пару минут...

Квартира у него была под стать имиджу — коридор, заваленный каким-то жутко интересным хламом вперемешку с книгами, Боб Марли скалится с плаката, пол расчерчен сложными пентаграммами и какими-то каббалистическими, что ли, знаками...

— Идем, — Алиса увлекла парня за собой, привела на кухню, где на окне в горшках радостно зеленели какие-то смутно знакомые растения, напоминающие коноплю, только с более рассеченными листьями.

— Декоративная, — пояснила Алиса. — Для понту... Нравится мне тут. Напоминает атмосферу первых советских хипповских флэтов. Впрочем, первые-то я уже и не застала, но в восьмидесятые тоже не скучно было, поверь.

— Так вот, мы психи, — продолжила она, усевшись на древнюю расшатанную табуретку, и закурив длинную сигарету с тонким вишневым ароматом. — По роду деятельности, понимаешь. Среди кондовых таких шизиков, что в буйных палатах — через одного все активные сенсы, например, я статистику читала. Знаешь, в чем разница? Наша шиза контролируется некой

областью сознания, волнениям материального мира не подверженной. Этаким спокойный и бесстрастный внутренний голос, говорящий, что все это фигня, и вообще все фигня, а работать надо. Чем раньше ты ее в себе разовьешь, тем больше шансов не поехать, когда накроет. А накроет непременно. Но я сейчас не о том. А о том, что не надо нас судить обыденными категориями, о'кей? Мы психи, все по-своему поехавшие, при том — вооруженные и опасные, и ты, между прочим, отлично вписываешься в нашу славную компанию, так что не обольщайся. Такая уж цена у выхода за пределы человеческой формы.

— В смысле? — Саше очень не понравилась эта формулировка, про человеческую форму. От нее ощутимо веяло запредельным каким-то холодом и ужасом.

— Ну, это термин такой, из Кастанеды, что ли... — Алиса нетерпеливо махнула в воздухе сигаретой. — Мне например, нравится. Отражает суть. Вроде как, развивая в себе сверхспособности, становишься все менее человеком. По-моему, довольно точно, хотя многие пугаются. И чего все так цепляются за свою эфемерную «человечность»? Люди, в массе своей, не самые приятные создания, на мой вкус... Воюют бессмысленно, размножаются бесконтрольно, потребляют бездумно...

«Умеет же она жуть нагнать... прямо как сам Рогозин» — мрачно подумал Саша. Ему вспомнились недавние мысли о «нелюдах». Вот уж, попал в точку, называется...

Словно почувствовав, что надо бы прервать тяжелый разговор, на кухню заглянул Тим, сияя радостной, открытой улыбкой.

— Ну чего, идем? — спросил он, и гнетущая атмосфера на кухне моментально рассеялась.

— Тим, а для чего эти... символы? — спросил Саша, осторожно перешагивая очередную пентаграмму на полу.

— А, это от тараканов, — отмахнулся парень. Саша едва не споткнулся на месте.

— То есть...?

— Ну, мелком от тараканов нарисовано. В инструкции было написано — нанести на поверхности, где бегают эти твари. А они ж везде бегают! Ну, я на полу периодически рисую... ну а что, не крестики-нолики же мне рисовать! Заодно и на квартиру защиту поставил. В астрале все, надо сказать, по высшему разряду получилось, никто носа не просунет... А вот на материальном плане... все равно лезут, суки! Через вентиляцию от соседей, что ли...

— Тараканы? — на всякий случай уточнил Саша.

«Психи. Нелюди. Ага» — иронически подумал он, глядя, как на спине Тима задорно подпрыгивают при каждом шаге бусины, вплетенные в дрэды. «Как говорил один мой знакомый, тонка грань между эксцентричностью и е**нутостью. Но все-таки с ними не соскучишься... может быть, это и есть самое главное?»

— Ну, мы едем? — нетерпеливо спросил Тимофей, увидев, что Алиса затормозила на крыльце подъезда.

— Сначала я докурю, — тоном великосветской дамы ответила та. Тим пожал плечами, и пошел к машине, а Сашу неожиданно остановила рука Алисы, нечувствительно царапнув ногтями запястье.

— Вот еще что, — произнесла женщина. — Ты думаешь, что Игорь тебя использовал. Ты думаешь о том, что тебя могли убить на задании. Да, он послал тебя туда, рискуя и твоей жизнью, в том числе. Но поверь, если б ему понадобилось отправиться туда самому, с той же степенью риска — он бы пошел. Ты говоришь, для него люди — пушечное мясо. Но если это и так, то для себя он не делает исключения. И если бы тебя там убили... поверь, он бы расстроился. Он всегда расстраивается... — тут Алиса закашлялась, точно сообразив, что сморозила что-то не то.

— В общем, что я хочу сказать, — резюмировала она, отбросив сигарету, и двинувшись к машине. — Ты его сейчас не грузи со своими моральными дилеммами, ладно? Ему и так сейчас несладко... Куратор еще этот... отчитывайся ему, блин...

— А кто он такой, этот куратор? — спросил Саша, оказавшись в машине. Он не был уверен, что Алиса станет отвечать, и надеялся на словоохотливость Тимофея. Но женщина, вопреки ожиданиям, заговорила первой:

— Это такой специальный мудака, который проверяет, не совсем ли мы тут двинулись, и докладывает периодически наверх, что не совсем. Я и должность-то его официальную не знаю, если честно. Но, в общем, я тебе говорила, что операторы политической карьеры не делают? Так вот, есть одно... неприятное исключение.

— Ну по крайней мере, шеф говорит, что именно благодаря поддержке этого «исключения» нас еще не прикрыли вообще, — подал голос Тим. — Потому что он-то понимает...

— Игорек много чего говорил, — резко ответила Алиса. — Например, что женился по любви. Он же не уточнял, по любви к кому...

Тим фыркнул, но комментировать это странное заявление не стал.

— А неприятное оно потому, — продолжила Алиса, зло прищурилась, — что Руслан это единственный человек на свете, который еще способен Игоря довести. И надо ж было так сложиться, что он именно этим и занимается, регулярно и с удовольствием.

— Руслан? — имя что-то смутно напоминало Саше. — Это его... бывший сослуживец, что ли? Но... я так понял, что он погиб...

— Да лучше б он, сука, сдох, — ответила женщина за рулем, с такой злостью, какой в ее голосе до сих пор Саша не слышал ни разу.

— Понимаешь, — пояснил Тим, — вот он приедет, они поругаются, а потом Игорь Семеныч возьмет и в запой уйдет на неделю... или еще чего...

— Не уйдет, — сказала Алиса с усмешкой. — Он мне обещал, что больше такого, как той весной, не будет.

— Сложные у них, в общем, отношения, — вздохнул Тимофей с заднего сиденья.

Саша поежился, словно от холода, хотя в машине было довольно тепло. Теперь ему еще меньше хотелось иметь дело с таинственным куратором. Он честно попытался представить себе человека, способного довести Рогозина до недельного запоя. Воображение упорно пасовало, подсовывая ему взамен образ мифического Азатота, Ктулху, или еще какого-нибудь мифического чудовища, так и не пришедшего, к счастью, к незадачливым «культистам».

Глава 4. Часть 4.

Кажется, никто в отделе и впрямь не подозревал о Сашиной нелепой попытке к бегству. Все вели себя, как всегда, приветливо здоровались, ни о чем не расспрашивая. Под дверью кабинета Рогозина бесцельно бродил Аркадий с физиономией еще более мрачной, чем обычно, но и он удостоил Сашу приветственного кивка.

— Ну, че там? — спросила Алиса. Едва войдя в здание, она тут же успела скинуть пиджак, небрежно закатать рукава блузки и нацепить на шею яркое ожерелье — кажется, выглядеть официально на работе для нее было принципиальным «табу».

— Разговаривают, — ответил Аркадий, сложив руки на груди.

— А ты чего, охраняешь, что ли?

— А я тут на всякий случай. Мало ли, вдруг кому морду набить понадобится? А то давно уже руки чешутся это сделать. Лет пятнадцать как.

— Эта чесотка у нас у всех общая, не сомневайся, — хихикнула женщина. И ткнула Сашу в спину: — Давай, заходи. Не бойсь, если что — вон под дверью охрана какая, справимся...

Саша пробормотал что-то на тему, что он вовсе и не боится, и, постучав для проформы в дверь, шагнул в кабинет.

Здесь почти все было по-прежнему — тонкий запах хвои и духов, холодный ветер из вечно приоткрытого окна, какие-то бумаги на столе... Фоторамка вот, разве что, куда-то исчезла. Хозяин кабинета стоял у окна и на стук двери не обернулся, а вот гость, вальяжно развалившийся в кресле, пристально посмотрел на вошедшего парня. Саша мгновенно насторожился — этот странный тип вызывал у него ассоциацию с каким-то крупным хищным зверем. Хотелось медленно, боком, не спуская глаз с противника, уйти из опасного места.

Куратор отдела выглядел почти ровесником Игоря — только в его темных волосах уже пробивалась седина, и взгляд был жестче, и загорелая кожа казалась будто стянутой на висках. Его строгий темный костюм неожиданно дополнял деревянный амулет на плетеном шнурке, болтавшийся на шее.

— Вы меня... вызывали? — спросил Саша, обращаясь скорее к Игорю, чем к неприятному гостю, но тот по-прежнему не реагировал, молча рассматривая что-то за окном.

— Ну если нет, так я пойду? — парень почувствовал глухое раздражение. Ладно, наорал бы, врезал по морде, посадил в камеру, отдал сектантам для жертвоприношения... игнорировать-то зачем?

— Забавный мальчик, — сказал куратор, продолжая сверлить его взглядом. — Дикий, неприрученный еще. Как звереныш лесной.

«На себя бы посмотрел», мысленно фыркнул Саша.

— Да ты присядь, — сказал Руслан, и парень тут же плюхнулся на стул, точно его ноги решили подчиниться команде, минуя мозг. «Да что со мной такое?» — подумал он, потихоньку начиная паниковать. В голове у него возникла странная, неприятная вибрация, словно кто-то сверлил висок огромной невидимой дрелью.

— Отвали, — сказал вдруг Рогозин, и Саша испугался еще сильнее — он и не думал, что его начальник может говорить с такой ненавистью. До парня не сразу дошло, кому предназначалась реплика, пока Игорь не продолжил:

— Если тебе что-то нужно узнать, открой рот и спроси, а не лезь ребенку в мозги. Совсем по-человечески говорить разучился?

Руслан засмеялся — странным, надтреснутым смехом.

— Да мне в общих чертах и так все понятно, а частности мне давно неинтересны. Это твоя специализация — частности...

— Говорят, дьявол обитает в мелочах, — Игорь наконец-то развернулся спиной к окну, но взгляд его был направлен исключительно на Руслана.

— Дьявол обитает в сердцах и умах, — парировал его собеседник. — Особенно у тех, кому больше нечем занять ум и сердце.

— Зато они первыми заметят, когда запахнет серой.

— Не умножай сущности сверх необходимого, как говорил один древний монах. Бритва Оккама, если помнишь...

— ... годится только для того, чтобы вскрыть себе вены.

Если б Саша был старше и наглее, непременно встал бы и небрежно спросил: «Ребята, я вам не мешаю? А то я пойду, дела, понимаете ли...» Но, конечно, сейчас ему было не до подобных финтов. Пришлось ограничиться произнесением этой фразы мысленно, с максимально возможной язвительностью интонаций. И надеяться, что прямое чтение мыслей действительно невозможно — даже для таких крутых операторов, как эти двое.

Руслан снова повернулся к нему, медленно, словно бы нехотя.

— Вспомни, что ты чувствовал, когда контактировал с Мастером Игры. Вспомни все детально. И сними свои дурацкие щиты, тебя за ними почти не видно, самому не тяжело, а? Мальчик, кто тебя так напугал, что ты всю энергию на защиту пустил?

У Саши возникло совершенно дурацкое желание — ткнуть пальцем в Игоря и сказать «вот он». Но, справедливости ради, стоило отметить, что Руслан сейчас пугал его гораздо больше.

Вздохнув, он честно попытался «раскрыться», и вспомнить требуемое. Странный низкий голос... дряблая, словно разлагающаяся плоть под пальцами, когда он попытался ухватить «Лену» за руку...

— Достаточно, — сказал наконец куратор, и в тот же момент исчезла неприятная вибрация в висках. — Хочешь посмотреть на девочку Лену?

Он развернул к парню экран ноутбука, и открыл файл. На экране была фотография... Лены. Только совсем другой, с открытой и совершенно человеческой улыбкой. Обычная девчонка, длинные волосы, куртка с меховой опушкой...

— Пропала два года назад, — коротко пояснил Руслан.

— И совершенно случайно объявилась здесь, — язвительно сказал Игорь. Он сидел на краю

стола, словно принципиально не хотел усаживаться за стол, оказавшись на одном уровне с Русланом. Саша понял теперь, почему сотрудники Отдела были так уверены, что эти двое непременно поругаются. Кажется, они просто не могли не ругаться.

— Духи нижнего мира, — небрежно сказал Руслан. — Они делают так иногда. Забирают тела тех, кто слаб. Раньше это называлось одержимостью.

— Раньше эти ваши духи не проявляли интереса к современной, так сказать, ролевой культуре. Не устраивали тут... флэшмобов.

— Ты говоришь о тенденции, — поморщился куратор. — Я ее не вижу. Единичные инциденты, пусть они и пугают таких, как ты. Почему бы духам не подключаться иногда к человеческим играм?

— Ты знаешь... Руслан, — казалось, чтобы произнести его имя, Рогозину пришлось сделать над собой усилие. — Эти три неприличные буквы, под знаменем которых мы тут развлекаемся... а именно Гэ-эр-У... как бы предполагают, что если мы замечаем на своей территории признаки деятельности чужой разведки, то это нас непосредственно касается.

— Чужой разведки, — повторил Руслан, растянув губы в саркастической улыбке. — Насколько чужой, Игорь?

— Может быть, — с нажимом сказал майор, — совсем чужой.

— Зеленые человечки с летающей тарелки? — спросил куратор. Кажется, его происходящее весьма забавляло.

— Да хоть бы и они. Или эти твои... духи нижнего мира. Ничуть не более разумное объяснение, между прочим.

— М-да. Вот поэтому начальство и считает тебя опасным психопатом, — усмехнулся Руслан. И добавил непонятно: — В лес тебе пора, понял? С такими мыслями...

— Ебал я твое начальство, — сказал Игорь, глядя в стену остановившимся взглядом. — Страну просрали, космос просрали, армию развалили. Теперь и планету сдадут — не заметят. Ты не понимаешь, на что эти твари нацелились? Думаешь, им и правда нужны какие-то врата, каналы связи? Да чушь это. Зеленые они там или фиолетовые, они же молодежь отбирают! Таких вот, как Саша... Для неведомых каких-то своих целей. Фильтруют через эту Игру дурацкую. Сегодня это детишки перепуганные, а где они будут через десять лет? С их способностями, уже разбуженными и активно использующимися? Какие команды в их сознании проснутся в любой момент? Они же будущее наше программируют, понимаешь. Будущее человечества.

— Следующей осенью... — начал Руслан.

— Следующей осенью, — сказал Игорь, стиснув край стола так сильно, что аж костяшки пальцев побелели, — следующей осенью, в октябре, я закрою нахрен город. Введу чрезвычайное положение. Кордон поставлю, оцепление у каждого столба подозрительного. Имею полномочия пока что. И тогда...

— И тогда они возьмут и не проведут Игру, — с недоброй ухмылкой сказал Руслан. — И тогда тебя не спасет даже мое заступничество. И никакие истеричные папаши, поднимающие шумер в высших кругах. Допустим даже, что я поверил, что эта девочка оказалась там случайно... Доказательства, где доказательства? У тебя не отчеты, а сказки Лавкрафта. Неведомая тварь

прыгнула в бездонный колодец... Я ведь не буду бесконечно покрывать твой параноидальный бред, учти.

Рогозин ничего не ответил, только прикрыл глаза на секунду-другую, словно говоря «как же я от всего этого устал». Саше вдруг мучительно захотелось подойти, сесть рядом, обнять его, погладить устало поникшие плечи...

— Да, ты иди, пацан, свободен, — словно опомнился в этот момент Руслан.

— Можно идти, Игорь Семенович? — Саша демонстративно не стал вставать, дожидаясь ответа шефа. Наверное, это было дерзостью, но ему вдруг захотелось, чтобы этого противного «куратора» хоть кто-нибудь поставил на место, и он перестал так вольно распоряжаться в чужом кабинете. В конце концов, Сашин непосредственный начальник — Рогозин. И нечего тут... И вообще, парню ужасно хотелось услышать от Игоря хоть одну фразу, обращенную непосредственно к нему. Чтобы убедиться, что тот с ним вообще разговаривает еще. А то до сих пор возникало лишь обратное впечатление.

Майор поднял глаза, взглянул наконец на Сашу, и на мгновение тому показалось, что он готов улыбнуться — как прежде... как улыбался ему еще совсем недавно.

— Надо же, какой послушный, — сказал он, и в голосе его явственно послышалась ирония. — Иди, конечно.

Едва за Сашей захлопнулась дверь кабинета, на него накиннулись едва ли не все сотрудники отдела.

— Ну? — Алиса требовательным тоном озвучила волнующий всех вопрос. — Чего они там?

— Спорят, — сказал Саша рассеянно. Его больше занимал иной вопрос — сердится на него начальник или нет? Вроде бы ему сейчас просто не до того было, не до разборок с особенно чувствительными сотрудниками. Но все же? Игорь вел себя непонятно. Может, это все-таки влияние Руслана?

— Но не ругаются? — уточнила Оля.

— Да как-то... непонятно, — Саша пожал плечами. — Они всегда так разговаривают, что ли? Как будто вот-вот накинутся?

— Понятно, — вздохнул Тим. — Ладно... будем подождать, как говорится.

Но ждать пришлось долго — Рогозин и его гость не покидали кабинет до глубокого вечера. Саша успел обсудить все мыслимые и немыслимые новости с сотрудниками, миллион раз обзвать себя идиотом за то, что хотел сбежать из такого замечательного коллектива, слопать пиццу на пару с Аликом, довести Олю на пару с Тимом — они уселись у нее за спиной и стали бурно комментировать раскладываемый пасьянс, подсказывая, куда передвинуть карту; естественно, через десять минут в них полетели карандаши и скрепки вперемешку с полушутливыми ругательствами. Аркадий заварил чай, крепкий до черноты густого дегтя, уселся в углу с кружкой и неожиданно стал рассказывать, как продвигаются дела с поиском маньяка — на помощь милиции были направлены едва ли не лучшие сенсы отдела, но пока что дело не сдвигалось с мертвой точки. Жертв находили, точнее, их останки, а вот след убийцы взять не могли. Оля выдвинула предложение — надо искать его в сновидениях. Алиса вдруг вспомнила прочитанную статью о патологических изменениях в мозгу маньяков. Саша подключился к разговору, обрадовавшись, что в кои-то веки может вставить хоть пару реплик

на профессиональную тему. Завязалась дискуссия... Домой, кажется, никто не собирался.

— А вы чего тут расселись? — удивленно спросил Игорь, выходя из кабинета. Руслан следовал за ним, кутая шею в пижонский белый шарф.

— Тебя стерегут, не видишь, что ли, — хмыкнул он, оглядывая притихших сотрудников. — Боятся, как бы я тебя не съел.

— Да мы тут... у нас тут... совещание... маньяки... — вразной заговорили все, спешно делая серьезные и озабоченные лица.

Рогозин улыбнулся, отводя глаза.

— Дети! Спать! — сказал он с выражением, точно пародируя интонации строгой детсадовской нянечки. — Ночь на дворе, брысь по домам уже.

— А вы домой? — довольно бесцеремонно спросила вдруг Света. Майор глянул на нее удивленно, но ответил:

— Разумеется. Вот гостя в аэропорт отвезу, и спать, как приличный человек. Ну-ка давайте, чтоб через пятнадцать минут здесь никого не было!

И через пятнадцать минут народ действительно разбежался. Только Алиса завозилась, собирая какие-то вещи в боковой комнате. «Интересно, она что, весь гардероб с собой возит?» — иронически подумал Саша. Он тоже задержался в офисе — сидел, гипнотизируя взглядом экран с разложенным пасьянсом, и высчитывал, сколько времени нужно, чтобы доехать на машине в аэропорт, и вернуться... Выходило часа полтора. Идея поехать к Игорю, чтоб поговорить в спокойной обстановке, не отпускала его весь вечер. Кажется, Саше это было просто жизненно необходимо — поговорить и все выяснить. Увидеть наконец взгляд, обращенный на него, напрямую. Прочесть в этом взгляде... обиду, злость или самое страшное — равнодушие. Но лучше так, лучше знать точно...

— Чего? — сказала Алиса, неслышно возникнув у него за спиной. — Не сходится?

— Пасьянс, что ли? — вздохнул Саша. — Да это не мой.

— А я и не про него, — улыбнулась женщина, присела на край стола, потянула к себе пепельницу, вытащив ее из-под груды бумаг. Саша не решился попросить ее не курить, но инстинктивно отодвинулся — сигаретный дым в закрытом помещении он не любил.

— Не сходится, — признался он. — Ничего не сходится. То есть, когда я его не вижу, я могу злиться, обижаться, придумывать кучу всего, хотеть уйти из отдела и все такое. А как только увижу... начинаю думать, что я идиот. Как только он заговорит, я ему верю, а потом остаюсь один и думаю — а вдруг это все игра? Вот что это такое?

— Есть у меня, конечно, предположение, — хихикнула Алиса, выпуская клубы дыма в потолок. — Но мне, небось, опять скажут, что я старая извращенка... Так что, значит, Игорек у нас больше не бездушный монстр, в твоей версии мироздания? Ну еще бы, ты ж с Русланом пообщался... все познается в сравнении.

— Не в этом дело, — Саша помотал головой. — Просто... я тут послушал, краем уха, в каких масштабах он мыслит... Я ему про девочку Катю, а он — про будущее человечества...

— Ну да, ну да. О чем я тебе и говорила пару часов назад. Будущее человечества! — Алиса коротко, но звучно рассмеялась. Сейчас она казалась гораздо более расслабленной, чем днем — видимо, перестала, наконец, беспокоиться за Игоря. — А вообще, есть мнение, что люди, заботящиеся о будущем человечества, таким вот образом изящно избегают необходимости возиться с проблемами поменьше. Оно, конечно, полезно, куда ж оно без них, человечество-то? Они-то на страницах учебников здорово смотрятся, эти спасители человечества да двигатели прогресса. А ты попробуй жить с таким рядом, каждый день, носки ему стирать...

— Я ему носки стирать не собираюсь, — неизвестно зачем брякнул Саша. И сам смутился — можно подумать, кто-то предлагал, ха.

— Это правильно, — иронически сказала Алиса. — Долой кухонное рабство! А то, знаешь, нашлась одна такая. Долго не выдержала, конечно.

Она затянулась, длинно и жадно, ткнула сигаретой в пепельницу.

— Он, конечно, временами сука та еще, твой Rogozin, — сказала она вдруг доверительно. — Но он действительно дохрена на себя берет. В том числе и ответственность за будущее человечества, ага. Или это я тебе тоже говорила сегодня? В связи с этой ответственностью, он искренне считает, что обязан всегда побеждать. А то как же мир-то без него устоит вниз тормашками. Вот отсюда все и вытекает.

— Знаешь, какая у меня специальность? — продолжила она неожиданно, после небольшой паузы. — Киллер я.

— В смысле... в прямом значении? — осторожно переспросил Саша. Женщина фыркнула.

— Ну да. Убиваю людей на расстоянии. Я тут у Игорька так, на полставки тусуюсь, по старой дружбе. Чуть что — меня дергают в командировки... раз, и молодой еще политический лидер одной дальней страны слег с недомоганием. А к нему — думаешь, врачи? Ага, счас... знахари да травники... Операторы похлеще наших. Средневековье у нас тотальное, по всей планете, так-то. Чье колдунство сильнее, того и тапки. Не выходит — меня тут же в круг усиления, десяток молодых ребят в соседней комнате объединяются в цепочку, качают энергию... С другой стороны щиты ставят, нас вычисляют, на нас насылают хвори всякие... ладно б головную боль, а то как нашьют понос — ха! Это высший пилотаж, конечно. Но это редкость, чаще выходит без сложностей. Вот такой херней я занимаюсь. Тоже мир спасаю, наверное. Ну, тот мир, знаешь, который с другой стороны пиндосовские миротворцы творят. Клевый каламбур, правда?

Саша не нашелся, что сказать. Он во все глаза смотрел на Алису, словно впервые ее увидел.

— Меня ж боятся, всю мою сознательную жизнь, — тихо сказала женщина. — Угораздило меня родиться в семье спеца из закрытого НИИ, который родную дочку готов на опыты сдать! Всё на благо страны и партии... Как сейчас помню, сижу я, девочка такая, в гольфиках и с бантиками. Бантики смешные, один красный, другой белый... А вокруг дядьки с погонами, большие, усатые, важные... И все боятся меня до усрачки. Я эти бантики, наверное, до сих пор ношу... все хочу, чтоб не боялись меня, понимаешь.

На коротко стриженных волосах Алисы бантиков, конечно, не наблюдалось, но Саша понял, что она хотела сказать. И понял вдруг ее серьги с бегемотами, и платья кислотные, и нарочито простецкую временами речь. И, вместо того, чтобы испугаться, обозвать ее мысленно «нелюдь» и так далее — просто пожалел.

— Я это к тому, что у всех свои тараканы, — с улыбкой сказала Алиса. — И всех, наверное, при желании можно понять. Игоря в том числе. А ты на психолога учишься, да? Это правильно, это у тебя уже получается... сидишь, слушаешь, киваешь в нужных местах. Молодец. Вот тебе история, в качестве бонуса. Была одна девочка, что меня не боялась. Любочкой звали. Медсестра у нас на базе... ну неважно, где, на базе, в общем. Такая блондиночка, кожа, как лепесток, глазки невинные, как у котенка... болтали с ней часами, никого не замечая, в саду гуляли под ручку... я вокруг нее все ходила, облизывалась, томила душу... И тут в один прекрасный день мне Любочка говорит — ах! Я встретила мужчину! Он такой, он такой, с ним хоть на край света, хоть за край! Такие бицепсы, такие боевые шрамы, такие глазки, такие ресницы! Старший лейтенант, да не хрен с горы — командир взвода у «Ящеров», неслабо, да? Раз в кино ходили, два в кафе ходили, и уже замуж зовет — ах, он такой порядочный! Ну, в общем, нахожу я этого старшего лейтенанта, и говорю — ты, говорю, сука, Рогозин, значит? Ну здравствуй, сука, ты понял, у кого девушку увел, да? А меня вся база знает, ясен перец, и все боятся. Ты, говорю, мне одно скажи — ты ее замуж берешь по любви? И смотри, сука, придушу ведь во сне и скажу, что так и было. А он на меня смотрит, глазки такие ясные, и ресницами хлопает, ну все как на картинке. Да, говорит, по любви! Сука... — резюмировав таким образом, Алиса неожиданно спрыгнула со стола и решительным жестом раздавила окурочек в пепельнице. — Ну вот, а потом мы с ним подружились как-то. И не убила я его, в общем. Думаешь, зря?

— Я уже вообще не знаю, что думать, — честно сказал Саша. Ему очень хотелось заглянуть под стол и поискать там метафорически отвалившуюся челюсть. Хотя, если уж развивать сию метафору, то челюсть от этого рассказа должна была не то, что отвалиться, а ускакать в дальние края, весело лязгая зубами, и прихватив за компанию крышу. — А что, он ее не любил?

«Мыльная опера, блин. В трех сезонах. В главной роли Хулио Фернандес. Ну, а хули не Фернандес? Так, откуда у меня это еще в голове...»

— Любил, но не ее, — сказала Алиса. Взяла со стула пиджак, перекинула через плечо. — Пойдем, чего тут отвисать? Поговоришь с ним завтра.

— Я сегодня поеду, — признался Саша. — Мне нужно. Выяснить. Может, завтра я уже не приду. И вообще никогда не приду. В смысле, мне здесь хорошо, очень. Но я так не могу, когда не понимаю. Я просто хочу узнать, что мне все это кажется, то есть то, что кажется...

— Саш, — заботливым тоном сказала Алиса. — У тебя точно температуры нет? Ты сам-то понял, что сказал?

— Нет, — сказал Саша. — Температура есть, как у всех, тридцать шесть и шесть то есть. И я хочу поговорить с шефом. Вот сейчас. Я хочу ему в глаза посмотреть. Потому что когда он на меня не смотрит, мне его убить хочется. А когда смотрит, хочется убить себя. И я просто должен извиниться, и убедиться, что все по-прежнему.

— М-да, — сказала Алиса. — Ну, ты попробуй, конечно. Только я вот не гарантирую, что он Руслана действительно в аэропорт повез. Как бы не обломался ваш разговор наедине. Или, хрен его знает, может он, как Тимофей нам предрекал, сидит там и напивается. Не грузил бы ты его сейчас, в самом деле.

— Не буду, — пообещал Саша. — Пару слов скажу, и убегу. Мне уже не привыкать, я от него все время бегаяю. Надоело даже.

— Да, — задумчиво сказала Алиса. — Пора уже начинать бегать за ним, чисто разнообразия

ради.

Глава 4. Части 5-6.

5.

...Саша замер перед смутно знакомой дверью, не решаясь позвонить. Вдруг там и правда снова окажется этот несносный Руслан? Алиса, наверное, знает, о чем говорит, но... не был похож их разговор в кабинете на посиделки армейских товарищей, так зачем бы им продолжать?

А что, если верно предположение Тима? Он вовсе не был уверен, что его психика готова к такому шоку, как пьяный Rogozin. Но, с другой стороны, Саша не мог больше отрицать, что беспокоится за него. Да, как бы странно это ни звучало. Майор, конечно, крут, круче него только яйца Чака Норриса, а всё-таки, самые страшные проблемы люди обычно создают себе сами, уж это-то парень успел понять из личного опыта.

Он бы еще долго мялся под дверью, но та внезапно распахнулась у него перед носом.

— Ну? — спросил Игорь, критически его оглядывая. — Долго будешь тут отсвечивать?

Пьяным он, вроде, не выглядел, хотя запах чего-то наподобие коньяка Саша уловил.

— Здравствуйте, — пробормотал он, чувствуя себя довольно глупо. — Я хотел поговорить... извиниться.

— Вот как, — майор не приглашал его зайти, просто молча развернулся и пошел куда-то вглубь темной квартиры, так что Саше ничего не оставалось, кроме как войти следом, захлопнув дверь.

— Считаешь, есть за что? — спросил Rogozin, прислонившись плечом к косяку. За его спиной виднелась слабо освещенная гостиная — диван, приглушенная лампа, одинокая бутылка на столе. Все-таки пьет. Что за тенденция такая, блин, у русских мужиков, заглушать личные проблемы водными растворами этанола?

Саша так и замер у двери, не зная, разуваться ему и проходить, или все-таки бежать, пока не поздно...

«Хватит», решительно сказал он себе, «поздно уже, почти месяц как безнадежно поздно. И хватит убегать, набегался уже».

— Да, я тогда... наговорил всякого. Был неправ. То есть, наверное, в чем-то и прав, с точки зрения общественной морали и все такое, да... Но я уже понял, что... не все и не всегда так... однозначно.

— Ну-ну, — хмыкнул Игорь, то ли соглашаясь, то ли сомневаясь в искренности его слов. В руке его неожиданно обнаружился бокал с янтарного цвета жидкостью, из которого он небрежно отхлебнул.

— Я думаю, что... это была... запоздалая и, так сказать, интрасубъектно-спроецированная интерпретация подросткового бунта, — сказал Саша. Он понятия не имел, что еще сказать, поэтому применил свой излюбленный метод ответа на экзамене — начал строить теорию на пустом месте, зацепившись за первый всплывший в памяти термин. Написав прошлым году

курсовую с помощью именно этого метода, Саша начал всерьез подозревать, что так пишется едва ли не половина научных работ в гуманитарной области.

Майор впечатлился — так, что аж чуть было не подавился своим коньяком.

— Однако, — коротко сказал он, иронически глядя на Сашу. Тот же продолжил нести вдохновенную пургу, в надежде вызвать хоть какую-то реакцию:

— Дело в том, что, вступая в некий новый социум, индивид вновь проходит все стадии первичной социализации. И в какой-то момент ценности социума подвергаются сомнению и переоценке... ну, как подросток, усомнившись в правоте родителей, убегает из дома... но потом возвращается.

— Очень интересная теория, Александр, — Игорь пытался говорить серьезно, но в глазах его плясали веселые искорки. — Согласно ей, получается, что я сейчас должен достать свой старый армейский ремень и социализировать тебя, так сказать, обратно. Традиционным родительским способом, безо всяких проекций.

— Ну, я же это... вернулся, — Саша улыбнулся осторожно, с опаской глянув на Игоря — кто его знает, когда он шутит, а когда нет.

— Вернулся он, — проворчал майор, отводя взгляд в сторону. — Алиса тебя за шкуру притащила... иначе так бы и бегал по чужим квартирам... и балконам. Непонятно только, зачем. Думаешь, тебя и правда невозможно было найти?

— Я думал... уехать, — признался Саша. — Бросить универ, домой вернуться, к родителям... Но не смог.

Игорь кивнул, рассеянно глядя куда-то в пространство.

— А сновидения ты как блокировал? — вдруг спросил он. — Неужели самостоятельно?

— Ну так это... вы ж мне рассказывали про Фариду, про.. искусственный сон,— Саша глянул на шефа виновато, не зная, как тот отреагирует. — Я в интернете посмотрел, какие препараты блокируют...

— Совсем дурной, да? — резко спросил Рогозин, и Саша вздрогнул, инстинктивно отступив на шаг назад. Сзади, впрочем, оказалась стена.

— Я в нормальных дозах... по таблетке в день... — почти прошептал он. И тут же невольно повысил голос, оправдываясь: — А что мне было делать? Откуда я знал, что вы меня не придете во сне убивать? Или еще как-нибудь... воздействовать... психофизически...

— Воздействовать мне на тебя сейчас хочется исключительно физически, — угрожающим тоном сказал майор, и поставил бокал куда-то на притаившийся в темноте прихожей шкаф. — С применением уже упомянутого ремня. И чем дальше, тем сильнее хочется. Саша, что у тебя в голове происходит вообще? Нахрена мне тебя убивать, можешь объяснить?

— Потому что я... не подошел. Под ваши стандарты. Не выдержал, сбежал... и слишком много знаю.

Игорь вздохнул, провел по лицу ладонью.

— Я такой монстр в твоих глазах, да? — спросил он почти печально. — Ладно, если тебе так жить интереснее, пожалуйста, буду монстром. Вот прямо сейчас и начну.

— Н-не надо, — пробормотал Саша, плотнее вжимаясь в стену и прикидывая на всякий случай расстояние до двери. Ему совсем не понравилось выражение лица майора, когда тот двинулся к нему.

— Я просто пытаюсь понять... — прошептал он беспомощно. — Это существо... Лена... она говорила, что мне заморочили голову, что вы... на меня воздействуете, чтоб подчинить своей воле... Но я не подчинился, я же сам хотел, выполнить задание, доказать, что я... что я достоин. Быть рядом. Потому что мне хочется. Я не понимаю, почему. Но я все время думал... и думаю... о вас.

Саша закрыл глаза — так было почему-то спокойнее. И проще говорить. Он не видел Игоря, только слышал его дыхание, чувствовал запах его духов с тонкой ноткой алкоголя.

— И эти ваши духи?, они мне везде мерещатся, — выпалил он, почти не соображая, что говорит. — И я все время думаю... сравниваю. Как бы вы поступили на моем месте. Даже когда я злился. И считал вас монстром. Но ведь я, наверное, такой же. Я с Алисой поговорил, и теперь вообще ничего не понимаю. То есть, это ведь в каждом есть, наверное. Только одни люди притворяются... другие нет...

Он вздрогнул всем телом, когда почувствовал, что теплая рука скользнула по его щеке, потом по волосам. И открыл глаза.

— Эта... Лена... говорила, что вы меня специально... Привораживали, — выдохнул Саша и робко заглянул в глаза стоявшего перед ним мужчины. — Просто ответьте, это так или нет?

— Ну и каша у тебя в голове, — сказал Игорь, и тень легкой улыбки пробежала по его губам. — Делать мне больше нечего. У тебя от природы сильная защита, помнишь, я говорил это еще в первую нашу встречу? Ты все время закрываешься... от людей, от всего мира. Даже слишком, на мой взгляд, и сил на это тратишь чересчур много. Ты по структуре энергетики — универсал, но я считаю, сенса из тебя никак не получится. Ты слишком закрыт от мира, чтобы ощущать его дыхание, его потоки... Может, со временем научишься. А пока что — ты как цыпленок, что забрался обратно в скорлупу. Все прячешься, бежишь... от себя, что ли, убежать хочешь? Не буду утверждать, что это невозможно... но бежать придется очень далеко и долго.

— Я не знаю... — беспомощно помотал головой Саша. Его словно завораживал голос Игоря, такой мягкий и задумчивый сейчас. И взгляд... и тепло руки, опирающейся на стену в миллиметре от его щеки. Хотелось прижаться к этой руке, коснуться... что это, как не самое настоящее психофизическое воздействие? Вводит в транс своим ровным, успокаивающим голосом, отвлекает внимание... снова втирается в доверие...

— Я тебя не... привораживал, — четко произнес Рогозин, наклоняясь к его лицу. — Дурацкое слово, и источник информации у тебя, мягко говоря, сомнительный. Саша, даже если б я попробовал... ты же все отражаешь, как зеркалом. Да мне буквально пару раз удалось с тобой хоть какой-то энергетический контакт наладить — когда ты сам раскрывался. Когда звонил мне с перепугу, помнишь? А все остальное время... если б я попробовал тебя, как ты выражаешься, привораживать... вышло бы с точностью до наоборот. Я бы сам... — тут он запнулся, точно задумавшись о чем-то, и резко отстранился.

— Бред, — сказал он и улыбнулся, как Саше показалось — растерянно. — Вот же бред, а...

— Что? — непонимающе переспросил Саша. Майор покачал головой.

— Ничего особенного... полезно, знаешь ли, иногда осознать, что ты идиот. И наступаешь на одни и те же грабли, каждый раз, как по расписанию. Это я о себе, если что, — пояснил он со вздохом. — Правильно Руслан говорит, в лес мне пора...

— Какой лес? — спросил Саша, вспомнив странное выражение куратора. — Это какая-то... метафора или что?

- Это? — переспросил Рогозин со странным выражением лица. — Это санаторий такой закрытый... в Подмоскowie. Это мы друг друга туда посылаем, слово уже как ругательство расхожее стало. А там хорошо, природа, грибочки, белочки... Психушка такая для ветеранов мистического фронта, операторов шизанувшихся, сенсов и иже с ними. В городе им жить тяжело, понимаешь, в городах каждый камень кричит от чужой боли, это не я придумал, так говорят те, кто правда слышит... А там они бродят, с деревьями обнимаются... грибочки, опять же, белочки...

Саша больше не мог это слушать, не мог выносить пугающую обреченность в голосе майора. Он сам не заметил, как преодолел разделявшее их расстояние и обнял его, крепко стиснув плечи, вцепился в него, точно утопающий — в спасательный круг.

— Ну чего ты, не надо, хороший мой... — прошептал Игорь, обнимая его в ответ, и от непривычной нежности в его голосе у Саши что-то будто перевернулось в груди. Он уткнулся в плечо начальника, чувствуя, как ощущение тепла накрывает его с головой — тепла не физического, это он уже научился отличать.

— Я туда не попаду, — сказал Игорь, прижимая его к себе. — Я давно решил, если пойму, что все, готов — ствол к башке и привет. Пистолет тебе в наследство оставлю, хочешь? Чтоб у тебя тоже выбор был.

— Игорь Семенович, перестаньте чушь нести, пожалуйста, — сказал Саша, поднимая голову. Рогозин некоторое время пристально всматривался в его глаза, будто искал на дне зрачков некое тайное послание. А потом улыбнулся.

— А может, мне нравится чушь нести. И драматизировать почему зря. Чтоб меня жалели молодые симпатичные мальчики, и сами на шею вешались.

Объятия он не размыкал, и Саша с каким-то запоздалым ужасом осознал, что его это вполне устраивает. Он поднял руку и осторожно коснулся пальцами его щеки, точно исследуя. Осмелев, провел кончиками пальцев по едва заметным морщинкам в уголке глаза — они становились глубже, когда майор улыбался, разбегались к виску, точно лучики внезапно вспыхнувшего солнца. Саша подумал о том, что эти морщинки — отметины человека, который много улыбался на пройденном пути — может быть, даже тогда, когда ситуация казалась безвыходной; может, ухмылялся в лицо смерти, может, смеялся над горькой иронией жизни. Хотелось невыносимого... хотелось коснуться их поцелуем, а потом, спускаясь ниже, оцарапать о начинающую пробиваться легкую щетину на щеках, и узнать, каков будет на вкус след коньяка на этих губах...

Игорь поймал его руку, осторожно отвел в сторону.

— Саша, — сказал он проникновенно, — между прочим, я опасный психопат, это официальное мнение начальства.

— Я заметил, — сказал Саша и нервно облизнулся, гипнотизируя взглядом губы начальника. Тот вздрогнул, но быстро взял себя в руки, и попытался развить тему:

— Я хочу, чтоб ты подумал, во что ввязываешься, ладно?

— Ладно, — согласился Саша, и обнял его за шею другой рукой. У него слегка кружилась голова, и ощущения в целом напоминали опьянение... вот только даже после этой проклятой водки с пельменями на памятной вечеринке у Кати его так не «уносило».

«Если он меня не приворожил, то у меня что-то с головой», — подумал парень, отстраненно, точно не о себе, а о постороннем человеке. Казалось, что его несет со страшной силой куда-то в пропасть, и сопротивляться уже бесполезно.

— Даю тебе десять секунд, чтобы убежать, — сказал Рогозин. — Могу открыть балкон, если тебе через него привычнее.

Саша только улыбнулся в ответ на подколку.

— Я не убегу, — сказал он и храбро посмотрел Игорю в глаза. Сейчас они казались совсем темными — освещение, что ли, поменялось?

А потом майор его наконец-то поцеловал, и мир на несколько мгновений вообще перестал существовать.

«Вот почему я от него убегаю, с первой нашей встречи», — подумал Саша, чувствуя, как предательски подгибаются колени. Он бы непременно упал, если б его не держали сильные руки Игоря.

«Вот чего я боялся. И хотел. Это невозможно, я схожу с ума... или уже...»

Он уцепился за плечи мужчины, попытался удержать равновесие — пальцы соскользнули, сминая ткань рубашки. Игорь поддержал его одной рукой, обнимая за талию, второй гладил по спине, посылая сонмы сладостных мурашек вдоль позвоночника. Его движения были уверенными и властными, и жесткая щетина действительно царапала щеку, и привкус коньяка на губах добавлял происходящему иррациональности. Когда он прервал поцелуй, у Саши уже ощутимо кружилась голова — но ощущение это было, как ни странно, приятным.

— Пойдем, — Рогозин потянул его за собой, и парень послушно шагнул за ним в гостиную.

— Выпьешь?

Саша глянул мельком на бутылку и помотал головой.

— Меня и так плющит, — признался он с обезоруживающей честностью. Майор рассмеялся.

— Оно и видно.

Он мягко усадил Сашу на широкий кожаный диван, и сам устроился рядом. Второй поцелуй был еще дольше, и парню пришлось, в конце концов, самому отстраниться, пытаясь отдышаться, потому что сердце едва не выскакивало из груди.

— Ты перестанешь меня бояться, или нет? — с улыбкой спросил Рогозин. Его руки уже скользили по голой коже спины, бесстыдно задирая футболку парня, и от этого простого движения по телу Саши точно электрические искры пробегали.

— Неа, — Саша помотал головой. — Так интереснее...

— Да ты экстремал, однако, — фыркнул майор и все-таки стянул с него футболку. — Как в том анекдоте...

— В каком? — немедленно спросил Саша. Он чувствовал, что ему просто необходима пауза. Не то, чтобы он не хотел продолжения... но от интенсивности ощущений просто сносило крышу. Те несколько торопливых переписов с девчонками, что парень гордо именовал до сих пор своим «сексуальным опытом», ничуть не подготовили его к такому. Он и понятия не имел, что так бывает — когда от одних только прикосновений в мозгу точно бомбы взрываются.

Игорь улыбнулся и убрал руки, точно прочитав его мысли.

— Ну, как там... сидят в тюремной камере педофил, зоофил, некрофил и экстремал...

Отцепившись на время от Саши, он нашел другое занятие — стал медленно расстегивать собственную рубашку. Медленно и, в некотором роде, демонстративно. Саша не мог оторвать взгляда от крохотных блестящих пуговиц, одна за другой выскальзывавших из петель.

— И зоофил говорит, сейчас бы кошечку... Педофил — ну да, маленькую такую... Некрофил — ага, и желательно, мертвую... А экстремал и говорит: «Мяу!»

Анекдот был, честно говоря, так себе, но Саша все же улыбнулся. В каком-то смысле, и впрямь про него. Нормальный человек не влип бы во всю эту историю...

— Ну, — сказал он, сгоняя в кучу разбегающиеся мысли, — вы же, надеюсь, не некрофил?

— Не знаю, не пробовал, — ответил майор, и в следующую секунду Саша оказался лежащим на лопатках, а Игорь, накрыв его губы очередным жадным поцелуем, решительно расстегивал его брюки.

Саша в общих чертах представлял, что случится дальше — поколение интернета не испытывает недостатка в теоретической подготовке. Несмотря на растущее возбуждение, в глубине души он опасался, что будет больно... но больно было только поначалу. Он чувствовал, что Игорь может быть гораздо грубее, двигаться сильнее и резче — но сдерживается, старается не навредить, не причинить боли. И, конечно, он мог бы и не тратить столько времени, подготавливая и успокаивая парня, чтобы тот, наконец, раскрылся — во всех смыслах этого слова. Но, видимо, садистом Рогозин тоже не был — что бы там ни ворчали по этому поводу впечатлительные сотрудники, ушибленные всякими там моральными принципами. Он прикасался к парню мягко, осторожно, безошибочно отыскивая самые чувствительные места — может, этому тоже учат в спецслужбах? Под конец Саша, кажется, стонал и кричал в голос, от накатывающего удовольствия — он не помнил этого наверняка, все было, как в тумане, но горло потом саднило, точно сорванное от крика. Потом — гораздо позже, когда он лежал, долго пытаясь восстановить дыхание, в теплых и сильных объятиях, а Игорь шептал ему что-то на ухо, вперемешку с поцелуями, но парень в кои-то веки его не слушал, потому что, сколько можно болтать, в конце-то концов.

6.

Всякие там Шекспиров и прочие то ли безнадежные романтики, то ли циничные эксплуататоры заезженной темы любви, на разные голоса утверждают, что нет ничего приятней, чем проснуться на заре, когда твоя возлюбленная еще дремлет, обнаружить на своем плече ее

хрупкую головку, прильнуть поцелуем к ее тонкому запястью, с умилением поправить ее золотистые локоны, и все такое прочее... Интересно, что бы они посоветовали парню, который проснулся на заре, обнаружив на себе килограммов этак восемьдесят живого веса, причем преимущественно — накаченных мышц, и витающий в воздухе ненавязчивый аромат перегара, для полного комплекта?

Саша попытался тихо выскользнуть из объятий начальника... ага, сейчас, выскользнешь из этого стального захвата, как же.

— Игорь Семенович, — тихо позвал он, ткнув его осторожно в плечо, и немедленно почувствовал себя идиотом. Ну а как, интересно, к нему теперь обращаться, после того, что они творили ночью на этом самом диване?

— Шеф, — сказал он уже громче, — марсиане атакуют!

Рогозин только хмыкнул во сне, точно сомневаясь в достоверности сообщения, и даже не пошевелился. Абсурд ситуации нарастал. «Как же его будить-то?» — растерянно подумал Саша. И, усмехнувшись внезапно возникшей мысли, рявкнул вдруг ему в самое ухо:

— Товарищ майор, разрешите обратиться!

Надо отдать должное реакции Игоря — даже свалившись с дивана при пробуждении, он успел сгруппироваться. На ноги, впрочем, он уже не вскочил — сел на полу и очумело посмотрел на Сашу.

— Ты бы еще спросил, где ключи от танка, — сказал он почти что жалобно.

— Какие ключи? — хихикнул Саша.

— Шутка есть такая, армейская. Можно еще ведро на голову спящему надеть и постучать по нему, тоже весело...

— В следующий раз непременно попробую, — заверил его Саша. — А что было делать? Вы не просыпались...

— Могу я хоть однажды расслабиться, а? — вздохнул майор. Поднял с пола свои брюки, отброшенные, видимо, вчера в порыве страсти... задумался, и полез куда-то в тумбочку за другими штанами. Саша сообразил, что он тоже, вообще-то, голый, поспешно натянул на себя диванное покрывало, и стал исподтишка любоваться подтянутой фигурой Игоря, пока тот одевался.

— Ну, а где же вопли и упреки, что я тебя нагло соблазнил и использовал? «Вы растоптали мои эдельвейсы» и все такое? — поинтересовался вдруг Рогозин.

— Насколько я помню, — сказал Саша, — я сам приперся. А вы даже сопротивлялись. Целых десять секунд. Так что все по-честному.

- Да, — Игорь задумчиво посмотрел на парня. — Ты временами такой рациональный, что аж страшно становится.

— Просто... — Саша сел на диване, обхватил себя руками, пытаясь сформулировать мысль. — Просто у меня очень много чего в голове крутилось все эти дни. Как будто плаваешь в океане, и не знаешь, за что ухватиться, что правильно, а что нет, что невозможно, а что — реальность.

А теперь все как будто стало на свои места, все стало правильно. И я понятия не имею, почему.

Майор посмотрел на него и усмехнулся.

— А знаешь, что будет не только правильно, но и полезно? — сказал он назидательным тоном. Саша насторожился.

— Что?

— Утренняя пробежка! — торжественно объявил Рогозин. — Надевай штаны, и пошли, солнце уже высоко.

— Вы маньяк, — жалобно сказал Саша, сползая с дивана. — И опасный псих, точно...

— А ты... экстремал, — смеясь, Игорь ухватил его за плечи и легко поднял на ноги.

— Можно, я хоть в душ схожу?

— Душ — потом.

— Между прочим, — ворчал Саша, топя вслед за Игорем на улицу, — у меня некоторые... мышцы слишком болят, чтобы бегать.

— На эту тему, кстати, анекдот есть, — сказал Игорь, и Саша мысленно застонал.

— Вы**ал, в общем, один грузин маленького мальчика...

Они как раз спускались в лифте, и благообразного вида старушка, тоже вызвавшая лифт этажом ниже, почему-то внезапно решила пойти по лестнице.

— Мальчик ему — «вай, попа болит!» Грузин ему дает шоколадку...

«Маньяк» — думал Саша, уже давясь от хохота. «С кем я связался, а?»

— На следующий день мальчик снова приходит, жалуется — то же самое... на третий день приходит, а грузин ему: «Малчик, ты што, думаешь, я сам маленький не был, не знаю, сколько дней попа болит?»

— А мораль? — спросил Саша уже на выходе из подъезда, отсмеявшись наконец. — Непременно должна быть мораль в конце, вам не кажется?

— Этот мир аморален, жесток и абсурден, — сказал Игорь, близоруко щурясь на далекое осеннее солнце. — А смысл и прочую чепуху мы придумываем, чтоб не скучно было. Вперед!

Оказавшись, в конце концов, в душе, Саша не мог не признать, что есть в этом некое извращенное удовольствие — начинать день с интенсивной физической активности. Мышцы так и горят, кровь бурлит... Или все-таки не в пробежке дело?

Кстати, об извращениях.

Сосредоточенно уставившись в стену, парень минут пять безуспешно пытался обнаружить в себе хоть какие-то переживания по поводу внезапно обнаружившихся склонностей. Черта с два. Видимо, он исчерпал свой лимит переживаний, когда неделю с лишним рефлексировал на тему «люди и нелюди». И теперь, все происходящее воспринималось как должное. Ну да,

экстрасенсы это не миф, энергетические вампиры тоже реальны, еще какие-то неведомые твари занимают тела людей, планируя захватить планету, открывают порталы в иные миры... спецслужбы убивают людей на расстоянии... ну и да, я, кажется, гей. Нормально, живем дальше. Хотя минутку, почему сразу «гей»? Саша старательно припомнил все эпизоды в своей жизни, когда ему нравились девушки. Да нет же... вроде нормальный парень был до сих пор. И мужчины никогда не привлекали... просто... ну, это же Рогозин. Он, кажется, просто существует вне всяких категорий, рамок и правил. Может, для него все это тоже в порядке вещей, так, обыденный эпизод? Саша нахмурился, потянулся к крану, закручивая воду. Вот эта мысль почему-то его задевала. Только этого не хватало, этих «бабских» переживаний поутру, «любит-не любит»... Иди на ромашках погадай, мальчик, если так уж интересно. А потом чай из них завари, и все как-нибудь само образуется. Тут у нас будущее человечества решается, понимаете ли, не до сантиментов.

Дверь тихо скрипнула, приоткрываясь, и Саша тут же панически схватился за полотенце, прикрываясь им. Хотя, казалось бы, чего теперь-то стесняться?

— Ты там уснул, или ждешь, пока я присоединюсь? — поинтересовался Игорь самым легкомысленным тоном. Саша невольно хихикнул, представив, что можно было бы вытворять вдвоем в душе. А вон, кстати, на полочке какой-то гель... Так, стоп. И кто здесь, спрашивается, маньяк?

— Я уже выхожу, — пробормотал парень, и быстро прошмыгнул мимо стоявшего в дверях Рогозина.

— Уверен?

— Я это... мне в универ надо, — спрятавшись за косяком двери, Саша с космической скоростью натягивал штаны. — Половина пар уже прошла...

— Ладно. Надеюсь, это действительно рвение к учебе, — неожиданно серьезно сказал майор. — А не запоздалая стадия раскаяния в содеянном.

Саша выглянул из-за косяка. Игорь смотрел на него изучающе, словно пытаясь понять, что происходит в его голове.

— Нет, — твердо сказал парень. — Я ни о чем не жалею. Просто мне к преподу по английскому надо. На отработку...

— С английским проблемы? Могу помочь, если что. Хотя я больше немецкий люблю, если честно, и в школе его учил... Есть в нем что-то... чувственное, знаешь. Ja, ja, das ist fantastisch... стройные юноши в хромовых сапогах, с плетками... впрочем, о чем это я?..

В итоге, по дороге в университет Саша все время ловил себя на том, что губы его то и дело растягиваются в улыбке. «Юноши у него в сапогах, значит... И как можно быть таким... таким... слов не подобрать просто. Господи, как же я влип. И как же это... здорово».

Глава 4. Часть 7.

— Ты где, мать твою, был?!

Витек натурально тряс его за лацканы — хорошо хоть, куртку не порвал. И по морде не

съездил, хотя, кажется, хотел.

— Гулька говорит, у тебя бабушка помирает... Ваня говорит, ты с шикарной теткой на машине укатил... а мобила не отвечает...

— Вить, я же неделю без мобилы, ты же сам это прекрасно знаешь, — вяло оправдывался Саша, не ожидавший такого напора.

— Я уж думал, объявлять тебя в розыск в милиции или нет... Ты скажи хоть, это она была? Разобрались там с мужем?

— Разобрались, — кивнул Саша. — Так что диван я твой освобождаю, спасибо за приют.

— Ладно, — фыркнул Виктор, остывая. — Хоть бы сообщил чего... друг называется.

— Да она как-то внезапно заехала, — пожал плечами Саша. — Сказала, мол, поедем, поговорим нормально, он все понимает, мы разводимся...

«Да, Санек, это передается половым путем. Умение лихо врать с невинным видом. Поздравляю».

— Ого, — хохотнул Витек. — Так у тебя, наверное, ночка та еще была? Чего в универ тогда приперся вообще? Тем более, пары закончились...

— Так мне же Крыс назначил отработку! — тоном возмущенного отличника заявил Саша. — Как я могу пропустить столь знаменательное событие!

«Интересно, сильно я покраснел на слове «ночка»? Витек, как всегда, сам не подозревает, насколько прав».

— Как ее зовут-то? Ты так ни разу и не говорил... — чуть обиженно пробубнил Витек. — Я ее даже не видел, мне Ваня описывал.

— Алиса, — сказал Саша. И не соврал ведь. — Как героиня Кэрролла. Беги за белым кроликом, и попадешь в страну чудес...

Витек, кажется, не понял последней фразы. А Саша, махнув ему на прощание, направился к кабинету английского.

Крыс ждал его у дверей, нервно поигрывая ключом в руке.

— Саша, — сказал он почти доброжелательно. — А я вас жду. Пойдемте...

«Куда это, интересно?» — с удивлением подумал парень. «Кабинет занят, что ли?»

Но они направлялись вовсе не в другой кабинет. Преподаватель уверенно топал к выходу из университета.

— А мы куда, собственно? — поинтересовался Саша наконец.

— А я разве не сказал? — холодно удивился Крыс. — Занятие проведем у меня дома, я не собираюсь просиживать свое личное время в учебных классах.

— Нет, — сказал Саша, останавливаясь. — Вы не говорили. Точнее, мы так не договаривались.

Преподаватель тоже остановился и вперил в него взгляд своих мелких глазенок.

— Молодой человек! — сказал он. — Я иду вам навстречу, предлагаю отработку. Вы хотите решать этот вопрос в деканате? После сессии, к которой вас не допустят? Вы что думаете, я вас собираюсь убить и в кустах закопать? Или, может быть, вы боитесь, что созерцание вашего тощего зада могло сподвигнуть меня на неподобающие мысли? Так успокойтесь, Грачев, я не из таких.

«А некоторых, между прочим, мой тощий зад вполне устраивает», подумал Саша и невольно усмехнулся.

— Ладно, — сказал он. — В смысле, извините.

Снова занервничал он уже в машине — Крыс, оказывается, ездил на потрепанной неприметной «вольво». В салоне машине пахло чем-то неприятным, резким... «И чего я так фиксируюсь на запахах в последнее время, интересно?»

Мысль о том, что мобильник так и остался валяться в разобранном виде в покинутой квартире, заставляла чувствовать себя неуютно. «Ну да, конечно, я от мобильника избавился, чтоб меня страшные спецслужбы не нашли... Как бы так теперь сделать, чтобы они меня непременно нашли, в случае чего? Ладно, в самом деле... Нас пол-универа видело, как мы выходили вместе. Ничего не случится.»

— Вы очень способный юноша, Саша, — сказал вдруг Крыс. — И я сейчас не об английском. Вы меня понимаете?

— Нет, — сказал Саша, мгновенно насторожившись.

— Я говорю о тех... — преподаватель поболтал в воздухе пальцами, — тонких материях, что отрицаются большинством наших сограждан. И активно используются — меньшинством. Что, по-прежнему не понимаете?

«Так. Похоже, этот вампир осознает, что он вампир. И что дальше, интересно? Потребуется больше не отрубать ему щупальца? Под угрозой завала на экзамене? Это что-то новое...»

— Ну, относительно, — осторожно ответил он.

— Тогда вы, вероятно, понимаете, что это вовсе не будет метафорой, если я скажу, что люди, по сути — сосуды с энергией. И эту энергию можно перераспределять.

— Людям, как правило, не очень нравится, когда из них... вытягивают энергию, — нейтральным тоном заметил Саша.

— Люди, как правило, этого не замечают, — отмахнулся Крыс. — Если только не обладают аналогичными... способностями к перераспределению. Как вы или я.

«Я не вампир!» — мысленно возмутился Саша. Но вслух произносить этот термин не стал — вдруг преподаватель сочтет слово «вампир» обидным? А ему еще экзамен сдавать этому... упырю.

— Я очень редко встречаю подобных людей, — вдохновенно продолжал «упырь», не замечая скептицизма на лице собеседника. — Но в вашем случае у меня прямо-таки возникает невольное желание... помочь. Научить, так сказать, азам перераспределения...

«Да откуда ж вас столько на мою голову, учителей-то» — Саша едва не рассмеялся.

— Спасибо, — сказал он, стараясь звучать вежливо. — Мне не нужна чужая энергия, мне своей хватает.

Крыс поморщился.

— Но зачем довольствоваться «сухим пайком», если можно питаться досыта? Да и люди... не всегда достойны того, что носят в себе.

С каждой минутой разговор нравился Саше все меньше и меньше. Он бросил нервный взгляд в окно, и почувствовал себя еще хуже — машина ехала по какой-то незнакомой местности.

— Не нам решать, кто чего достоин, — сказал он, украдкой поглядывая на ручку дверцы. А если открыть на полном ходу и выпрыгнуть? В фильмах у людей нередко получается...

— Почему же, — сказал преподаватель, глядя перед собой. — Кому, как не нам? Я чувствую, мы с вами одной породы. Я тоже был таким, в ваши годы... одиноким и замкнутым, без друзей и личной жизни. И некому было подсказать... научить. Я сам прошел этот путь. Сам вышел на новый уровень...

«С чего это он взял, что у меня нет друзей, что я одинок?» — возмущенно подумал Саша. Слова цепляли его тем сильнее, учитывая, что доля правды в них была. Но следующая реплика зацепила его еще сильнее. Новый уровень... что-то сквозило очень знакомое в этих словах.

Память услужливо подкинула картинку — темный зал заброшенного завода, деревянный амулет в руке... Воспоминания маньяка, разделяющего жертву. Тот тоже думал о выходе на новый уровень... И теми же словами говорила Лена. Почему-то до сих пор все связывали это понятие с втыканием ножа в живого человека...

«Нарушение первичного табу, например, на убийство и поедание себе подобных, в первобытных культурах часто связывается с переходом на качественно иной уровень существования...» — пробормотал в его голове голос лектора, имя которого уже, впрочем, подзабылось. Убивая себе подобных, первобытные люди ставят себя на ступеньку выше прочих. Только ли первобытные?

«Например, для юного воина первый убитый в бою враг — священный символ инициации, поднимающий его до уровня полноправного члена племени, доказывающий его мужественность...»

— Объясните, пожалуйста, — сказал Саша, невольно вжимаясь в кресло. — Я не понимаю. Что за уровень еще?

— Это лучше один раз увидеть, — сказал Крыс. Саша видел, что преподаватель тоже нервничает — у него слегка подрагивало веко, и пальцы стискивали рулевое колесо, пожалуй, слишком сильно. — Лучше один раз почувствовать...

Машина резко свернула, и остановилась. Саша с ужасом осознал, что они заехали на какой-то пустырь, мало напоминающий городской пейзаж. Может быть, и вовсе выехали из города.

— Я чувствую... чувствую, что вы меня поймете, — бормотал Крыс, почти вытаскивая парня из машины. — Мы же одной породы, я не могу ошибиться...

Он резво понесся куда-то вглубь пустыря, смешно спотыкаясь на кочках — «городские» ботинки преподавателя явно не подходили для прогулок по пересеченной местности. Саша растерянно огляделся. Автомобиль оставался незакрытым... запрыгнуть бы, да уехать, и пусть этот псих тут дальше скачет себе... Но от поступающих подобным образом героев боевиков парня отличало одно важное обстоятельство — он не умел водить машину.

Рассудив, что больше ему ничего не остается, Саша последовал за мужчиной. «Ни хрена себе отработка занятий у меня, однако...»

Крыс в конце концов остановился посреди поля, глядя себе под ноги.

— Вот оно! — Торжествуя сказал он, и едва ли не силком подтащил Сашу туда же. — Вы чувствуете? Это здесь...

Саша чувствовал. Место было... нехорошее. Вроде того, на заброшенном заводе, где были убиты две девочки.

— Они пульсируют, — сказал Крыс странным, нехарактерным для него торжественным тоном. — Точно открытые раны. Раньше я их не чувствовал так сильно, теперь же... с начала ноября... повсюду, их все больше и больше...

— Зоны, что ли? Эти... гепатогенные? — Саша честно попытался нащупать некую систему в бредовых изъяснениях внезапно спятившего препода.

— Я не знаю, как вы их называете... Но для меня... это все знакомые места, где мне приходилось... — тут он осекся, словно боясь сказать лишнее. И снова спросил, тревожно заглядывая в лицо Саши: — Вы же их чувствуете? Мне... не кажется?

«Он хочет подтверждения» — понял Саша. «Хочет убедиться, что он не сошел с ума, что другие видят то же самое...»

Саша не мог не признать, что в чем-то понимает мужчину. Неприятное это ощущение — когда сомневаешься в реальности происходящего. Ему и самому в последнее время то и дело приходилось сражаться с подобными чувствами.

Он глубоко вдохнул, прикрыл глаза и постарался сосредоточиться — как тогда, на заводе. Пропустить через себя энергетическое завихрение, что образовалось на месте... чего? Может, здесь тоже какие-нибудь детишки кошку замучили?

Но вспыхнувшие в мозгу картинки были гораздо страшнее.

Земля под ногами оживает, распаивает страшный, алый, беззубый окровавленный рот, жаждет поглотить его целиком... Чтобы спастись, он должен накормить эту бездну, заполнить ее кровью... Раньше было не так, раньше он сам пил, жадно припадая к открытой ране на теле жертвы... нет, не кровь — ту невидимую, но явственно ощущаемую субстанцию, что наполняет каждого, точно сосуд, пульсирует в нем, жаждая вырваться наружу, хлещет буйным потоком, когда он откупоривает сосуд острым медицинским скальпелем... Поток слишком силен, всего не поглотить, но ему хватало... а на земле оставался холодный, вибрирующий отпечаток — его след, его метка. Он любил возвращаться в старые места — на заброшенный завод, на этот пустырь, на окраину городского парка, где полусасыпанные землей руины старого бассейна позволяют так удачно прятать тела... Они будто звали его, земля, разбуженная свежей кровью, просила добавки... Но со временем метки стали появляться даже там, где он никогда не бывал. Земля покрывалась ими, точно гнойными нарывами, под каждым тайлся распахнутый в

безмолвном крике рот...

... девочка, слишком взрослая для него — уже студентка, он предпочитал жертв помладше, но нет времени выбирать — на тропинке, ведущей через парк к остановке, уже притаился вибрирующий сгусток пустоты, подстерегающий его...

... тело упаковано в пластиковый мешок, по частям, чтоб плотнее легло...

...новая зона возникает прямо на полу квартиры...

... не бойтесь одна ходить в такой поздний час, Волгина? Тут маньяки бродят, говорят. Учтите, неявку на занятие из-за нападения маньяка я засчитаю за прогул... Давайте-ка я вас провожу до остановки...

Саша чудом устоял на ногах после обрушившегося на него потока чужих ощущений.

Это место. Он привез очередную жертву сюда, пока она была еще жива...

Маньяк. Преподаватель английского в его родном университете. Конечно, он подрабатывал репетитором, готовил школьников... и школьниц. Удобно присматривать себе жертв...

Саша и хотел бы ошибиться, но на какой-то краткий омерзительный миг он почувствовал себя «в шкуре» этого человека... и сомнений больше не оставалось.

— Ну? Вы чувствуете это, Саша?

Крыс по-прежнему смотрел на него с надеждой. Он, видимо, не подозревал, сколь многое можно «почувствовать» в местах его деяний. Увидел человека со способностями, принял его за собрата... видимо, он просто не подозревал о существовании иных скрытых возможностей человека, кроме его излюбленного «перераспределения энергии». Кажется, он искренне надеялся, что Саша сможет чем-то ему помочь. Например, подпитывать энергией жертв возникающие «зоны»... очень странно он их воспринимает, конечно...

— Нет, — сказал Саша, с трудом шевеля внезапно пересохшими губами. — Ничего я там не чувствую.

Преподаватель посмотрел на него долгим тяжелым взглядом, а потом вздохнул.

— На занятии... на занятии мне показалось... — пробормотал он. — Ладно... вы, наверное, считаете меня сумасшедшим...

«Это еще мягко сказано. Когда человеку все время мерещится, что его хочет поглотить бездонная дыра... что это там по Фрейду, конфликт с чересчур авторитарной матерью?»

— Все нормально, — сказал Саша, пытаясь дышать глубоко и ровно, хотя пульс уже панически стучал в ушах таким трансовым саундтреком к шепоту внутреннего голоса: «Беги...»

— Давайте просто вернемся в город, ладно? А для отработки я к вам в другой день приду...

— Не нужно, — махнул вдруг рукой Крыс, устало и как-то обреченно. И эти слова окончательно убедили Сашу, что его преподаватель глубоко и всерьез не в себе. Если уж он два пропуска студенту готов простить...

Они двинулись обратно к машине — устало сгорбившийся Крыс, следом Саша, старавшийся

отставать от своего спутника на пару шагов — а то, мало ли что...

«Доехать обратно, только бы доехать до каких-нибудь знакомых мест, где транспорт ходит... попрощаюсь, как ни в чем не бывало, и сразу в Отдел... или лучше сначала позвонить в милицию? Нет, мне вряд ли поверят... в общем, что с этим делать, пускай шеф решает».

Преподаватель подошел к машине, но в салон не полез — только открыл дверцу и начал копаться в бардачке. Саша замер в нескольких шагах от него, не рискуя подходить. Что он вынет оттуда, нож? Пистолет? Убрать ненужного свидетеля... В обрывочных картинках-ощущениях-воспоминаниях, что достались недавно Саше, не было жертв-парней. Но... все бывает в первый раз, знаете ли.

Саша давно уже старался следовать правилу «не смотри глазами» — учился, как Игорь и советовал, перенаправлять свое сверхчувственное восприятие на другие каналы. Но сейчас он поддался искушению и глянул на Крыса сквозь полуприщуренные глаза, изгоняя из головы всяческие мысли — по словам Рогозина, и сенсы, и операторы эффективнее всего работали, входя в ощущение так называемой «внутренней пустоты», в неуловимые мгновения, когда мозг свободен от критической оценки действительности, от мыслей и чувств...

... из полуоткрытой двери машины торчало багровое, покрытое вздутыми синими жилами, бесформенное тело гигантского червя. Кольчатые мышцы медленно сжимались, вытягивая наружу безобразную тушу...

Саша и сам не понял, как ударил эту тварь. Не руками, это уж точно. Слово из его груди вырвался упругий поток силы, сметающий все на своем пути — и вонзился, сконцентрировавшись, подобно лазерному лучу, в самое «сердце» существа — туда, где пульсировал тугий клубок белесых нитей, расходящихся по всему телу правильной «звездой».

«Астральное тело вампира может иметь энергетический центр в виде сферы, звезды, кристалла... откуда это?»

Саша расширенными глазами смотрел, как оседает на землю Крыс — нелепо взмахнув руками, ненадолго привалившись спиной к дверце. В одной из них был зажат фонарик — какого черта, спрашивается, ему понадобился фонарик среди бела дня? Разве что по голове кого-нибудь стукнуть...

Парень коротко вскрикнул, и тут же зажал рот рукой, когда до него дошло главное. Глаза преподавателя оставались открытыми, взгляд застыл, уперся недвижно куда-то Саше чуть ниже колен... Мужчина был мертв.

— М-максим Геннадьевич? — растерянно позвал Саша, уже осознавая бессмысленность своих слов.

«Я убил его. Господи, я только что убил человека. Маньяка, вампира... но человека.»

Преодолевая какой-то суеверный ужас, он подошел к трупу, потянулся пальцами к шее — туда, где должен прощупываться пульс, если верить курсам первичной медподготовки, куда их загнали прошлым летом в принудительном порядке. Пульса не было, а теплая еще кожа оказалась на ощупь неожиданно сухой и шершавой. Саша вздрогнул от невольного отвращения, и отдернул руку.

Голова Крыса качнулась от этого движения, и безвольно упала на грудь.

«Так». Саша нервно сглотнул слюну, стараясь не скатиться в истерику, недостойную сомнительного звания «настоящего мужчины».

«Нужно позвонить Рогозину. Вот что мне нужно, да. Если не поможет, так хоть анекдот какой-нибудь в тему расскажет наверняка...»

Ирония действительно помогала в сложных ситуациях. По крайней мере, парень немного успокоился, и полез в карман за телефоном... который по-прежнему валялся дома, оставленный там почти неделю назад.

«Без паники. Только без паники. У этого... у Крыса... наверняка был телефон... точнее, еще есть, почему это «был»? А если человека уже нет, а телефон еще есть, надо говорить в прошедшем времени? Так, спокойно, отставить бред...»

Снова пережив короткую, но бурную схватку с подкатывающим к горлу комком отвращения, Саша обыскал карманы трупа. Нашел потрепанного вида «трубку» и уставился на нее, как на незнакомый артефакт. А номер? Кто в наше время помнит наизусть номера знакомых? Все надежно хранится в электронной памяти... Вот и что делать в таких ситуациях?

«Без паники», в который раз повторил себе парень. «Я, в конце концов, сотрудник ГРУ, верно? Если я сейчас позвоню, сошлюсь на код «13 О», может быть...»

И решительно набрал «02». На его сбивчивые объяснения в трубке ответили «выезжаем, оставайтесь на месте». Саша, в общем-то, никуда и не собирался — пешком, что ли, в город возвращаться? Он обошел машину, чтобы не видеть труп, сел на землю, не чувствуя холода, обхватил руками колени.

Однажды разбуженную силу уже не загнать обратно... Нельзя «поиграться» со своими способностями и сбежать, трусливо спрятав голову в песок. Саша вспомнил, как пугали его еще недавно новые знакомые... Оля с ее загадочной силой, Игорь, конечно же... А теперь он боялся смотреть в зеркало, потому что там притаился точно такой же субъект. Можно сбежать от кого угодно, по балконам и подвалам, но от себя самого — выйдет ли?

«Мы не видим на самом деле ауру, потоки энергии» — объяснял ему Рогозин, повторяя одно и то же на разные лады — чтобы лучше дошло. Все равно не доходило — до сих пор...

«Мы воспринимаем все это другими неизвестными науке органами. Подозревают, что тут замешана какая-то структура мозга, вилочковая железа, что ли... Сознание преобразует полученную информацию в образы — зрительные, или любые другие. Реальность — это интерпретация, понимаешь? Поэтому так расходятся описания разных мистических школ и отдельных личностей... Каждый видит то, что он готов увидеть».

Саша готов был увидеть чудовище... потому что его наивная вера в людей не позволяла причислять таких как Крыс, к роду человеческому. Увидел, испугался, и...

«...для юного воина первый убитый в бою враг — священный символ инициации...»

«...мы же одной породы...»

Саша тихо застонал, пряча лицо в ладонях.

Милицейская машина появилась на удивление быстро — похоже, они все-таки не успели выехать далеко за город.

— Ты звонил, что ли? — Толстый мужик в форме обвиняюще ткнул пальцем в Сашу.

Парень кивнул, нехотя поднимаясь с земли.

— Документы предъявите, пожалуйста, — сказал второй милиционер, подходя ближе.

Документы. Как будто Саша носил с собой что-то, кроме студенческого... он даже пропуск в Отдел оставил в покинутой квартире — вдруг там какой-нибудь следящий чип зашит? Вот и доказывай теперь, что ты не простой студент... поссорившийся с преподавателем. В сумме взятки не сошлись, например, вот и стукнул его по голове...

Видимо, та же нехитрая логическая цепочка сложилась и в головах доблестных стражей порядка.

— Ты что, бля, тут диспетчеру наплел? Какое нахрен ГРУ? Ты че, обдолбанный? А ну, в глаза смотри!

— Бл*ть, Вова, тут реально труп... — сдавленно пробормотал второй мент, который додумался обойти машину, пока его напарник «прессовал» студента.

В ту же секунду Сашу грубо развернули лицом к капоту, больно заломив руки.

— Ты его грохнул, паскуда?!

«Кажется, они должны для начала зачитать мне права или что-то такое...» — растерянно подумал парень.

— Я не врал. Это дело проходит по нашему... ведомству. Тринадцатый отдел. Свяжитесь со своим начальством, они знают...

Мент встряхнул его так, что он приложился носом о капот. На губы что-то потекло — похоже, кровь из носа.

— Будешь мне тут сказки рассказывать...

— Надо бы позвонить, — с сомнением сказал второй. — Я что-то такое, кажется, слышал.

— Чем ты его, а? — спросил толстый, наклонившись к уху. — Камнем по голове, что ли?

— На башке ран нет. Вообще ран нет, — задумался его напарник.

— Я не обязан отвечать, — пробормотал Саша, вспоминая судорожно, что он там на самом деле имеет право сделать? Адвоката вызвать? Блин, в Америке, судя по фильмам, все гораздо цивилизованней...

Он охнул от неожиданности, когда его огрели дубинкой по ребрам.

— Умный такой нашелся, да?

— Я все-таки позвоню капитану, — кажется, хоть один из этой парочки реально пытался делать свою работу, а не удовлетворять садистские инстинкты.

Сашу грубо запихнули в машину, надев наручники, и сказали «Жди и не рыпайся». Ждать пришлось не слишком долго — через некоторое время снаружи послышался шум

подъезжающих машин, хлопанье дверей, голоса. Кажется, кто-то кого-то смачно посылал на хуй. «Точно, это наши приехали», — отметил про себя Саша.

Его уже далеко не так грубо вытащили из машины, и кто-то щелчком снял с него наручники — вроде бы уже знакомый толстый мент.

— Так. Они тебя били? — Rogozin заглянул в его лицо, ладонью приподняв подбородок. Саша шмыгнул носом, отметив, что кровь уже не идет.

— Ну... не то чтобы... — ответил он, чувствуя, что, в общем-то, и не злится на арестовавших его ментов. Их тоже можно понять, в конце концов...

Наверное, он сказал это недостаточно решительно — майор повернулся, коротко глянув на вытянувшихся в сторонке милиционеров. Толстый ощутимо побледнел — видимо, выразительный был взгляд.

— Дай-ка свою дубинку, — сказал ему Rogozin. Он был абсолютно спокоен, и это, очевидно, пугало его собеседников сильнее любых угроз.

— Так мы ж это... а он же... документов не было... — забормотал мент, панически оглядываясь по сторонам. Его напарник, пихнув его локтем, прошипел сквозь зубы «молчи уже, дебил». Стоявший неподалеку мужчина, тоже в милицейской форме, но с нашивками посерьезней, демонстративно отвернулся, глядя в небо.

— Дубинку... будь любезен, — Игорь протянул к менту ладонь, ожидая.

— Не надо, — сказал Саша. Ему не нравилась эта сцена, страх на лицах здоровых мужиков был омерзителен. — Игорь Семенович, они ж не виноваты. У меня и правда документов не было.

Майор не обратил на него внимания. Не дождавшись, пока толстяк достанет дубинку, он ловко выхватил ее у того из-за пояса. Саша зажмурился, услышав звук удара и сдавленный вскрик.

— Простая справедливость, — сказал Игорь, внезапно оказавшись рядом. — Документы ты, конечно, зря забыл. Но совсем не обязательно применять силу... только потому, что ты это можешь. Что я, собственно, господам и продемонстрировал. Пойдем, нечего тут торчать... — приобняв парня за плечи, он повел его к машине.

— Они просто делали свою работу... как могли, — упрямо сказал Саша.

— При этом им иногда не помешало бы включать мозги черепной коробки. Будь ты убийцей, разве стал бы звонить в милицию и дожидаться их над трупом?

— Но я же... и есть... — тут у Саши внезапно перехватило горло, и он не смог договорить фразу.

— Кстати, о мозгах! — Rogozin умело проигнорировал его метания. — Чем ты думал, когда соглашался ехать черт знает куда с этим подозрительным типом?

— Он не казался подозрительным, — вздохнул Саша. — Точнее... мне все препода так или иначе кажутся подозрительными. И две трети однокурсников. Но это ж не значит, что они все...

Тем временем майор усадил его на пассажирское сиденье, и бесцеремонно задрал на нем майку, осматривая тело.

— Болит где-нибудь? Ребра, живот?

— Да вроде... нет, — Саша смутился, особенно когда ладонь Игоря скользнула по телу, осторожно ощупывая бок. Прикосновение невольно напомнило ему о прошедшей ночи... Хотя, понятное дело, сейчас никакого эротического подтекста в действиях его начальника не было.

— Они меня и не били, в общем-то... так, двинули пару раз...

— Да тебя ж пальцем ткнешь — синяк останется, — неожиданно мягко сказал майор. — Вот накачаешь пресс как следует, тогда можно и не бояться внезапных ударов... А пока лучше не подставляться.

Его ладонь замерла на одном месте, и Саша ощутил вдруг, как по телу расходятся теплые волны едва ощутимых вибраций. И стало легче — а до этого, кажется, где-то в боку действительно ныло, только парень этого не замечал, пока ощущение не исчезло.

— А ты думал, я только убивать голыми руками могу? — усмехнулся Игорь, убирая руку.

Про «убивать» он напомнил зря — Саша нервно прикусил губу, снова вспомнив, что произошло меньше часа назад.

— Посиди пока, я сейчас, — Рогозин захлопнул дверцу машины. — И нос вытри, кстати, там салфетки есть. А то смотреть страшно, жертва милицейского произвола...

— Это что, был очередной хитрый план? — тихо сказал Саша, когда его шеф, коротко переговорив с ментовским начальством, вернулся и сел в машину. — На этот раз я был наживкой для маньяка?

— Тебя что, и по голове били? — спросил Игорь, глянув на него сочувственно, и завел мотор, вырывая потихоньку с площадки. — Слушай, один полюс, к которому может скатиться психика оператора — это шизофрения, вера во все, что возникает перед глазами... А вот второй — это паранойя. Когда никому и ничему не веришь. Тоже опасно, между прочим.

— Но почему... почему я? Он говорил, что чувствует некую связь со мной...

— Саша, еще раз советую — включи мозги, пожалуйста, — сказал Игорь обманчиво-ласковым тоном, но парень почувствовал в его голосе скрытую угрозу. — Если бы я знал, что маньяк — вот этот твой преподаватель, ты думаешь, я бы не сдал его в ту же секунду? Зачем такие сложности?

В машине повисло напряженное молчание. За окном тянулся все тот же пустырь.

— Он был... вампиром, — Саша наконец заговорил, нарушая гнетущую тишину — шум мотора не в счет, он уже успел стать привычным.

— Похоже на то, — кивнул Игорь. — Если это про него ты мне рассказывал...

— Тогда зачем ему убивать? Тянул бы и дальше из студентов потихоньку...

— Вампиры — они как наркоманы. Им нужно все больше и больше, потому что привыкание развивается. А в момент насильственной смерти человека... да любого живого существа, даже растения — энергии выделяется немало. Это даже приборами зафиксировано, давно еще. Но обычно вампиры до этого не додумываются... а у этого, видимо, склонность была. А самое

паршивое, что он ведь эту энергию почти не использовал... Догадываюсь, почему после него оставались такие мощные возмущения энергии ... что любые следы перешибали, вот и найти его не могли. Ему же самые крохи перепали, у него ведь каналы как были заблокированы, так и оставались... снимал, так сказать, сливки с первого импульса, а остальное — в землю уходило...

— Пожалуйста, хватит, — прошептал Саша, чувствуя, как к горлу подступает комок. — А то... когда вы так говорите, создается впечатление, что вам не жертв его жалко, а того, что энергия впустую расходовалась. Я понимаю, что, наверное, это в чем-то правильно, но, пожалуйста, не надо сейчас...

— А у меня создается впечатление, что тебе маньяка этого жалко, — жестко сказал Игорь. — Ты понимаешь хоть, от какой твари избавил мир? Да, меня возмущает больше всего, что он их убивал зря. Можно понять любого, кто преследует какую-то цель... даже если его цель диаметрально противоположна твоей, и тебе придется убить его во имя собственной цели и долга. Но вот так, из чистой звериной жестокости...

— Хватит, — снова попросил Саша. Он чувствовал мокрые дорожки от слез на щеках, и понимал, что сдерживаться больше не сможет... оставалось только прикрываться рукавом от Игоря, в попытке сохранить хоть какое-то подобие достоинства. — Пожалуйста, не надо. Этого вашего цинизма. Я понимаю, это, наверное, профессиональное. Как у врачей. Наверное, иначе нельзя. Только не сейчас...

— Ладно, — сказал Rogozin, и больше за всю дорогу не проронил ни слова. А Саша давился слезами, отворачиваясь к окну, и думал о том, что, как только они хоть куда-нибудь приедут, он выскочит из машины и уйдет пешком домой. Но когда машина остановилась, майор заглушил мотор, а потом вдруг притянул к себе Сашу, обнял его ласково, прошептал на ухо «ну иди сюда, маленький мой», и парень неожиданно для себя разрыдался, уткнувшись в его плечо, и заливая слезами очередной пижонский галстук.

— Я же видел его... видел... — шептал он сбивчиво, сам не зная толком, что хочет сказать, как объяснить всю эту боль, ужас, отчаяние?

Игорь только молча гладил его по волосам, видимо, честно выполняя обещание воздержаться от циничных лекций на тему жестокости окружающего мира.

Они долго сидели, обнявшись, и в машину начали закрадываться сумерки, стирая очертания предметов. Когда Саша, еще всхлипывая, поднял наконец голову, он уже не мог разглядеть лица Игоря.

— Пойдем, — сказал тот, нехотя отпуская его и выбираясь из машины.

Саша вылез вслед за ним, чувствуя себя совершенно обессиленным. У него натуральным образом подкашивались ноги после всего пережитого — пришлось облокотиться на машину, пережидая приступ слабости.

— Ты чего? — спросил Rogozin, и вдруг, не дожидаясь ответа, подхватил его на руки и понес. Саша даже не представлял, что его можно с такой легкостью таскать на руках — все-таки не ребенок уже, и не хрупкая девица.

— Я и сам могу идти, — пробормотал он.

— Не сомневаюсь, — сухо сказал майор, но Саша чувствовал, как бережно тот держит его. Он

опустил парня на ноги только перед дверью подъезда — чтобы достать ключ от магнитного замка.

— Бабки у подъезда... подумают невесть что, — сказал Саша, оглядываясь.

— Поверить не могу — тебя, сотрудника ГРУ, беспокоит, что скажут бабки у подъезда? — иронически спросил Игорь. Он больше не порывался поднимать его на руки, но за плечи все-таки осторожно придерживал.

— Видимо, в этом вашем ГРУ сильно отстали от жизни, если не знают, что бабки у подъезда — мировая информационная мафия, круче «Викиликса», — в тон ему ответил Саша.

Игорь улыбнулся и провел ладонью по его лицу, стирая остатки недавних слез.

— Шутишь, — сказал он. — Это хорошо. Значит, будем жить?

— А что нам еще остается, — вздохнул Саша.

— Сейчас вот сделаю тебе волшебный чай, и все будет совсем хорошо, — пообещал Rogozin, заходя в квартиру. Саша протопал за ним на кухню, устроился на подоконнике и стал завороченно смотреть, как Игорь ловко смешивает какие-то травы из множества пакетиков в небольшом заварочном чайнике.

— Запоминаешь? — спросил майор, заметив его взгляд. — Смотри, зверобоя нужно совсем немного, на кончике ножа. Он ядовитый вообще-то. Потом, Melissa...

— Игорь Семенович, — тихо сказал Саша. — Я человека убил. Вы думаете, чай от этого поможет?

— А что, тебе водки налить? — поинтересовался Rogozin. — Поверь моему опыту, чай лучше.

Он потянулся за чайником, плеснул кипятком на горку трав в небольшом сосуде.

— Я тоже убивал людей, — сказал он глухо. — В основном, не слишком хороших. Знаешь, тут вот такая штука — есть те, кто делает дело. В первую очередь, а потом — все остальное, сопли и переживания. А есть те, кто всю жизнь только рефлексировать. И рассказывает, как бы он замечательно все устроил, если б ему дали возможность. Книжки об этом пишет, лекции читает. И вот чтобы он имел возможность всю жизнь философствовать попусту — должны быть те, кто делает дело. Такая простая схема, с рождения цивилизации и по сей день работает.

Саша послушно взял протянутую ему кружку, осторожно поднес к лицу. Пахло здорово, и ни на что не похоже.

— Ладно, — сказал он. — Допустим. Если бы я его застрелил или зарезал. Но я это сделал... силой мысли. То есть, у меня не было вариантов, взять в руки оружие или нет. Я сам — оружие. Вот от чего страшно.

Он почувствовал, что к горлу вновь подступают слезы, и поспешно сделал глоток. Горьковатый горячий настой обжег небо, отвлекая нервную систему более насущными проблемами, чем душевные метания.

— Точно, — сказал майор, поворачиваясь к нему. — Отлично сформулировано. Ты — оружие. Каждый человек — оружие. И, на мой взгляд, это преступление — оставлять его ржаветь в

трясине повседневности. Да, его можно использовать в войне с себе подобными. А можно — в войне с несовершенством этого мира. С собственными слабостями... со старостью и смертью. Подумай об этом, ладно?

Саша медленно кивнул, прикладываясь к кружке с чаем. Невероятно, но эта адская смесь трав действительно успокаивала.

— Наша цивилизация только подходит к пониманию этого, — сказал Игорь, глядя куда-то в пространство. — А кое-кто уже тысячи лет, может быть, совершенствует свое... оружие. Я ведь не успел тебе рассказать про Алтай? Про нашу миссию.. с Русланом?

— Вы рассказывали... но я мало что понял, — вздохнул Саша. — Не понял, что там произошло. Шаманы какие-то, великий дух...

— Кто бы мне рассказал, что там произошло, — Рогозин тоже вздохнул. — Там, на этом объекте... занимались какой-то неведомой хренью, сам не знаю, какой. То ли машину времени строили, то ли психотронный генератор. И вот местным шаманам это не понравилось. Возмущения в информационном поле уловили, что ли. Сначала предупреждали, а потом взяли и показали, на что способны. Безо всяких приборов, между прочим... Этаким плевок в лицо технологической цивилизации. Иногда я склонен верить, знаешь, всем этим статейкам в желтой прессе, про носителей знаний Атлантиды и Шамбалы. Потому что сам не раз сталкивался с применением таких знаний и техник, каких просто не может быть у диких первобытных горцев или чукчей, к примеру... Может, и правда, есть другая, скрытая от нас цивилизация...

Саша почувствовал, что наконец-то расслабляется — просто слушая задумчивый голос майора. Умеет же он убаюкивать... сказками про Шамбалу... Заслушаешься, и забываешь обо всем, что разрывало душу на куски каких-то полчаса назад.

— И вот когда мы с Русланом вломились на захваченный ими объект... нас заметили, и оценили, насколько мы по своим способностям отличаемся от охраны объекта и прочих вояк... С «Ящерами»-то они до этого не сталкивались. И Руслану... скажем так, предложили уйти с ними. И учиться у них.

— А вам? — спросил Саша. Игорь улыбнулся рассеянно, глядя куда-то вдаль.

— Видишь ли, — сказал он, — Руслан всегда был более... цельной личностью. Я же забивал голову всякой ерундой... все чего-то боялся, то показаться дураком, то допустить ошибку... и... о самом Руслане слишком много думал, наверное. Будущее планировал, за прошлое цеплялся... в общем, не понравился им бардак в моей голове. Меня довольно вежливо выставили, в итоге. А Руслан... он, конечно, за такой шанс ухватился. Он, кажется, всю жизнь чего-то подобного ждал.

— Вы его... любили? — спросил Саша, почему-то шепотом, точно громкие слова могли спугнуть внезапную откровенность разговора. Он понял вдруг многое о своем начальнике, все наконец-то сложилось в единую схему. И еще — сначала он хотел задать этот вопрос вовсе не в прошедшем времени... но изменил формулировку, вдруг осознав, что ужасно боится услышать положительный ответ.

— Да какая теперь разница? — пожал плечами Рогозин. — Много с тех пор воды утекло. И крови. И прочих... биологических жидкостей. Того Руслана давно уже нет. И меня тогдашнего давно уже нет, ну, по крайней мере, я много работал над этим.

И в его голосе не было горечи — только странная задумчивость.

— Значит, он... вернулся? — уточнил Саша. — После обучения?

— Вернулся, — кивнул Игорь. — И вместо того, чтобы пойти под статью за дезертирство, попал в фавориты у начальства... промыл им мозги, наверное, какой-нибудь из новоприобретенных техник. Миссии выполнял секретные... Сейчас вот в тусовке кремлевской вращается, с президентом, говорят, в баню вместе ходит париться... У них же мода сейчас на возвращение к природе, к корням... а тут — почти натуральный сибирский шаман... это ж круче, чем личный астролог. Зато он регулярно убеждает все компетентные лица в необходимости существования нашего отдела... и нашего филиала, в частности, а то была идея — оставить только центральный...

— А... чего вы с ним тогда ругаетесь? Если он... ну, на вашей стороне?

Майор усмехнулся.

— Тут... сложно все, — сказал он. — Наверное, я никак не прощу ему, что он ушел, оставив меня... Знаю, глупое чувство. Еще десяток-другой лет работы над собой, и я, наверное, отучусь чувствовать злость и... зависть, что ли. А пока — не получается. Не всегда получается, скажем так. Я когда-то думал, что любовь, верность и прочие абстракции — важнее всего на свете. А вышло так, что важнее — истина, например... или саморазвитие, эволюция... Вот Руслан пошел искать истину, а я остался на обочине, со своей любовью дурацкой. И что?

Саша уже успел достаточно изучить своего шефа, чтобы понять — в большинстве ситуаций он сохраняет какое-то сверхъестественное внутреннее спокойствие, держа эмоции под контролем, отстраняясь от происходящего с помощью вечной своей иронии... Тем ценнее были редкие моменты, когда Рогозин позволял себе увлечься разговором, говоря о каких-то по-настоящему важных для него вещах. Сейчас был один из таких моментов — Саша видел, как сверкали глаза Игоря в полумраке кухни. И пустота в сердце, образовавшаяся после всех переживаний, заполнялась какой-то тихой нежностью, когда он смотрел, как майор возбужденно жестикулирует, отставив чашку.

— Для меня тогда весь мир перевернулся, понимаешь. До этого все было предельно ясно... где реальные вещи, а где сказки и суеверия. Нас ведь учили без модных сейчас словечек. Какие там астралы, чакры, мантры? Психофизические воздействия. Торжество советской науки! Скрытые способности человека, и никакой мистики. И тут... какие-то, мать их, шаманы... Я потом много чего изучал... с кем только не общался, с кришнаитами, буддистами, хакерами сновидений, диагностами кармы... Знаешь, это просто невыносимо — чувствовать, что где-то рядом, за стеной, прячется истина, а тебя туда не пускают. Каждый в этой стене хочет свою дырочку провертеть, чтоб хоть одним глазком... А кто не дотягивается — бегаёт, дергает других за рукав — дядь, чего там? Расскажи, а? А они умное лицо делают и твердят, мол, непосвященным не понять. Так и стоишь, как дурак, на пороге... Вот так я и учился — сам, наощупь, ползком и в потемках... И все надеялся, что появится этакий... гуру в белых одеждах, и позовет за собой. Что откроется однажды моя личная дверь в какую-нибудь там Шамбалу... А вот ни хрена. Попадались всякие... инструктора. И я им очень благодарен, но просто показать какую-то технику — это бесконечно мало... Говорят, учитель приходит, когда ученик будет готов, и ни мгновением раньше. Руслан двадцать лет назад был готов... А я, видимо, пожизненно на... дистанционном обучении. Такие дела.

— И вы сами решили стать таким... учителем, — тихо продолжил Саша его мысль. — Гуру в белых одеждах, да? Который выведет к свету...

— С белизной одежд накладка вышла, в общем-то, — с усмешкой сказал Рогозин. — Слишком много вокруг грязи, крови и дерьма... И насчет света я, заметь, ничего не гарантирую. Просто чувствую, что должен обернуться и протянуть руку тем, кто бредет, как я, вслепую, наугад.

— Как... я, например? — Саша улыбнулся. — И я так подозреваю, выбора у меня уже и нет?

— Почему же, выбор есть всегда. Можешь, например, в тайгу с рюкзаком рвануть, к шаманам этим. Координаты скинуть?

Саша помотал головой.

— Нет, — сказал он, несколько смущенно глядя на майора сквозь поднимающиеся над кружкой клубы пара. — Я ж не спорю, что вы мне... нужны. И никуда мне, наверное, уже не деться. А вот я вам зачем, а? Если честно?

Игорь замер над своей кружкой, словно задумавшись — а действительно, зачем?

— Ну, — сказал он, усмехаясь, — может, мне нужен личный психоаналитик. Ты заметил, я все болтаю и болтаю, с момента нашей первой встречи? А ты все слушаешь, выводы какие-то делаешь... Мне остается только на кушетку улечься, для полного эффекта.

Саша хотел было привычно съязвить про себя, глубокомысленно промолчав, но вдруг подумал — какого черта?

— Вам скорее психиатр нужен, — сказал он, стараясь звучать как можно более невинно. — А у меня специальность другая.

— Ну, так переучишься, — сказал Игорь столь же невинным тоном. — Зато какой у тебя материал для диссертации будет!

Саша не нашелся, что ответить. А Рогозин продолжил вдруг:

— А сама рациональная причина... в том, что ты мое маленькое солнышко. Я вот слушаю твои речи про моральные устои и понимаю, что ты — лучик света в шизофреническом постмодернизме моей жизни. То есть, я, конечно, не хочу сказать, что ты прав, но две диаметрально противоположные точки зрения — это гораздо лучше, чем одна, потому что они дополняют друг друга по принципу квантовой суперпозиции. Ну, вы же проходили это по физике, надеюсь?..

Саша слушал этот поток сознания и не понимал почти ни единого слова, потому что мозг его отключился еще на слове «солнышко». Услышать подобное от его циничного и язвительного шефа — это было примерно как кувалдой по голове получить, только еще приятно до жути.

— Я, эм... не уверен, что соответствую оказанной чести, — сказал он наконец, стараясь поддерживать ироничный тон беседы. — Например, Крыс... то есть, маньяк наш... говорил, что у нас с ним много общего, что чувствует родственную душу... Так что не очень-то я и хороший, наверное.

— Конечно, он чувствовал родственную душу, — серьезно ответил Игорь. — У тебя ж сколько дней провалялся тот амулет, что ты для Игры заряжал? На месте его очередного... «художества»? Конечно, ты ощутил с ним связь... и он с тобой — тоже.

— Так вот оно что... — от этого объяснения Саша ощутил значительное облегчение, но все же

решил развить тему до конца. — А вы когда меня послали именно там амулет заряжать... то...

— То я рассматривал вероятность, что ты сможешь узнать что-то новое о событиях десятилетней давности. Саш, я клянусь тебе чем угодно, что не знал о свежей жертве. И не связывал старые убийства с новыми. У меня вообще голова другим была забита.

Саша кивнул, принимая объяснение. И правда, в конце концов, сколько можно везде подозревать двойное дно?

Особенно, если тебя называют «солнышком». Да еще и «моим». Убийственный аргумент, если честно.

— А еще он говорил, что был как я... у него тоже не было ни друзей, ни личной жизни...

— По-моему, как минимум один друг у тебя есть, — пожал плечами Rogozin. — Этот Витек, у которого ты скрывался. Разве он тебе не друг? Если б меня кто-то неделю прятал от мифических бандитов, я бы счел его другом, пожалуй.

— Ну, Витек... у нас с ним мало общего, — Саша задумался. А и впрямь, разве однокурсник не заботился о нем, не переживал искренне? — Ну и... он ведет себя временами, как придурок...

— Это не делает его менее верным другом, — серьезно сказал Игорь, и Саша, подумав, кивнул:

— Да, я, наверное, его... недооцениваю, что ли.

— А что касается личной жизни, — продолжил майор, — то у тебя же есть шикарный любовник.

Саша порадовался, что допил чай — иначе непременно подавился бы в этот момент. Он изумленно уставился на Игоря, пытаясь понять, не послышалось ли ему.

— И очень скромный, да, — с улыбкой добавил тот, невозмутимо прихлебывая чай — он-то, кажется, уже третью кружку этого варева себе налил. — Что, дурацкое слово «любовник»? Согласен... звучит так, как будто где-то еще и муж есть.

— Нет, — сказал Саша. — Тут вот в чем дело... слово «любовник» предполагает, что у двоих людей что-то было... больше, чем один раз. А у нас... — тут он замолчал, сам обалдев от собственной наглости.

— Вы на что это намекаете, молодой человек? — лукаво спросил Игорь, глянув на него. А потом отставил чашку, подошел к нему и стянул с подоконника, обняв за талию.

— Не было, так будет, — сказал он, прижимая парня к себе. — Какие наши годы еще, правда?

Версия сайта Гей-Библиотека.РФ

<http://gay-country.ru>